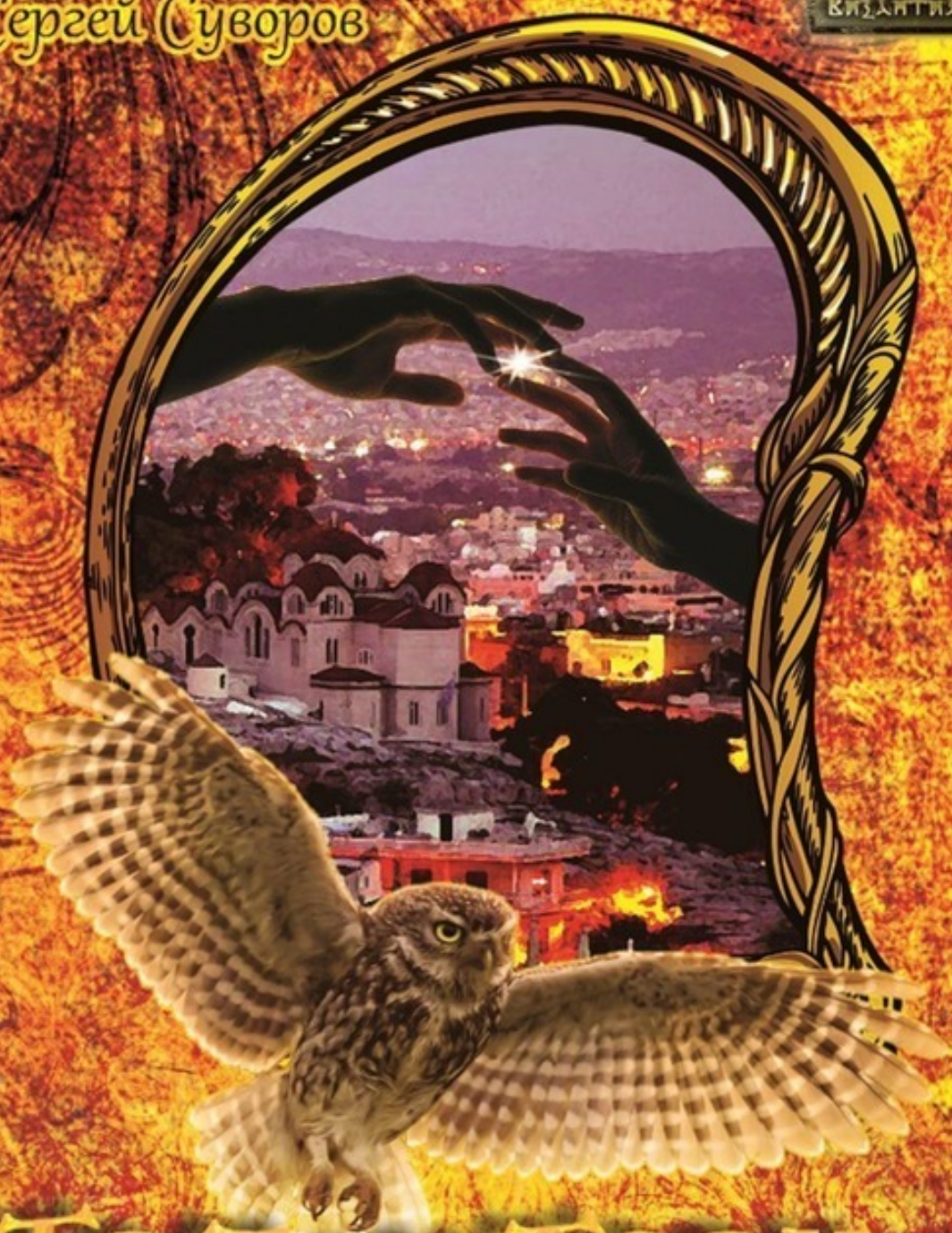

Кассия Сенина
Сергей Суворов

ТРАЕКТОРИЯ ПОЛЕТА СОВЫ

Кассия Сенина

Траектория полета совы

«Издательские решения»

Сенина К.

Траектория полета совы / К. Сенина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968409-7

Потеряв десять лет в псевдоправославной секте, Афинаида Стефанити хочет вернуться к нормальной жизни и защитить диссертацию. Волею судеб ее научным руководителем становится ректор Афинской Академии Феодор Киннам, один из самых блестящих мужчин Византии, и постепенно взаимоотношения ректора и аспирантки выходят за рамки научной деятельности. Между тем в Империи неспокойно: на сцену выходят силы, стремящиеся положить конец правлению династии Кантакузинов и возвести на престол Ласкарисов...

ISBN 978-5-44-968409-7

© Сенина К.

© Издательские решения

Содержание

ВИЗАНТИЯ XXI	6
Траектория полета совы	7
{***}	7
Осенние ветры	26
Зимние надежды	93
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Траектория полета совы

Кассия Сенина
Сергей Суворов

Дизайнер обложки Юлия Меньшикова

© Кассия Сенина, 2019

© Сергей Суворов, 2019

© Юлия Меньшикова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-8409-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВИЗАНТИЯ XXI

«Византия XXI» – серия романов в жанре альтернативной истории, рассказывающих о мире, где Византийская Империя не пала в 1453 году, но существует до нашего времени – как и прежде, на зависть всем.

На настоящее время в рамках серии созданы следующие романы:

**ЗОЛОТОЙ ИППОДРОМ
ТРАЕКТОРИЯ ПОЛЕТА СОВЫ
ТЕНИ ПАРФЕНОНА
ВОСТОЧНЫЙ ЭКСПРЕСС**

Сайт серии в Интернете: <http://byzantium-21.blogspot.ru>

Сообщество серии в Фейсбуке:
www.facebook.com/groups/Byzantium.XXI

Траектория полета совы

*...И воздух сладок, как свобода
(Дмитрий Быков)*

*Задумчиво мешаю сахар в чашке я
А через миг взмываю к небесам
Пусть говорят «пустился во все тяжкие»
Я легче воздуха, я это сделал сам
(Анна Герасимова)*

{***}

Ноябрь в том году выдался очень холодный. Злой ветер трепал деревья, и они раздраженно сбрасывали побуревшие листья. Розы, немилосердно исхлестанные дождем, уныло повесили головы. Водостоки старых мощеных улиц не справлялись с потоками воды. Гора Ликавит походила на ободранную мокрую кошку, а Акрополь целыми днями скрывала завеса то ли мороси, то ли тумана. Прохожие прятались под зонтики, а туристы, в хорошую погоду нередко забредавшие на местный книжный развал, вовсе не появлялись в этом районе, и сами торговцы, перебравшись под крышу, не высовывали носа наружу. Проходя по улице Прокла мимо книжного рынка, существовавшего на этом месте уже сто с лишним лет, Афинаида вдыхала запах кофе, которым согревались местные «книжники», и невольно вспоминала то время, когда она любила часами бродить по таким развалам... Но теперь она спешила пройти мимо, ведь в таких местах почти не встретишь «душеспасительных» книг вроде тех, что давал читать отец Андрей, зато всегда бросаются в глаза старые глянцевые журналы или плакаты с не слишком приличными картинками. А все-таки иногда жаль, что нельзя побродить среди низеньких столиков, заваленных книгами, порыться в ящиках с потрепанными изданиями, поизучать содержимое стеллажей с научной литературой...

Храм Архангела Михаила стоял на пересечении улиц Прокла и Григория Богослова, и Афинаида могла бы найти его с закрытыми глазами – столько раз она уже проделала этот путь. В последний год, после смерти матери, она проходила тут по меньшей мере два раза ежедневно. Отец Андрей то и дело заводил речь о том, что Афинаида должна, наконец, продать квартиру – точнее, он выражался обтекаемее, но одновременно и прямолинейнее: «пожертвовать на нужды церкви», – принять монашеский постриг и перебраться окончательно под кров церковного дома, где хозяйничала мать Еликонида. Но Афинаида всё оттягивала этот момент. Хотя против пострига она ничего не имела – в сущности, она давно жила в иноческом послушании, вот только имя, выбранное для нее отцом Андреем, ей не нравилось, – однако перспектива монашествовать под началом всесильной экономки пугала ее до смерти. В последнее время она не раз задумывалась о том, что означал этот страх – греховное малодушие и неприязнь к ближнему или инстинкт самосохранения? Впрочем, такой инстинкт отец Андрей, вероятно, тоже считал бы греховным, ведь ради Христа надо не бояться отдать и жизнь... Но Афинаида никак не могла заставить себя отождествить самопожертвование ради Христа с жизнью под командованием «богоданного ужаса», как в шутку иногда называл мать Еликониду сам настоятель. Имея свою квартиру, можно хотя бы по вечерам и ночью побыть одной, без чужих придирчивых взглядов, без опасения, что в любой момент к тебе могут войти... В этом была хоть какая-то независимость, которая полностью исчезла бы с переселением в церковный дом.

Независимость. За столько лет Афинаида, как ни старалась слушаться наставлений духовного отца и жить по тем книгам, которые он благословлял читать, так и не смогла побороть в душе стремления к свободе. Задумываясь о его корнях, она понимала, что это стремление уходило не столько в ее детство – Афинаида всегда была послушной дочерью и не доставляла родителям хлопот, – сколько в годы учебы в Академии и краткого пребывания в аспирантуре. Несомненно, оно проистекало от тяги к научной работе. Девушке было очень интересно учиться, и она порой с тайной грустью вспоминала о своей недописанной диссертации. Когда она забрала документы из аспирантуры, знакомые удивлялись, ведь она была одной из самых способных и преподаватели любили ее, а она так и не смогла никому внятно объяснить, что случилось. Никому, даже научному руководителю. Сказала просто, что изменились жизненные обстоятельства и она больше не может заниматься диссертацией. Что он подумал? Может, решил, что у нее что-то произошло в семье или в личной жизни... Он был слишком деликатен, чтобы расспрашивать. Только сказал: «Я надеюсь, что у вас всё уладится и вы еще вернетесь в науку. Такие способности, как у вас, грех губить!»

Она ушла из научной среды, едва начав туда вписываться, но «яд свободомыслия» уже попал в кровь: привычка анализировать прочитанное, сопоставлять разные источники, замечать аллюзии и цитаты, обращать внимание на необычные слова и выражения, оценивать тексты с литературной точки зрения... Она быстро поняла, что с отцом Андреем не стоит пытаться обсуждать противоречия, которые она находила в тех духовных книгах, что он ей давал, или недоумение, которое вызывали у нее кое-какие – да нет, пожалуй, даже многие – ответы на вопросы духовной жизни, которые, как будто бы, претендовали на полноту освещения, исключавшую всякие возражения. «Веруй в простоте и выше себя не прыгай! Это слова отцов, которые сподобились божественного просвещения, и до конца их понять можно лишь тогда, когда сам сподобишься того же. А чтобы этого сподобиться, надо не умствовать, а молиться и жить в послушании и смирении!» – таков был ответ настоятеля Свято-Михайловского храма на подобные вопросы. Приходилось смиренно умолкать, трудиться на пользу церкви, молиться, считать себя ниже всех и терпеливо ожидать духовного просветления, после которого всё неясное, точно по мановению волшебной палочки, станет понятным...

Куда больше изречений катакомбных старцев, столь любимых отцом Андреем, Афинаиде нравилось богослужение. Хорошее знание древнегреческого с самого начала пробудило в ней интерес к гимнографии. Тексты, которые прихожане, молившиеся вместе с ней на службах, зачастую едва понимали, слова, которые скользили по краю их сознания, почти не задевая – Афинаида обнаружила это довольно скоро, при попытках обсудить с новыми православными друзьями услышанное или прочитанное за богослужением, – для нее были полны смысла и необычайной красоты, часто трогавшей до слез. Это была та часть византийской поэзии, нередко поражавшей своей гениальностью, которая во время учебы в школе и Академии оставалась вне поля ее зрения. В учебниках и антологиях порой мелькали примеры из богослужебных текстов, но эти мимолетные упоминания не давали представления о том огромном культурном пласте, который теперь стал открываться перед Афинаидой. Сначала она была восхищена, даже заворожена. Но постепенно возник интерес другого плана: какие библейские цитаты использованы в той или иной стихире или каноне, каких именно еретиков обличал тот или другой прославляемый святой... Афинаида стала отмечать для себя на листочках параллели и казавшиеся ей интересными метафоры, но отец Андрей быстро положил этому конец: «Богослужение для молитвы, а не для питания суетных умствований!» Правда, Афинаида, не в силах удержаться, иногда тайно делала заметки, и дома скопилась целая кипа листочков, наскоро исчерканных карандашом. Зачем они ей? Она не знала, но и выбросить эти записи не поднималась рука.

Хотя, конечно, если она примет постриг, эти плоды непослушания и «умствований» придется уничтожить. У монаха нет своей воли, своего мнения, своего дома, своей жизни.

Он должен полностью предаться в волю духовного отца и отречься от себя, как отрекся от мира. Он дает обет послушания до смерти настоятелю «и всей во Христе братии». То есть, по сути, матери Еликониде. Афинаида поехала – то ли от очередного порыва ветра, то ли от мысли об экономке. Но, возможно, она несправедлива к ней? В конце концов, эта женщина не виновата в своей некрасивой внешности; она, как говорит отец Андрей, много настрадалась в жизни; хозяйственная хватка у нее действительно отменная, лучшей экономки настоятелю было, пожалуй, и не сыскать... Если не считать того, что мать Еликонида не любила людей. Точнее, смотрела на них так же, как на кастрюли или мешки с мукой: их можно двигать, распахивать по углам, бесцеремонно переставлять, ронять, а иногда и пинать в сердцах – им же не больно...

Накануне утром – в день рождения Афинаиды – отец Андрей снова завел с девушкой речь о постриге. Даже сказал, что, если ей трудно решиться на переезд в церковный дом, поначалу она может по-прежнему ночевать в своей квартире. Видимо, рассчитывал, что она согласится. И почему бы ей не согласиться? Она давно ведет почти монашескую жизнь, замуж не собирается, всецело предана делу спасения души, и постриг должен стать естественным завершением этого пути – точнее, ступенью перехода на другой, высший уровень. Если б она сказала «да», то этой ночью, на бдении под праздник Введения Богородицы во храм, ее бы постригли – она знала, что монашеская одежда для нее давно припасена в закромах у экономки... Но Афинаида, растерявшись, смогла только ответить, что подумает. Хотя над чем тут еще думать?.. И как чудесно постричься именно в этот день: введение в новую жизнь как введение во храм, где неразвлеченно служат Богу! Получить прощение всех грехов – ведь постриг это таинство, второе крещение – и начать с чистого листа... Может, согласиться? Тогда слова праздничного тропаря: «Днесь благоволения Божия предображение и человеков спасения проповедание», – зазвучат по-особенному и, возможно, откроется эта новая жизнь, к которой Афинаида так стремилась, но наступление которой всё время отодвигалась в неясные дали – видимо, по причине ее неизжитых страстей и недостаточного повиновения духовному наставнику...

Подходя к храму, где ей предстояло участвовать в уборке и благоуукрашении перед всеобщим бдением, Афинаида не подозревала, что на паству отца Андрея Лежнева надвигается такое «исполнение Зиждителява смотрения», о котором никто из них в тот момент и не помышлял.

Иеромонах Андрей был человеком странной и во многом таинственной судьбы. Священник катакомбной церкви, воспитанный в условиях жесточайших коммунистических гонений, он одному ему известными путями умудрился пересечь границу красной Московии и добраться до Афин. В Империи его приняли не то чтобы с распростертыми объятиями – доля настороженности в отношении выходцев «с того света» всегда присутствовала у византийских иерархов, – но достаточно дружелюбно. Прослужив несколько лет вторым священником в Свято-Михайловском храме, он доказал свое благочестие, духовный настрой и умение сплотить приходскую общину. Быстро выучив греческий язык, Лежнев скоро завоевал любовь и прихожан, и тех людей, что приезжали за порцией специфической «русской аскетики» со всего Пелопоннеса. После смерти старичка-настоятеля пришелец естественным образом занял его место.

От византийского стиля церковной жизни отец Андрей был не в восторге, но ему хватало такта не заявлять об этом во всеуслышание. Свои взгляды он умело насаждал исподтишка, как бы ненароком, и многого достиг на этом пути. Как раз под всеобщую Введения Богородицы во храм его прихожан ожидал очередной пример такой пропаганды «правильной духовной жизни»: настоятель распорядился освободить центральный неф от стоявших там длинных

скамеек. Тем, кто пришел помочь подготовиться к службе, он в снова поставил в пример русских, которых за границей давно называли «железными ногами» за их привычку выстаивать службы, не шелохнувшись и ни разу не присев.

– Скамейки это для самых немощных, – объяснял отец Андрей. – Оставим несколько штук у стен, этого довольно. А вы, дорогие мои, если очень устали, можете сесть прямо на пол, это вполне традиционно.

Таская вместе со всеми тяжелые скамейки к западной стене, Афинаида думала, что она, наверное, никогда не будет способна на духовные подвиги, которые столь обычны для русских. Многочасовые стояния, сотни поклонов, посты без растительного масла и вареной пищи – для византийцев всё это было в диковинку. Постепенно втягиваясь под руководством отца Андрея в такую аскетическую жизнь, она и ее знакомые порой по-настоящему страдали.

«Но должен же во всем этом скрываться смысл? – думала девушка. – В конце концов, все эти строгости взяты из древних греческих уставов, а вовсе не из чьей-то головы...»

Когда скамейки были сложены в аккуратный штабель, отец Андрей позвал Афинаиду в исповедальню. Усадив ее на стул, он заглянул девушке в глаза и спокойно поинтересовался, не решила ли она постричься под великий праздник. Хотя по дороге в храм Афинаида думала об этом, теперь ее вновь охватили сомнения и боязнь.

– Как? Сегодня?.. Нет, я пока не готова, я хотела еще подумать...

– Что значит «не готова»? – возразил отец Андрей. – Ты же знаешь, я церемоний не люблю. Постригаться так постригаться, не важно, чем ты занималась с утра и что ела. Было бы произволение! – Отец Андрей посмотрел на Афинаиду пристально, его светло-серые глаза вдруг заискрились весельем и добротой. Он провел рукой по пшеничным волосам, стянутым сзади кожаным шнурком, губы дрогнули в знаменитой загадочной улыбке. – Произволение стать одной из нас. Как я, как мать Еликонида, как старец... Ах, да, – спохватился настоятель, – мать Еликониду ты не особенно любишь. Но вот что я решил: оставайся-ка ты в своей квартире, не нужно тебе куда-то переезжать. Какие сейчас монастыри, по большому счету? Монашество вообще подвиг, не данный нашему времени, как говорил епископ Игнатий. Вот если мы, наконец, построим обитель, тогда другое дело... А имя, если тебе не нравится, можем другое выбрать. Тебе ведь нравится игуменья Арсения?

– Да. – Афинаида смущенно кивнула, не поднимая глаз.

– Ну, вот и прекрасно, пострижем тебя Арсенией. – И, не дав девушке ничего сказать, отец Андрей, словно прочтя ее мысли, продолжал: – Пойми, чадо! Пойми одну простую вещь. Монашество это не конфета и не медаль за выслугу лет. Монашество это жертва. Те, кто постригаются в старости, когда уже ничего не надо и не от чего отказываться, Господу не угодны. Постригаться тебе нужно сейчас, когда у тебя сомнения, искания всякие, когда есть чем жертвовать. Да, жертва – ключевое слово здесь. Если ты пожертвуешь Божией Матери свои амбиции, страхи, неприязнь к братьям и сестрам во Христе, это будет хорошо. И только это будет спасительно для тебя! Только тогда ты и ощутишь по-настоящему помощь Божию. А когда жертвы нет, когда ты стар и уже ничем в жизни не интересуешься, то тут и говорить не о чем, это всё мирское, человеческое.

Афинаида смотрела на знакомые до боли черты – прямой нос, чуть впалые щеки, солидные надбровные дуги с белесыми бровями, – видела, как отец Андрей с каждой минутой воодушевляется, словно загораясь изнутри невидимым огнем, и понимала, что не в состоянии возразить ни слова. Да и с чем тут поспоришь?..

– Итак, Арсения? – мягко спросил отец Андрей после минутной паузы.

Девушка тихонько кивнула...

Началось богослужение – длинное, с древними распевами, с торжественными выходами священников в золотой парче, с народными восклицаниями: «Господи, помилуй!» Постриг должен был совершиться по отпусте утрени, перед литургией, а пока Афинаида стояла у левой

солеи и пыталась следить за ходом службы. Но ее ум поглощали мысли о предстоящем событии. «Наверное, постриг – это как невесте замуж выйти, – подумала она. – Вот, я готовилась, собирала приданое, а сейчас, наконец, приходит Жених и ведет в храм на венчание...» От волнения и от сознания совершающегося над ней промысла Божия – теперь Афинаида уверилась в промыслительности всего происходившего в этот день, – на глаза то и дело навораживались слезы. Даже мать Еликонида почти не пугала. Вспоминались слова игуменьи Арсении, в честь которой отец Андрей решил ее постричь: «С Господом и ад не страшит меня». Да, так и должно быть: разве с Богом может быть страшно?

Перед полиелеем маленькая девочка в длинном платье, дочь одной из прихожанок, спустилась с солеи, крепко держа большую икону праздника. Образ поместили на аналой, запели: «Хвалите имя Господне!» Потом начался канон – тоже длинный, красивый, протяжный. Его пели два хора попеременно, и получалось необычайно величественно.

Но что это?! На третьей песне за стеной храма послышался шум. Кто-то явно стучал в дверь приходского дома, который располагался в пристройке у левой стены базилики. Стук этот был тем более странен, что за окнами висела холодная ноябрьская ночь: кому сейчас могло придти в голову ломиться в запертую дверь?..

Между тем стук прекратился на несколько мгновений, затем послышался громкий хлопок и странное шипение. Появился отец Андрей, непривычно бледный и заметно встревоженный. Вышел он почему-то не из алтаря, а из крипты под храмом, и взбежал по лесенке к левому клиросу. В этот момент тяжелая западная дверь распахнулась, и в храм ворвались четверо молодых людей в форме астиномии, с невероятно красными лицами и слезящимися глазами. В руках стражей порядка были дубинки – вторжение явно не предвещало ничего хорошего. Отец Андрей сделал знак хору, и стало почти тихо.

– Никому не двигаться! – крикнул один из вошедших. – Кто здесь главный?

– Братья и сестры! – громко произнес отец Андрей. – Настал тот час, о котором я вас так часто предупреждал! Это слуги красного дракона, они меня нашли! Не дайте им войти, закройте двери!

Прихожане, среди которых было немало суровых бородачей в черных пальто, повиновались немедленно. Они хлынули к выходу, сдавили астиномов со всех сторон и, не обращая внимания на их крики и угрозы, вытолкнули в темноту. Лязгнули массивные запоры, но настоятель этим не удовлетворился:

– Забаррикадируйте двери! Быстрее! – распоряжался он, бегая по храму.

Люди загрохотали скамьями и всей мебелью, что попала под руку. Несколько женщин забились в истерике, кричали дети... Служба остановилась, и в зловещей атмосфере храма, лишённого божественного пения, гулко раздались удары в дверь – видимо, снаружи били чем-то деревянным. Но массивная дверь и не думала поддаваться. Погас свет, и Афинаида увидела, что храм ярко освещен снаружи – очевидно, фарами машин. Внезапно в одном из высоких окон возник силуэт человека. Он комично цеплялся за прутья решетки, пытаясь не упасть, и походил на бесенка – такого, какие были изображены на иконе Страшного Суда. Впрочем, человек держал в руках не трезубец, а веревку, которую накрепко привязал к металлическим прутьям. Миг – и человек исчез, а через несколько секунд снаружи взревел мотор, решетка выгнулась и – дзынь! – отскочила с жалобным звоном.

Тут Афинаида почувствовала, как ее схватили за руку.

– Это я, не бойся, – негромко, но властно сказал отец Андрей. – Пойдем со мной, есть послушание. Ты уже, считай, пострижена, так что слушай меня! Пошли!

Он потащил Афинаиду к спуску в крипту. Тем временем зазвенело стекло, и внутрь храма влетела дымовая шашка.

– Отец Петр, не дайте им войти! Чада мои, стойте крепко! Пойте! – прокричал настоятель и побежал вниз.

Афинаида успела расслышать, как отец Петр, второй священник, завел испуганным дискантом: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое...» – и как прихожане подхватили: «Победы православному императору нашему Константину на сопротивных даруя...»

Спустившись в крипту, отец Андрей втащил Афинаиду в небольшое помещение, ей не знакомое – очевидно, комнату под самым алтарем. Войдя туда, она увидела стол с напитками и едой, а вокруг него шестерых мужчин восточной внешности, сидящих в напряженном ожидании.

– Это наши гости, Афинаида, нам нужно их спасти! – заявил отец Андрей удивленной девушке. – Они из наших страдающих в России катакомбных братьев, мы не должны позволить им попасть в руки красных дьяволов!

Один из гостей – видимо, главный – резко поднялся и спросил спокойно и негромко:

– Ты же сказал, что это безопасное место?

Иеромонах, казалось, ни капли не смутился:

– Это безопасное место, вы сейчас убедитесь. Я не знаю, что произошло! Это совершенно неожиданно и невероятно! Не знаю! Сработала ловушка в приходском доме... В общем, нужно убраться отсюда. Всем! – закончил он решительно.

Гости были уже на ногах. Пройдя по узкому коридору, один за другим все спустились в отвесный колодец, цепляясь за ржавые скобы. Здесь было темно и невероятно душно, у Афинаиды сразу закружилась голова. Беглецы включили фонарики.

– Отче, что же это? – обратилась девушка к отцу Андрею. – Неужели это и правда то, о чем вы нас предупреждали всегда?

– Да! – резко ответил он.

«А они правда катакомбники?» – хотелось задать вопрос, но Афинаида понимала, что это будет знаком недоверия отцу Андрею, ведь он выразился недвусмысленно. Однако ей казалось странным, что эти люди совсем не похожи на русских... Или это горцы с Кавказа?..

Колодец привел в длинное помещение без окон и дверей, где у одной из стен лежала огромная ржавая кувалда.

– Бейте здесь! – приказал настоятель. Стена, казалась, была сделана из галет: она мигом развалилась, открыв широкий лаз. Афинаида ощутила сквозняк, который принес сверху, из храма, отчетливый запах слезоточивого газа. – Вперед! – скомандовал отец Андрей.

Видимо, это была вентиляционная шахта. Еще несколько железных скоб – и под ногами твердая поверхность. В нос ударил неприятный запах прелой резины, какой бывает только в метро. Они побежали по длинному бетонному коридору, скупо освещенному пыльными лампами. Сильный ветер подгонял беглецов в спину, где-то внизу гудели моторы. Афинаида путалась в юбке, но подобрать ее одной рукой не получалось, а за вторую ее сильно тянул отец Андрей:

– Быстрее, быстрее!

Наконец она освободилась: «Пустите, я сама!» – и, подобрав подол двумя руками, побежала быстрее. Далеко сзади слышались крики, шум, а потом гулкий топот нескольких пар ног. Гостям это придало прыти; Афинаида почувствовала, что задыхается. Несмотря на сквозняк, сильно пахло пылью, металлом и машинным маслом. Каждый шаг рождал эхо. В конце коридора оказалась железная лестница. Скатившись по ней, бегущие оказались в полутемном тоннеле с двумя рядами рельсов. Главный гость метнулся из стороны в сторону и уверенно побежал к черному проему в серой вогнутой стене. Снова коридор! Выпустив в отчаянии юбку, Афинаида схватилась сзади за подрясник отца Андрея:

– Я больше не могу...

– Можешь! – яростно крикнул он и, схватив девушку за шиворот, потащил вперед.

Этот коридор походил на первый, но был заметно *уже*. Сделав пару поворотов, беглецы оказались в широком тоннеле с толстыми трубами вдоль стен, почти совсем темном. Здесь

главный гость огляделся, подал гортанную команду, и пятеро его спутников выхватили пистолеты. Афинаида тяжело осела на бетонный пол, не в силах ни бежать, не соображать. Лежнев опустился на колени рядом. Топот преследователей приближался, и когда они, казалось, уже должны были выскочить из-за угла, гости разом открыли бешеную стрельбу, целясь наискосок в стену опасного коридора. Афинаида зажала уши от страшного грохота и видела, как пули ударяются в бетон, высекая из него искры и выбивая мелкие осколки. За углом послышались крики боли и ярости, сразу стемнело – по-видимому, рикошеты разбили фонари. Стрельба смолкла так же внезапно, как началась: стрелки судорожно меняли обоймы. В этот миг быстрая тень метнулась вперед из расстрелянного коридора, бесшумно перекинулась через голову и... Афинаиду снова оглушил грохот и ослепили вспышки выстрелов.

Она увидела, как один гость молча упал, словно подкошенный, а другой рухнул на пол с диким криком боли и забился в судорогах. Двое товарищей зажали ему рот и потащили вперед, вглубь тоннеля. Старший гость отдал новое распоряжение, и последний из его спутников с тихим шелестом достал из сумки какой-то предмет и с металлическим стуком прикрепил к ближайшей трубе. Главарь тем временем продвинулся на четвереньках немного вперед и крикнул в темноту:

– Эй! Давай поговорим!

– О чем? – ответили ему из-за угла, куда стрелявший скрылся так же молниеносно, как появился. Крики в коридоре смолкли, доносились только стоны и приглушенная ругань.

– О девчонке! – ответил главный. – У нас тут есть КС-десять. Ты знаешь, что это такое? Я активирую ее на пятнадцать минут, после этого делай что хочешь. Но раньше подходить не рекомендую, если жизнь дорога. Ну, не твоя, так хоть девчонки!

С этими словами он включил большой фонарь и, направив его в сторону поворота, быстро отполз назад. Желтоватый конус осветил на полу зону опасности, к которой нельзя приближаться, и бок неподвижно лежащего человека... Однако всё это Афинаида осознала позже. Пока происходил этот короткий диалог, ее подняли на ноги и прислонили к стене. Один из гостей встряхнул ее за плечи и зашептал на ухо с сильным акцентом.

– Не бойся. Это не мина. Ты должна стоять смиренно пятнадцать минут, поняла? Иначе никто не поверит что мина. Тебя убьют! Стой, не шевелись!

Афинаида беспомощно повернула голову в сторону отца Андрея.

– Не бойся, дочь! – тихо ободрил ее священник. – Сейчас надо пострадать для общей пользы. Это не опасно, ведь гонятся не за тобой. Просто постой неподвижно пятнадцать минут, читай молитву. Ни одного движения! Этим ты спасешь всех!

Три тени метнулись в темноту, топот вскоре стих. Но один гость, отбежав метров на десять, задержался, и в ящичке над головой Афинаиды что-то тихо щелкнуло...

За углом тем временем опомнились, оттуда донеслась злобная ругань, затем послышались слова команд:

– Косой, бинты. Мотыга, назад, за подмогой. Саперов сюда – скажи, инфракрасный взрыватель. И пусть ищут ближайшие шахты! Всё, я здесь.

Из коридора выкатился еще один фонарь, свет ударил в глаза девушке, но она боялась даже зажмуриться, так явственно отпечатались в мозгу фразы: «Ни одного движения!» Вдали показалась человеческая фигура: мужчина осторожно вышел из-за угла и остановился. Видно было плохо, и он показался Афинаиде таинственным обитателем подземных лабиринтов.

– Все убежали? – вдруг спросил он на чистом греческом языке.

– Все... Не подходите! – выдавила Афинаида, сама удивившись своему хриплому, словно чужому голосу. Во рту было сухо, сердце стучало в висках.

– Я стою на месте, не бойся, – ответил незнакомец. – Как тебя зовут и почему ты здесь?

– А... А... Я духовная дочь отца Андрея.

– Вот как? Это что же, ты с ним сама пошла или тебя силой увели?

– Сама... я... должна спасти его и... – Она хотела добавить: «его друзей», но запнулась, слишком уж странно для благочестивых катакомбников повели себя эти гости...

– От кого? – поинтересовался незнакомец.

– От... вас!

– Вот как? А за себя ты не боишься?

– Б... боюсь.

– Почему же ты его спасаешь, а не он тебя?

– Он священник, он помогает людям, он... – Тут Афинаида снова запнулась, пораженная совершенно новым ощущением: она сама не верила тому, что говорила. Словно посмотрела на себя со стороны: прижатая к стене беспомощная девушка... И ей надо еще за кого-то заступаться! Незнакомец, отделенный от нее двумя конусами света, вдруг показался настолько не страшным, что она отважилась спросить: – За что же вы хотите его убить?

– Тебе не кажется, что это его друзья убили декарха и ранили двоих астиномов? – зло ответил мужчина. – Жаль, нельзя тебе показать, что с ними сейчас.

– Как... астиномов? – прошептала Афинаида чуть слышно.

Но у ее собеседника, похоже, был тонкий слух.

– А кого же еще? И, боюсь, один тоже не жилец.

– Вы не из Московии?

Мужчина выругался сквозь зубы и зло сплюнул на пол.

– Какая же ты дура!

– Меня зовут Афинаида, – тихо сказала девушка, глаза ее наполнились слезами.

Астином, казалось, смутился.

– Прости, – пробормотал он. – Если мы выберемся отсюда живыми, можешь дать мне по физиономии, разрешаю. Но пока давай подождем саперов. Неизвестно еще, отключится ли эта штука через пятнадцать минут или это очередной обман.

– За что вы преследуете его?

– Исповедоваться хотели! Ты думаешь, честные попы бегают от астиномии и стреляют из беретт?

– Он не стрелял!

– Почему я знаю? Эти гады были его друзьями! Не все так отмечают церковные праздники, а?

По щекам Афинаиды текли слезы. Всё плыло перед глазами, мысли в голове смешались. Она испугалась, что сейчас потеряет сознание.

– Это не мина, – произнесла она. – Это только муляж.

Но ее собеседник словно почувствовал родившуюся в ней волю к движению и властно закричал:

– Стой, не двигайся, дура ненормальная! Замри! Если это муляж, то слишком хороший, мой индикатор его чувствует.

Афинаида похолодела. К ней снова вернулись чувства, и одно из них явно было обидой. «За что? – подумала она. – Что я такого сделала, почему оказалась здесь, в темноте, холоде, в смертельной ловушке?»

– Не молчи! – спокойно скомандовал астином. – Говори что-нибудь. Время идет, помощь близка. И не вздумай упасть в обморок, очнешься на том свете.

– А она не взорвется? – жалобно спросила девушка.

– Нет, если двигаться не будешь. Взрыватель реагирует на движение. Я с такими сталкивался сотни раз. В горах незаменимая вещь, войдешь в зону активности, и привет.

Ненадолго настала тишина.

– Вы его убили? – спросила Афинаида, чуть скосив глаза на тело, лежащее на полу.

– Надеюсь. – Астином ее понял. – Если он пошевелится, тебе конец. Но я метил в голову. Хотя видно было плохо...

– Всё так просто? – Афинаида внутренне содрогнулась. – Вот так, убить человека?

– Всего не просто, многие месяцы тренировок. Тебе повезло, что я здесь случайно оказался.

– Или наоборот! Если бы не вы, меня бы здесь... не оставили!

– Оставили бы, не беспокойся. Тебя нарочно и взяли для этого. Уж очень ловко они всё это проделали. Но, раз тебе понравилась компания, можешь попытаться их догнать. Если всё кончится благополучно, я хочу сказать.

Афинаида вздохнула.

– Как вас зовут? – полюбопытствовала она.

– Сергей. Я региональный уполномоченный астиномии.

– А что он сделал, наш отец Андрей?

– Мы с тобой не будем сейчас об этом говорить. Но, вообще говоря, сделал он, видимо, гораздо больше, чем мы предполагали. Думали, здесь мелкие жулики собрались, а получилось вот как... Знать бы, что тут за птицы, с ними бы другой разговор был! Мне бы ребят сюда моих, а не этих молокососов...

Над головой Афинаиды тихо щелкнуло, и она заметила краем глаза, что на черной коробке зажегся зеленый огонек.

– Всё! – выдохнул Сергей. – Игрушка заснула, пожалели они тебя...

Он еще успел подбежать к девушке, чтобы не дать ей упасть на пол.

Обратный путь по подземным коридорам показался Афинаиде еще кошмарнее, чем бегство от астиномии. За первым же поворотом луч фонарика осветил два мертвых тела, лежащих в лужах крови; раненого, очевидно, успели унести. Кровь была и дальше – много крови, осколков стекла и каменной крошки. Афинаида почувствовала ужасный спазм внутри и испугалась, что сейчас упадет прямо в страшную лужу.

– Закрой глаза, пойдем быстрее, – прикрикнул Сергей и, сильной рукой взяв девушку за локоть, потащил ее вперед. – Дыши глубже!

Но, глубоко вздохнув, Афинаида ощутила только запах подземелья, пыли и еще один, ужасный – одуряющий запах кровавой смерти. По счастью, коридор скоро закончился, они вышли в просторный тоннель. Здесь было светло и суматошно, бегали астиномы и рабочие метрополитена.

Афинаида не помнила, как оказалась снаружи, сознание ее временами отключалось, вернее, она не могла удержать его в рамках реальности, постоянно уносясь мыслями к отцу Андрею, к покинутому разгромленному храму, к своему постригу... Однажды даже промелькнуло в голове совсем нелепое: удастся ли причаститься сегодня? «Господи, ну о чем же я думаю!» – мысленно укорила себя девушка.

Улица встретила темнотой и сыростью. Афинаида с Сергеем быстро прошли несколько переулков и оказались у храма. Здесь было много света, много машин экстренной помощи и астиномов, много криков и собачьего лая – в общем, невообразимый хаос. Один астином подошел к ним, спутник Афинаиды браво козырнул незнакомцу.

– Шахту нашли! – сказал тот. – Они решетку выломали, ушли. Собака привела сюда же, представляешь? Видно, они в суете спокойно сели в машину и уехали. Да, внизу нашли труп и гору одежды. И еще несколько комплектов формы. Похоже, готовились к неожиданностям, гады! Переоделись астиномами и улизили... А это кто? – спросил незнакомец, указав на Афинаиду.

Сергей вкратце описал сцену в подземелье.

– Арестуй ее! – потребовал астином.

– За что? – опешил Сергей.

– Будто не понимаешь?! Она же сообщница! Или вроде этого. В любом случае, следствию разбираться, не тебе. Где ты видел, чтобы живого человека помимо его воли минировали?

– Да, но... – начал было Сергей.

– Какое «но»? Эх, Стратигопулос, не быть тебе никогда хорошим астиномом, не понимаешь ты всех сложностей. А я тебе дело говорю!

– Первое дело сейчас – организовать погоню! – неожиданно заорал Афинаидин спаситель. – Полагаю, никто из прихожан вам помогать не будет? Что скажешь?

Его собеседник сразу сник.

– Да, безобразный скандал получился! – пробормотал он. – Но кто же знал? Всё так неожиданно, думали, иконных воришек поймает, а тут...

– Афинаида! – Сергей повернулся к девушке и посмотрел строго. – Где сейчас может быть отец Андрей? Если, конечно, он распрощался со своими гостями... А я уверен, что распрощался, не нужен он им, это слишком серьезные ребята. Ну? Он жил в церковном доме?

Афинаида осторожно наклонила голову. Ей вдруг стало непонятно, как себя вести. Рассказать всё, что она знала? Или немедленно замолчать и начать мысленно молиться?

– Послушай, дело нешуточное! – настаивал Сергей. – Убиты двое астиномов, разгромлен храм – ты слышала когда-нибудь про такое? И твои дела не в самом лучшем виде, не буду тебя обманывать. А виной всему твой драгоценный отец Андрей!

– Но это же не он громил храм... – прошептала Афинаида, стараясь не заплакать. Она посмотрела на церковную дверь, возле которой толпились астиномы и много прихожан – последние кашляли, вытирали слезы, женщины отчаянно ругались. Несколько важных астиномов в золотых погонах пытались успокоить толпу.

– Да пойми ты! – воскликнул Сергей. – Он был к этому готов! Устроил во время службы совещание с какими-то бандитами, ловушку приготовил в церковном доме, да еще распорядился вытолкать астиномов... Ты вообще понимаешь, что произошло?! Отвечай скорее, где его искать? Возможно, в опасности чьи-то жизни!

– Я не знаю, – пробормотала Афинаида. – Может, на подворье?

– Отлично, где это?

– Это километров сто отсюда. Нужно сесть на автобус...

– Да какой еще автобус! Адрес?

– Это на Пелопоннесе, около Триполи, там небольшой земельный участок...

– Почему же так далеко?

– Не знаю, отец Андрей считал, что так удобнее...

– Ну понятно, Триполи, оттуда ведут сто дорог... Можешь показать?

Девушка нерешительно кивнула.

– Так! Стой здесь! Нет, садись в мою машину и жди, пойдём!

Посадив Афинаиду в машину астиномии, Сергей закрыл двери и рванулся туда, где толпилось больше всего стражей порядка. Но через секунду затормозил, вернулся и, не глядя на пассажирку, вытащил ключ зажигания.

Между тем толпа вокруг храма всё росла, астиномы не справлялись с ней, и видно было, что они в полной растерянности. Подходили любопытные жители окрестных домов, замелькали телевизионные камеры...

Сергей вернулся на удивление быстро.

– Сейчас поедём! – весело сказал он. – Не дрейфь, никто тебя не обидит. Это твой шанс, не забывай. Между прочим, если выяснится, что в mine не было заряда, то дела твои совсем плохи. Пока разберутся, пока то да се... Так что уж будь добра, помоги нам найти твоего драгоценного духовника.

– Но почему я должна его искать? – со слезами в голосе проговорила Афинаида. – Это ваше дело... И, в конце концов, у нас православная страна!

– Правильно, мы же ваше православие и защищали! Хотели пресечь контрабанду икон, а нас газом. И вообще ваш настоятель – такой фрукт, что я бы на твоём месте помалкивал насчет православия! Тебе лучше сейчас не рассуждать, а заснуть хоть немного. День будет тяжелый, нужно быть в адекватном виде. Ты коньяк пьешь?

Афинаида испуганно замотала головой.

– Тем лучше. На! – Сергей протянул на заднее сидение металлическую фляжку. – Не дыши и сделай три больших глотка. Я бы и сам с удовольствием, как ты понимаешь.

Афинаида покорно взяла фляжку, не в силах спорить. Но жидкость пахла отвратительно и показалась огненной, девушка закашлялась.

– Ничего-ничего, – ободрил ее Сергей, протягивая кусок яблока. – Заешь, и спать, чтоб я тебя не слышал! Разбужу, когда будем подъезжать к Триполи. Двинулись!

Афинаида еще успела заметить, как их машина пристроилась к небольшой колонне: впереди ехала «альфа» с зеленым огоньком на крыше, за ней – небольшой автобус с решетками и надписью «Спецподразделение», а затем машина Сергея. Пробравшись через толпу, все увеличили скорость и понеслись по спящим улицам. К удивлению Афинаиды, сон начал одолевать ее быстро – хотя, казалось бы, после переживаний страшной ночи можно было бодрствовать неделю. Она прилегла на заднее сидение и только успела подумать, какое оно жесткое и колющее, как заснула.

Когда Сергей растолкал девушку, уже почти рассвело. Машины стояли на знакомом ей перекрестке. Теперь Сергей поехал впереди, Афинаида показывала дорогу. Несколько поворотов, сонные поселки, каменистые холмы, – и они у цели. Грунтовая дорога вела к подворью Михайловского храма: за большими синими воротами виднелись крыши домиков, каменный купол новопостроенной церкви. Могла ли Афинаида думать, что попадет сюда при столь трагических обстоятельствах?!.. Сергей выбрался наружу, опустился на колени и стал рассматривать следы на влажном песке. Вооруженные астиномы выпрыгнули из автобуса, развернулись цепью, и, пригибаясь к земле, медленно двинулись вперед.

– Ах, повоевать теперь захотелось! – Сергей хмыкнул, поднимаясь во весь рост. – Только нет здесь уже никого, нутром чую.

Он подбежал к высокому седому архонту – как видно, старшему, – который вышел из «альфы» и стоял, напряженно всматриваясь в ворота подворья. Затем Сергей переговорил с командиром подразделения и быстро пошел вперед, обогнав бойцов. Он громко и требовательно постучал в ворота, но никакого ответа, по-видимому, не последовало. Тогда он чуть отошел назад, примерился и перемахнул через забор. Через несколько секунд ворота раскрылись, Сергей сделал знак, что можно входить.

Афинаида сама выбралась из машины – уж очень неудобно было сидеть там одной серым ноябрьским утром – и пошла по дорожке. Было холодно, на голых деревьях висели капли, окрестные холмы скрывал туман. Из ворот показался Сергей, бросился к девушке, схватил ее за руку и потащил внутрь.

– От них ничего не добьешься, – говорил он на ходу. – Он здесь был с полчаса назад, но уехал. Давай, показывай, где его келья.

Сразу за воротами Афинаида увидела до смерти перепуганных сестер Евфимию и Елизавету – постоянных обитательниц подворья, которые зимой присматривали за порядком и ухаживали за скотиной. Обе были совсем молоденькие, отец Андрей постриг их прошлой весной. Сестры бормотали что-то бессвязное и поминутно крестились. Келья отца Андрея стояла на отшибе – небольшой каменный домик в три окна, черепичная крыша. Дверь не была заперта, однако Сергей не пошел внутрь, пропустил вперед саперов. По счастью, опасных сюрпризов здесь не оказалось, но в комнате ощущался тяжелый запах взрывчатки, на полу стоял искореженный, раздутый изнутри сейф. Осторожно потрогав его, Сергей удовлетворенно хмыкнул: еще горячий!

– Будем ломать? – спросил один из саперов.

– Нет смысла, там труха. Он, видимо, сунул внутрь гранату. А вот и чека, – сказал Сергей, подбирая с пола небольшое колечко. – Старый способ!

Подойдя висевшему на крючке подряснику, Сергей зачем-то тщательно его обнюхал.

– Он самый, пахнет ладаном и подземельем, – объяснил он Афинаиде. – У меня нюх в таких случаях как у собаки. Итак, ваш авва переоделся в штатское и куда-то рванул на той же машине, на которой приехал, это по следам видно.

Между тем в трапезной уже шел допрос насельниц: когда Афинаида с Сергием вошли туда, они увидели седого синтагматарха астиномии, сидящего за длинным столом, и бледных Евфимию с Елизаветой. Те успели немного успокоиться, но всё равно смотреть на них было жалко.

– Да, такси, – рассказывала Евфимия. – Приехал, забежал к себе, а потом там как грохнет!! Мы испугались, а он вышел в пиджаке, сказал: «Молитесь, нас постигли бедствия!» И ушел, скрылся.

– Что при нем было? – поинтересовался астином.

– Сумка была, кажется...

– Нет, портфель – уточнила Елизавета. – Черный такой... А вы правда из астиномии?

– Здесь кто-нибудь еще может быть? – тихо спросил Сергей у Афинаиды.

– Да, здесь живет старец Всебед. Он из Московии, ему коммунисты ноги переломали, он не ходит.

Когда астиномы вошли в келью старца, тот сидел на кровати. На прищельцев он посмотрел сурово, насупив мохнатые брови. Борода старца спускалась по груди седыми волнами, на нем был истрепанный серый подрясник. Афинаида поздоровалась и подошла под благословение. Всебед не очень охотно, косясь на гостей, перекрестил ее, коснулся жилистой рукой склоненной головы.

– Здравствуйте! – сказал высокий молодой комит, присоединившийся к отряду перед воротами. – Моя фамилия Волюмандис, я региональный астином. Могу я взглянуть на ваши документы?

«Вот уж едва ли у него есть какие-то документы!» – подумала Афинаида. Но старец, молча порывшись в изголовье кровати, извлек на свет Божий истрепанный паспорт.

– Так, Горан Милошевич, Приштина, провинция Сербия... – Волюмандис пролистал документ. – Это ваш паспорт?

– Мой, – наконец, подал голос Всебед.

– Если так, то он давно просрочен. – Комит помахал в воздухе книжицей, где была вклеена фотография совсем молодого человека. – К тому же вас здесь считают беженцем из Московии, если не ошибаюсь?

В этот момент Сергей обратился ко Всебеду на незнакомом Афинаиде языке. Старец ответил что-то – кажется, невпопад, и на его непроницаемом морщинистом лице на секунду отобразилась растерянность.

– Полагаю, вам придется проехать с нами для выяснения личности, – заявил Сергей, бросив взгляд на комита. – Собирайтесь!

Когда Афинаида вышла из кельи на улицу, ей вдруг почудилось, что она смотрит на знакомую местность с высоты птичьего полета – настолько нереальным казалось произошедшее, такая непроницаемая стена встала между прошлым и настоящим. Столько лжи всего за одну ночь! Или, по крайней мере, неразгаданных загадок, неясностей там, где раньше всё было понятно... Вот каменный коровник, куда она так часто ходила с вилами и лопатой; вот их маленький храм, для которого девушки много дней таскали тяжелые камни – отец Андрей настаивал, что всё непременно нужно делать вручную и с молитвой; вот келья, куда они приходили по вечерам для откровения помыслов; вот тропинка в сторону ограды, ведущая в места

молитвенного уединения... По крайней мере, так говорил отец Андрей. Но были ли они, эти места? Что теперь думать, кому верить? А сегодня праздник... Услышав далекий перезвон колоколов, Афинаида механически перекрестилась. И тут же, осев прямо на камни двора, горько зарыдала.

Вернувшись в Афины, они поехали в городское управление астиномии. Афинаида безучастно сидела на жестком стуле, пока Сергей разговаривал с сотрудниками управления. Наконец, они пошли по длинному коридору, и Стратигопулос ввел девушку в комнату. Он называл ее «апартаментом класса „А“» и постарался заслонить от Афинаиды табличку на двери. Однако девушка успела прочесть: «Камера подозреваемых».

– В чем же меня подозревают? – спросила она упавшим голосом.

– Ни в чем, – деланно бодрым тоном успокоил астином. – Но лучше тебе пока побыть здесь. Возвращаться домой просто опасно, ты же понимаешь? Спи, вечером поговорим. Если хочешь, вызовем психолога, но тоже вечером.

Афинаида огляделась. Помещение не особенно походило на камеру, как она ее представляла. Желтые стены, стол, диван с постельным бельем, старенький телевизор, икона Божией Матери в углу. Сергей схватил со стола яркий журнал с фривольной картинкой на обложке.

– Это не для тебя, это дежурная смена здесь отдыхала, – объяснил он. – Располагайся!

В соседнюю комнату между тем заносили старца. Слышно было, как тот недовольно ворчит на молодых астиномов.

– Вот какое у меня введение получилось, совсем не во храм, – прошептала Афинаида, глядя на икону, когда дверь за Сергием закрылась с сухим металлическим щелчком.

Скандал со штурмом Свято-Михайловского храма вызвал широкую реакцию в обществе. Наутро о нем говорили все газеты, все выпуски новостей. Высокое начальство астиномии отмалчивалось недолго: к полудню логофет дрома принес официальные извинения верующим и заверил, что все, кого сочтут виновными в недолжном исполнении своих обязанностей, будут наказаны. Однако логофет призвал взглянуть на случившееся и с другой точки зрения. По его словам, астиномия получила информацию о том, что в приходском доме при Михайловском храме во время службы состоится встреча главарей преступных групп, занимающихся контрабандой икон и исторических ценностей. К сожалению, астиномию ввели в заблуждение опытные конспираторы – по всей видимости, члены хурритской банды торговцев оружием. «Не снимая с себя ответственности за плохую оперативную работу, – говорилось в заявлении, – мы всё же вынуждены заметить, что в предоставлении государственным преступникам возможности собираться, почти не таясь, в крипте православного храма нашей вины нет. Вина лежит на духовенстве и не в последнюю очередь на священноначалии».

Митрополит Афинский не успел отреагировать на обвинение: его срочно вызвали в астиномию. Следствие интересовала личность отца Андрея, его поведение и связи. Явившись на допрос, владыка не сказал о настоятеле Свято-Михайловского храма ничего плохого. По его словам, Лежнев всегда был примерным священником, его приход – один из лучших в Афинах, прихожане никаких жалоб не имели. Византийскую обрядность, которую в Московии называют «новой», священник освоил быстро, хотя иногда говорил, что двумя перстами креститься всё же правильнее.

– Между прочим, отец Андрей вносил епархиальные взносы аккуратнее всех в городе, – солидно заявил митрополит.

Он смотрел на следователя хмуро из-под кустистых бровей, в глазах его играл недобрый огонек. Чувствовалось, что владыке хотелось бы повернуть дело иначе и, напротив, спросить с астиномов, по какому праву они вторглись в храм во время богослужения, не поставив

в известность епископа. Но случай был слишком скандальным и очевидно невыгодным для церковников, а если бы кто в этом усомнился, то двое убитых и один раненый астином, да еще пятеро серьезно избитых прихожанами – среди которых никто сколько-нибудь серьезно не пострадал – перевешивали любые доводы. Представить Лежнева невинной жертвой буйного поведения стражей порядка было немыслимо, хоть и очень соблазнительно.

Начались допросы задержанных – тех, кто вел себя наиболее агрессивно или вызвал подозрение.

Афинаиду отпустили спустя три дня после штурма храма, потребовав никуда не отлучаться из города и приходить на допросы по первому зову. Она безучастно кивнула. Судебные психологи констатировали у нее сильнейшее нервное потрясение и порекомендовали отправиться в бесплатный реабилитационный центр, куда обещали дать и направление. Они также написали заключение о том, что девушка никак не могла быть причастна к вооруженному сопротивлению астиномам и попала в подземелье случайно. Стратигопулос, правда, сомневался, что ей надо возвращаться домой: все-таки она единственная из всех видела лица бандитов, хоть и не могла практически ничего вспомнить. Но Афинаида тихо пробормотала, что ей совершенно всё равно, что нужно надеяться на Бога, а под надзором жить невыносимо, пусть и на правах опекаемого свидетеля. Сергей кивнул понимающе и попытался успокоить девушку, сказав, что пока вокруг ее квартиры ничего подозрительного не замечено, и еще раз попросил никуда не уезжать, почаще давать о себе знать и аккуратно являться для дачи показаний.

Мать Еликонида держалась гордо, независимо и, пожалуй, на грани приличий. Все вопросы она выслушала внимательно, брезгливо выпятив мясистую нижнюю губу, но разговаривать со следователем не захотела, грозила всеми небесными карами и однажды даже плюнула в сторону портрета императора, назвав того антихристом. Интеллигентный и вежливый следователь спокойно напомнил ей, что закона об оскорблении величества никто не отменял, и заметил, что будет курьезно, если впервые за сто лет по данной статье будет наказана монахиня.

Однако следствию было ясно, что Еликонида ничего о контрабандистах знать не может: слишком уж тупая и злобная старуха, такой ни один нормальный человек секретов не доверит. Попутно выяснилось, что ближе всего к настоятелю стояла не она, а некий Леонтий Костакис. Именно он заведовал финансами отца Андрея, разрабатывал коммерческие проекты, и... Астиномам очень хотелось выяснить, чем еще занимался Костакис, но вот беда: он бесследно исчез. Его не было на злосчастной службе, и никто не знал, где его искать. Обыск в помещении, которое Леонтий занимал в церковном доме, не принес ничего интересного.

Зато весьма занятные сведения пришли от Алексея – сторожа храма и бессменного алтарника. Он первый рассказал, сам того не подозревая, о той паутине, которой были опутаны прихожане Лежнева. Некоторые астиномы из регионального отдела, сами ходившие на службы в Михайловский, только качали головами: являясь время от времени на исповедь и причастие, они и не подозревали о том, как живут «настоящие прихожане» отца Андрея. Все «верные» были разделены на пятнадцать «двадцаток», возглавлявшихся специальными старостами. Старосты наблюдали за поведением подопечных, оповещали их о новостях, проводили беседы и даже домашние богослужения: двадчатки организовывались по территориальному принципу и объединяли близко живущих прихожан. Однако, похоже, самой важной обязанностью старост был сбор пожертвований – десятины, как они ее гордо называли. Между прочим, для митрополита существование таких приходских структур стало новостью, но о его отношении к ней сложно было судить: владыка сначала удивленно вскинул брови, потом пробормотал себе под нос нечто невразумительное – то ли осуждающее, то ли одобрителное. Впрочем, религиоведы – их пришлось привлечь в качестве экспертов, равно как и группу психологов – объяснили, что такая организация действительно свойственна русским катакомбникам, но в Империи о подобном до сих пор не слышали.

Сам же Алексей рассказывал о приходе, который в астиномии втихомолку начали именовать сектой, вполне простодушно. Это был высоченного роста немолодой уже мужчина, бывший моряк, которого отец Андрей подобрал фактически на улице, бездомного, беспаспортного и «невоцерковленного» – выражение Лежнева, которое вызвало у астиномов смех, а у психологов живейший интерес. Всё, что происходило в Свято-Михайловском, Алексей воспринимал как эталон и единственно возможный вариант благочестивой жизни. По его словам, никто из тех, кто не следует строгому постническому уставу, не слушается во всем духовника, не читает неких «праведных» молитв, в общем-то не является и христианином.

– Где нет страдания, там нет и христианства! – заявил Алексей на одном из допросов.

– Но страдание рождается от действия внешних факторов. Что же делать, если их нет? – поинтересовался психолог. – Ведь мы страдаем по воле Божией и не страдаем – тоже.

– Надо их себе организовать, иначе не спасешься! – твердо заявил Алексей.

– То есть вы считаете, как Амасис, что божество завистливо и его зависть нужно заранее погасить лишением себя чего-то насущного?

Про историю с выброшенным в море и возвращенным во чреве рыбы перстнем Алексей ничего не знал, но, выслушав ее, кивнул одобрительно и полюбопытствовал, в каком веке жили Амасис и Поликрат.

– В шестом, – улыбнувшись, ответил психолог, ничего не уточняя.

– Да, это был век наших великих подвижников! – воскликнул простодушный сторож.

Подписывая Алексею пропуск на выход, дознаватель спросил как бы невзначай:

– Послушайте, вы ведь здоровый крепкий мужчина. Неужели вы не могли бы себе устроить другую жизнь, хотя бы пойти работать куда-нибудь? Живете на нищенском жаловании, ничем особо не заняты, не женаты, друзей у вас нет, а алтарников в храме и без вас больше десятка. Так ради чего всё это?

– А ради спасения души! – с жаром ответил Алексей, тряхнув нечесаной гривой полуседых волос. – Всё другое не спасительно! Куда работать-то? Кому я нужен? А все эти друзья, жены – они только от Бога отвлекают! Вы почитайте Златоуста-то! «Не имей дружбы ни с кем, кроме царя и Бога!» А до царя-то мне далеко... Эх! – Алексей махнул рукой и скрылся за дверью.

«Лежневцев» отпускали одного за другим, взять с них было нечего. Участникам драки с астиномией, правда, присудили штрафы, некоторым весьма крупные, но в строгом соответствии с законом. В то же время кое-кому выдали пособия, а желающим помогли устроиться на работу. Почти все прихожане нуждались в психологической помощи, которую также оказали, по мере возможности. На незадачливых астиномов наложили взыскания, но не слишком строгие, ибо те и без того достаточно пострадали в драке. Камеры подозреваемых пустели одна за другой, хотя подозрений становилось всё больше. Ясно было, что следствие имеет дело с толпой забитых и одураченных людей, привыкших беспрекословно подчиняться своему благочестивому гуру, но что именно представлял собой этот гуру, имел ли он какие-то цели, кроме наслаждения властью и, самое главное, почему он связался с контрабандистами, оставалось непонятным. Загадкой осталось и то, каким образом отцу Андрею удалось получить такое влияние, что сотни людей вокруг него годами жили в страхе и в ожидании каких-то мифических врагов, которые вот-вот нагрянут по их души.

Собранные материалы предъявили епархиальному секретарю, отцу Феодору – именно ему митрополит Афинский поручил представлять интересы Церкви. Секретарь долго изучал кустарные брошюры, протоколы допросов и самодельные молитвенники, но так и не усмотрел ничего преступного. Много призывов к аскетизму, порой весьма примитивных, но традиционных: развитая теория умной молитвы, множество обрядовых мелочей... Что в этом нового? Даже обычай жертвовать на нужды прихода десятину не вызвал подозрений: древняя базилика требовала дорогостоящего ремонта, и таковой периодически производился. Непривыч-

ным казалось полное отсутствие какой-нибудь общественной активности, но настоятель объяснял это необходимостью сосредоточения на внутренней жизни...

Очень насмешил всех пожилой монах, которого Лежнев в ту роковую ночь выставил на улицу «на страже», приказав сразу бежать к нему, если увидит что-то подозрительное.

– Но ведь я же не виноват? – восклицал инок испуганно, заискивающе заглядывая в лицо астиномам. – Я и глазом моргнуть не успел, как ваши ребята прибежали. Я же не знал, не выполнил послушания, глупая моя голова...

Старца по кличке Всебед, по окончательном выяснении его личности, отправили в Дечанский монастырь – ближайший к месту его рождения.

– Там, по крайней мере, уж точно никому не будут нужны твои духовные советы! – сердито напутствовал его отец Феодор.

Кто действительно поразил всех расследовавших дело, так это Екатерина – свечница храма и по совместительству староста одной из двадцаток. Эта была рыхлая немолодая дама с выпуклым лбом, бегающими глазами и сердитой складкой вокруг губ.

– Скажите, – спросил ее следователь, – вот вы скребком расцарапали астиному всё лицо. Вы полагаете, это нормально, по-христиански?

– Ой, я не знаю, ничего не могу сказать, – бойко ответила женщина, – нас так благословил духовник.

– А вы не хотите встретиться с раненым астиномом?

– Ой, нет, что вы, что вы! – Екатерина замахала руками. – Я не хочу, я не знаю, я... не могу!

– Но вы не видите в своем поступке ничего ненормального?

– Знаете, отец Андрей наш говорит, что в церкви нормальных вообще нет.

– Это в каком же смысле?

– Не знаю. Он говорит, что все мы немножко психи, у каждого своя болезнь. Ну, и в том еще смысле, что мы все должны быть юродивыми Бога ради, должны отказаться от умствования.

– А вы уверены, что в данном случае отказываетесь от умствований именно ради Бога? Не ради отца Андрея, который, так или иначе, виновен в гибели двух человек?

– Не знаю. Не он же их убил! И потом, вы сами ничего про нашего отца не знаете, а он великий человек, на самом деле!

– Я, возможно, и не знаю, – следователь начал сердиться, – но вижу, что вы до сих пор находитесь у него в полном рабстве и рабской зависимости.

– Да-да, это очень хорошо! – с жаром заговорила женщина. – Он ведь мой духовник! Он и сам говорил, что священник должен быть вместо Христа на земле, что так мы показываем Богу, что мы Его рабы! Так и надо! И еще он говорил, что, если ты по-настоящему предан Богу, то от этого рабства уже никогда не освободишься, никогда! Кто бы тебя ни пытался освободить, ты всё равно останешься рабом Божиим, об этом и апостол писал: «Если и можешь стать свободным, больше поработи себя!» Это... это, знаете, как гигиена тела. Если ты в рабстве у Бога, то к тебе никакая духовная зараза не пристанет, никакая прелесть, никакой бес! А иначе, чуть только выйдешь на ложную свободу, тут и конец тебе! Тут и погибель!

– Да, странные вы люди и странный человек ваш отец Андрей. Непонятный... – задумчиво пробормотал следователь.

– А как же можно понять человека? – бойко отозвалась Екатерина. – Только одним способом: молитесь за него. Молитесь, Господь-то вам всё про него и откроет, так старцы учили!

Однажды вечером Сергей Стратигопулос и несколько молодых архонтов астиномии, сидя в региональном отделении в компании большой бутылки рицины, обсуждали всё прошедшее. Кто-то зачитывал вслух избранные места из одной Лежневской брошюрки, остальные весело смеялись.

– Вот послушайте: «У христианина нет своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже особого имени. Всё в нем поглощено единым исключительным интересом, единою мыслию, единою страстию – Богом. Он разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, со всеми законами и приличиями этого мира. Он презирает общественное мнение. Он презирает и ненавидит нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него то, что способствует торжеству православия. Безнравственно и преступно всё, что мешает этому. Все чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единою холодной страстию православного дела, которая ежеминутно должна соединяться с трезвым расчетом».

– Стойте-стойте, – воскликнул Стратигопулос, быстро допив бокал, – это что-то ужасно знакомое! Это похоже на Бакунинский «Катехизис революционера»! Да-да, мне весьма запомнилось это: «Нравственно для него то, что способствует торжеству...» – только там не православие и не Бог, а... революция или что-то в этом роде. Надо дома посмотреть!

– Откуда ты это знаешь?! – в один голос воскликнули астиномы.

– Да так... изучал немного историю русской революции...

– Так что же, получается, русские ортодоксы берут идеи у тех же коммунистов, которые их гонят? – удивленно спросил молоденький комит.

– Не совсем. – Сергей вздохнул. – Скорее уж, революционеры там питались православными идеями, переделывая их на свой лад. Так-то!

– Ну, так вот что я вам скажу, – подал голос чернявый кентарх, – смотрю я на всё это и думаю, что если у нас такое православие, то не податься ли мне в ислам?

– Это будет больно, – заметил архонтик восточной наружности, и все захохотали. – А если серьезно, – продолжал он, – то совсем не обязательно, что тебе там всё понравится. Вот в Персии сейчас улемы... Впрочем, я стараюсь особо не вникать в богословские тонкости, а то такое выползет – сам рад не будешь!

– Эти русские катакомбники, во всяком случае, странные люди и опасные, – подытожил кто-то.

– Собственно говоря, что мы о них знаем? – возразил Сергей. – Практически ничего. Еще был ли Лежнев катакомбником? А если и был, то нам известна только его версия, прошу не забывать.

– Но ведь он принес их писания, их опыт?

– Только часть опыта! В любом случае, там столько всякого... Говорят, они иногда выходят на площади, хулят богоборную власть и попадают под расстрел, – не мог же он сюда этот опыт принести?

– Да уж, у нас если и можно кому с точки зрения Бога предъявить претензии, то уж не ко власти, а к... – Чернявый надул щеки и притворился что поглаживает огромную бороду. Все опять расхохотались.

– Погодите, погодите, – воскликнул чтец, – а вот как вам нравится это?

«Пристрастье всякое опасно,
К возлюбленному же – вдвойне,
А к деве юной – се тройное жало,
И коль она прекрасна – зло растет.
Но если в брак вступить возможно —
Всё сердце стало пищею огня».

– Отец Феодор сказал, что это из Григория Богослова, – меланхолично заметил Сергей.

– Да ну? – удивился комит. – И все-таки странно, что они раньше всю эту писанину не просматривали!

– Ты уверен? А это видел? – Турок, порывшись в куче брошюрок, извлек одну – «Путь духовного делания. Сочинение старца Акакия Московского» – и раскрыл первую страницу. Там красовалась митрополичья печать и резолюция «Одобряю» с размашистой подписью владыки Дионисия...

Афинаида ходила на допросы лишь около трех недель: как только она решилась поехать в реабилитационный центр и сообщила об этом Стратигопулосу, тот сразу же при ней позволил куда-то, договорился, и девятнадцатого декабря она села в самолет, который доставил ее на Закинф – именно там находился центр.

Когда Афинаида приехала на остров, она ожидала, что на нее тут же набросятся врачи и психологи, начнут пытаться всякими расспросами и вообще «мучить и препарировать душу». Но ее всего лишь попросили заполнить несколько анкет и тестов с общими вопросами, а потом выдали витамины для приема и на две недели предоставили самой себе. Она жила в маленьком уютном домике, где, кроме нее, обитали еще трое человек, но у каждого был отдельный вход с улицы в свои комнаты. Каждые три дня перед ужином она проходила у врача компьютерное тестирование, а в остальное время могла спать, сколько хочет, гулять, где хочет в пределах территории центра, которая была весьма обширной – большой отрезок побережья с пляжем, живописными горами, парком и садами, – читать книги из библиотеки, играть в теннис или волейбол, шахматы или нарды... От игр Афинаида давно отвыкла, поэтому в основном гуляла и читала. Книги в библиотеке центра имелись самые разнообразные, от легких развлекательных до серьезных научных, в том числе на иностранных языках. Центр занимался реабилитацией самых разных людей – от наркоманов до страдающих депрессией или тяжело больных, но Афинаида ни с кем из пациентов не общалась. Ей хотелось побыть наедине с собой и обдумать происшедшее.

Через две недели, когда она немного пришла в себя, ее начали обследовать серьезней: она сдавала анализы и заполняла более сложные анкеты, но никто не собирался выворачивать ей душу или «учить жить». Первое, что с ней сделали – это положили на массажную кровать и велели принимать сеанс массажа утром до завтрака и вечером перед сном. Процедура оказалась несколько болезненной, зато спустя полтора месяца Афинаида ощутила, что у нее есть осанка, и лишь тогда осознала, что годы православной жизни скрючили не только ее душу, но и тело: постоянно опущенные вниз глаза – «земля еси и в землю отыдеша», – готовность смиренно поклониться и склониться сделали ее сутулой. Теперь она, наконец, снова распрямила плечи, хотелось смотреть не вниз, а вперед и по сторонам; сидеть сторбившись стало даже трудно – как раньше трудно было, наоборот, сидеть прямо. Ей выписали какие-то таблетки, поили свежавыжатым гранатовым соком и ставили капельницы – оказалось, что у нее сильно понижен гемоглобин. Когда его подняли, она почувствовала себя намного бодрее, даже голова стала лучше соображать.

Но в голове просветлело и по другой причине: Афинаида не читала здесь никаких религиозных книг, а общение с Богом ограничила утренним и вечерним правилом и Иисусовой молитвой, мысленное повторение которой за время общения с Лежневым было отработано до автоматизма и так сразу выветриться из ее головы не могло, хотя, гуляя по окрестностям, она уже не следила за мыслями и невозбранно позволяла им «рассеиваться». Пациенты центра в основном читали художественную литературу, но Афинаида взялась за научные книги – в библиотеке было неплохое собрание монографий, посвященных византийской истории и литературе, – и за языки, благо здесь нашлись и грамматики, и словари, и учебники. К концу пребывания на Закинфе она порядочно восстановила знание английского и принялась вспоминать французский. Научные тексты и занятия языками проветрили ей мозг и подей-

ствовали воодушевляюще: Афинаида поняла, что ее способности к научным занятиям не атрофировались, а только притупились. «Значит, я смогу вернуться в науку, – думала она. – Я должна смочь».

В последний месяц пребывания в центре ее лечили иглоукалыванием. Перед первым сеансом она очень боялась и с трудом дала себя уговорить, но всё оказалось не страшно, особенно с пожилым китайцем, который за иглотерапией развлекал пациентов рассказами из истории Поднебесной. Афинаиде он часто рассказывал притчи.

– У одного китайского императора был красивый дворец, – как-то раз говорил он. – Лучшим его украшением считались две прекрасные вазы, император очень любил их. Но однажды одна из ваз упала и разбилась на мелкие кусочки. Император не мог с этим смириться и приказал найти мастеров, которые могли бы склеить ее заново. Такие мастера нашлись, и после многих дней работы вновь собрали вазу. Внешне она не отличалась от другой ничем, но склеенная ваза больше не могла держать в себе воду. Зато у нее появился бесценный опыт – быть разбитой и собранной заново.

– Я не понимаю этой притчи, – сказала Афинаида. – В чем смысл подобного опыта?! Если назначение вазы – держать воду, а она потеряла способность к этому, то зачем ее склеивали? Положим, зрители могут любоваться ею, да, и ничего не подозревать, но сама-то она знает, что больше не может выполнять свое предназначение!

– Одна из главных людских бед в том, – ответил китаец, – что они ставят сами себе рамки, из которых потом не выходят и даже не подозревают, что это возможно. Из чего, например, следует, что назначение вазы – только держать воду? Ее можно наполнить другим – фруктами, золотом, драгоценными камнями. И в небитой вазе, скорее, будут держать лишь воду – это первое, для чего ее сочтут пригодной. А вот насчет склеенной уже подумают – и, скорее, наполнят ее чем-то более ценным, чем вода. Разве не так?

В конце последнего сеанса иглоукалывания, за три дня до отъезда Афинаиды с Закинфа, китаец рассказал ей другую притчу:

– У одного человека порвались башмаки, и он решил купить новые. Перед тем как пойти на рынок, он измерил веревкой свою ногу. На рынке он выбрал лучшие башмаки, примерил их, но вдруг обнаружил, что забыл дома веревку с размером. Тогда он отправился за ней домой, а когда вернулся, лавка уже закрылась. Так он и остался без новых башмаков. Кто-то спросил его: «А зачем тебе веревка, когда у тебя есть нога?» Он ответил: «Я больше доверяю мерке. По-моему, доверяться ноге слишком легкомысленно».

Афинаида рассмеялась, потом задумалась и проговорила:

– А ведь так оно часто и бывает: мы верим не собственной душе, опыту, интуиции, а тому, что скажут, тому, что написано в каких-то книгах, которые мы считаем правильными... или нам внушили, что они правильные... Даже вот и учат, что себе нельзя верить, а надо жить по книгам... или в послушании «более опытным» людям...

Китаец внимательно посмотрел на нее и сказал:

– Вот поэтому вазу иногда бывает нужно разбить и склеить заново. Но главное не в том, чтобы склеить. Самое трудное – потом найти, чем ее заполнить. Воды-то вокруг много. Более ценного куда меньше. Надо научиться доверять ноге, а не мерке. Потому что реальность безмерна и всегда нова, и в море жизни нет проторенных путей.

К моменту отъезда домой Афинаида чувствовала себя посвежевшей, обновленной и полной сил. Обратный путь ей захотелось проделать не самолетом, а морем – подышать свежим воздухом, полюбоваться береговыми видами. В начале мая 2009 года небольшой рейсовый теплоход «Посейдон», курсирующий по маршруту Закинф – Каламата – Китира – Аргос – Эгина – Афины, причалил в Пирейском порту, и, сходя по трапу на землю родного города, где надо было учиться жить заново, Афинаида прошептала:

– Я смогу. Я должна смочь.

Осенние ветры

Прошел год и четыре месяца. Бредя второго сентября по набережной навстречу теплым порывам ветра, Афинаида вспоминала всё бывшее со странным чувством: казалось, это какой-то чудовищный сон... если б не то обстоятельство, что она заснула в возрасте двадцати трех лет, а когда проснулась, ей было тридцать три. Десять потерянных лет, лучшие годы молодости!.. Как обидно, как нелепо! Пожелать спасти душу и послужить Богу, а в итоге закончить реабилитационным центром! Хорошо еще, что не психушкой... Вся эта душеспасительная затея теперь представлялась такой глупостью, над которой любой нормальный человек только посмеется. И Афинаида никому не рассказывала о своей прошлой жизни: она и так постоянно ела себя поедом за то, что попала на «духовные» приманки отца Андрея, и выносить чужое недоумение и насмешки по этому поводу не было сил, – а ей казалось, что любой из тех, кому она могла бы поведать свою печальную историю, или плохо понял бы ее, или посмеялся бы над ней, если не вслух, то мысленно... Конечно, Мария, ее единственная близкая подруга, почувствовала бы и не стала смеяться – скорее, долго ахала бы и ужасалась, – но она была атеисткой и не поняла бы тех проблем и вопросов, которые занимали Афинаиду... Ее мог бы понять человек верующий, но после всего случившегося она опасалась сближаться и тем более открывничать с православными. Довольно и того, что священник, у которого она изредка исповедовалась, не читал ей никаких нотаций, ничего не выспрашивал, не пытался на нее влиять и тем более давить: такая роскошь после лет, проведенных в послушании у Лежнева, что желать чего-либо еще от церковной жизни представлялось почти дерзостью. «Лучше не пытаться искать большего... А то как бы опять не ухнуть в очередную яму!» – думала девушка. Но нередко ей мучительно хотелось с кем-нибудь поговорить обо всем, что с ней случилось. Зачем всё это было? Какой в этом смысл? Что делать дальше, как жить?..

Несмотря на твердое намерение заняться наукой, Афинаида чувствовала себя неуверенно: она потеряла столько лет, нужно так много наверстывать, да еще неизвестно, похоже ли то, что она пытается писать, на настоящие исследования... И вот теперь, накануне первого разговора с возможным научным руководителем, девушка страшно нервничала. Заинтересует ли он ее темой? Что он скажет, прочтя ее статьи и наброски к диссертации? Возьмется ли вести ее? Что, если нет? Если он откажется, другие ведь могут, наверное, решить, что ее подготовка никуда не годится? Пожалуй, тогда и вовсе никакого руководителя не найдешь... Или найдется какой-нибудь из тех, о ком Мария говорила: «Им бы только набрать побольше аспирантов, а там хоть трава не расти, можно за полгода не допроситься поговорить о диссере». А разве Афинаида сумеет самостоятельно разобраться во всем? Так, пожалуй, и защиту провалить недолго... если до нее вообще дойдет дело... Боже, Боже! Как много зависит от этой первой встречи! Считай – вся дальнейшая жизнь...

Афинаида нарочно отправилась погулять к морю, чтобы собраться с мыслями, но в итоге так разволновалась, что ноги перестали ее держать, и она села за первый попавшийся свободный столик прибрежной кофейни. Подскочил официант, и девушка заказала турецкий кофе и пахлаву. Сладкое немного развеселило Афинаиду, и, глядя на искрящееся море, которое бороздили лодки, катера и морские трамвайчики – она всегда удивлялась, как всё это множество суденышек не сталкивается на ограниченном пространстве залива, – девушка спокойнее стала думать об ожидаемой встрече, столь важной для нее. Ей предстояло подвести итог почти полутора лет, в течение которых она пыталась вернуться к нормальной жизни. По приезде с Закинфа она, полистав старую записную книжку, нашла телефоны кое-кого из бывших сокурсников и принялась звонить им. Не все из них пошли после окончания Академии по научной стезе, но все как-то устроились, обзавелись семьями, работали... И после очередного раз-

говора Афинаида всякий раз остро чувствовала собственную неприкаянность: ни семьи, ни детей, ни нормальной работы, ни жизненных перспектив...

На вопросы знакомых, как ее дела и куда это она запропастилась, Афинаида отвечала, что ее выбили из колеи семейные сложности, сообщала о смерти матери и говорила, что работала несколько лет «там и сям», а теперь собирается вернуться в науку. Большинство удовлетворялось такими ответами, и только Марии Афинаида призналась, что несколько лет усердствовала на православном поприще и работала при храме, но подробностей сообщать не стала, лишь сказала, что ей надоела «слишком церковная» жизнь и она хочет заняться наукой. По совету подруги Афинаида устроилась на работу в Национальную библиотеку, продолжала восстанавливать знания, выветрившиеся из головы за годы христианских подвигов, читать научные книги и в конце концов определилась с направлением дальнейших занятий. Мария, отучившись в аспирантуре, защитилась и преподавала в Академии ранневизантийскую литературу, и Афинаида, почувствовав себя, наконец, готовой начать работу над диссертацией, снова обратилась к подруге за помощью.

И вот, сегодня Мария отвела ее в Академию на кафедру византийской литературы средних веков, где ей дали телефон профессора Никифора Факаидиса, посоветовав обратиться к нему по поводу научного руководства. Афинаида помнила его по прежней учебе в Академии, тогда ей нравились его лекции. Всё вроде складывалось удачно, но... Согласится ли он ее вести? Найдут ли они общий язык?.. А вдруг он откажется руководить ею, узнав, что она потеряла столько времени... и где! Что ответить, если он спросит, почему она бросила аспирантуру и чем занималась после Академии? Гладко соврать, не покраснев, она не сумеет, а если скажет правду... то он, конечно, сочтет ее ненормальной! Но, может быть, обойдется без рассказов о ее прошлом? В конце концов, главное не ее прошлое, а то, что она делает сейчас! Главное, чтобы Факаидису понравились ее статьи и наброски, чтобы он понял, что она способна к серьезной научной работе. Но точно ли она к ней способна?..

Афинаида допила кофе и подумала: «Ну, что ж, если мне удастся обрести хорошего научного руководителя, значит, я правильно сделала, что пошла в науку, а если нет...» Что, если нет? Значит, это не ее стезя?.. Нет, не может быть! Господи, хоть бы удалось! Ведь иначе... иначе вообще непонятно, что делать дальше в жизни и в чем смысл всего, что с ней произошло!

В пятом часу вечера в буфете Афинской Академии, больше походившем размерами, отделкой и сервисом на ресторан, за столиком у дальнего окна сидели двое мужчин. Молоденькая официантка, подойдя к ним, переместила с подноса на столик два стоявших один на другом чайника, нижний с кипятком, а верхний с заваркой, два маленьких прозрачных стаканчика, по форме напоминавшие тюльпан, и сахарницу с кусочками рафинада. Профессор Василий Кустас питал слабость к чаю по-турецки, а ректор Академии, с которым они дружили еще со студенческих времен, тоже никогда не отказывался от этого напитка, давно прижившегося в византийской кухне. Пожелав ученым мужам приятного чаепития, официантка удалилась.

Василий внимательно посмотрел на Феодора. Что-то в выражении лица друга не нравилось ему. Пожалуй, отсутствие того воодушевления, с которым Киннам всегда начинал очередной учебный год. Точнее, воодушевление было, и большинство сторонних наблюдателей, скорее всего, не заметили бы ничего особенного в поведении ректора, но Кустас, знавший его близко больше двадцати лет, видел, что Феодор угнетен и с трудом сохраняет жизнерадостный вид, к которому привыкли его коллеги и студенты.

– Ну вот, наконец-то можно с тобой спокойно поговорить! – сказал Кустас. – Я еще вчера хотел забежать, но вся эта суета выбила из колеи. А тебя, должно быть, как всегда, завалили цветами?

– О, да! Мы с Еленой полчаса грузили их в машину.

Буфет был почти пуст, и они могли беседовать, не особенно понижая голос.

– Наверное, даже ни одна женщина у нас не получает в праздничные дни столько цветов!

– Одна получает.

– Марго?

– Конечно! Вчера опять предлагала посчитать букеты, у кого больше. В такие дни хочется набраться наглости и попросить в следующий раз дарить цветы прямо в вазах. А то мы с Фотисом долго пытались их разместить по дому, но в конце концов устали и набили букетами старый аквариум.

Василий засмеялся.

– А как прошел Ипподром? – спросил он. – Я думал, ты позвонишь, когда вернешься, зайдешь на чай...

Киннам внезапно помрачнел.

– Извини, что не звонил, – глухо проговорил он, – но... мне было не до того.

– Что случилось? – с беспокойством спросил Кустас.

Феодор несколько секунд молча размешивал сахар в чашке. Он старался казаться спокойным, но чуть сдвинутые брови выдавали душевную боль.

– Случился капитальный облом, друг мой, – наконец, ответил он с усмешкой. – Крушение романтических надежд и... Словом, я получил по шее. Но я сам виноват, повелся, как мальчишка! Романы романами, а в жизни надо знать свое место. Я об этом позабыл, вот и заработал порцию плетей. Так что по приезде пришлось лезть в нору и зализывать раны.

– Сочувствую!

– Эх, Василь, тебе этого не понять! Да и хорошо, что с тобой такого не случилось и не случится... Ну, видно, поделом мне! В свое время я недурно погулял, а сейчас, похоже, небеса покарали меня за всё и про всё... Но ты не волнуйся, уже прошло, в сущности. Хороший коньяк и хорошая музыка – прекрасные лекари. Пять вечеров провел в Мегарон-Холле, вроде отпустило. К тому же во всем есть положительные стороны: теперь, по крайней мере, понятно, что делать дальше.

– И что же?

– Наука, Василь, наука и работа. Только это мне осталось. Наверное, это и правильно. В конце концов, я и так много получил от жизни... Буду дописывать про Анну Комнину, возьму новых аспирантов. Но главное – коростеньский проект, надо поторопиться.

– Да, тут я за тебя болею! Если всё получится, это произведет фурор!

– Получится, не сомневайся! Конечно, придется поработать серьезно, но нам не привыкать! А у тебя как дела?

– Да как обычно, только суеты побольше, чем всегда. Анна в первый класс пошла...

– О, уже? Поздравляю!

– Спасибо!

– Надеюсь, не забуду сделать ей подарок при случае. Нила я вчера видел на лекции, но недосуг было перекинуться словом.

– Он от тебя в восторге!

– Приятно слышать, но посмотрим, что он скажет после экзамена зимой. – Киннам подмигнул другу. – А как Таис? Мы ведь с ней редко пересекаемся.

– Да всё по-прежнему... Сейчас готовит заявку, хочет на грант подать в Плифоновский Фонд.

– Хорошее дело!

– Это да... Только вот что-то она слишком часто стала в церковь ходить. Уже сколько раз было: мы с Асмой ее приглашаем куда-нибудь в воскресенье, а она отказывается – говорит, что будет на службе. Я побаиваюсь, честно говоря, как бы она не втянулась слишком в религию.

– Вот уж едва ли ее потянет в монахи, после ученой-то жизни! А на службы ходить, молиться – что в этом плохого? Ей ведь это нравится?

– Да, но... Думаю, на каком-то этапе это было для нее, что называется, терапевтично, а теперь не знаю. Я со стороны наблюдаю, и мне кажется, что это всё как игры такие, знаешь, в духовную жизнь...

– А куда она ходит, в какой храм?

– В Парфенон, как ни странно. Она «Тени» твои прочла, конечно, и согласилась, что всё так и есть, но говорит: люди разные бывают, а она в церковь ходит к Богу, а не к людям. Вроде и правильно... Но не хотелось бы мне, чтоб она в это углубилась. У нее и духовник есть теперь, и всё, что православным положено. Правда, священник вроде бы хороший, судя по ее рассказам, но... – Василий помолчал несколько мгновений. – Она время от времени спрашивает о тебе, как ты и что.

– Она хорошая девушка, Василь, – сказал Киннам с печальной улыбкой, – и именно поэтому ей лучше держаться от меня подальше.

– А она всегда думала, что тебя недостойна. Что ж, я ее не разуверял.

– Любящий брат!

– Оградит любимую сестру от увлечения несбыточными мечтами!

– И это правильно.

– Ты не рассердишься, если я скажу, что был бы рад иному обороту событий?

– Не рассержусь, но это невозможно.

– Ладно, прости, оставим эту тему. Поговорим лучше о твоём проекте.

Друзья просидели в буфете до самого закрытия. Феодор взял себя в руки, и, когда они с Василием простились на академической автостоянке, уже нельзя было заметить на его лице никаких следов той внутренней бури, которую он пережил меньше двух недель назад и которая, очевидно, всё еще не стихла. Глядя в зеркало заднего вида, как черная «альфа» Киннама выезжает с парковки, Кустас подумал: «Бедный Феодор! Даже странно, почему ему так не повезло в личной жизни, хотя, казалось бы, у такого мужчины с этим не должно быть никаких проблем... Теперь он, похоже, смирился и приготовился к одиночеству. Наверное, для научной работы это хорошо, но все-таки такая жизнь не для него! Впрочем, как знать, может, этот ветер еще переменится...»

Воскресным вечером, когда Афинаида стояла на кухне у окна и раздумывала, чем бы поужинать, позвонила Мария.

– Ида, приветик! Как дела? Я тут мимо пробегаю, да не одна, а с тортиком. Хочешь, зайду, съедим вместе?

– О, давай! – обрадовалась Афинаида.

Отложив мобильник, она огляделась: не мешало бы прибраться, но нет времени... Афинаида только успела сунуть в керамический стаканчик на столе несколько салфеток и подмести пол в тесной кухоньке.

Когда-то они с родителями жили в приличной квартире на проспекте Михаила Хониата, недалеко от центра города. Георгий Стефанитис был крупным специалистом по палеоботанике и хорошо зарабатывал. Но когда отец ушел от них, а мать попала к Лежневу, тот быстро внушил ей, что жить в таких «хоромах» вредно для души и квартиру надо поменять на более скромную, каковую сам отец Андрей и нашел для них через знакомых. Деньги, образовавшиеся при размене, пошли, по словам Лежнева, на строительство триполитского подворья, а Афинаида с матерью оказались в малюсенькой двухкомнатной квартирке вдали от центра, зато близко к Свято-Михайловскому храму. После разгрома секты Афинаида, вернувшись с Зак-

инфа, повыбрасывала горы брошюрок с переведенными на греческий поучениями катакомбных старцев из Московии, всякие «правила поведения православного христианина», «памятки желающим спастись» и подобную литературу, которой Лежнев их щедро снабжал, оставив только святоотеческие книги, которых после чистки книжного шкафа оказалось не так уж много. С помощью Марии и ее двоюродного брата она сделала в квартире перестановку: одна комната стала рабочей – там стояли компьютерный стол и стеллажи для книг, – а другая служила спальней. Часть старой мебели отправилась на свалку, и в комнатах стало свободнее, легче дышалось, однако порой Афинаида с грустью вспоминала их прежнюю квартиру, из окон которой был виден Акрополь...

– Я собиралась зайти поздравить бабушку, – затараторила подруга, переступив порог, – а она с дедом укатила на море! Говорит: ешь сама свой торт! А мне одной скучно. – Она рассмеялась. – Ты уже поставила чай? – Афинаида кивнула. – Молодец! Серьезная девушка, обязательная... – Мария надела потертые тапки, которые дала ей хозяйка, и прошла в кухню. – Но лучше б ты была немного пораскрепощеннее, что ли...

«Видела бы ты меня года три назад! – подумала Афинаида. – По сравнению с тем я сейчас просто... гетера!»

– Ну что, как дела-то? – продолжала трещать Мари, развязывая веревочки на коробке с тортом. – У тебя есть большой нож? Ага, спасибо... Давай, докладывай! Нашла себе научрука?

– Пока всё неопределенно! – Афинаида вздохнула, заливая кипятком в заварочный чайник. – На кафедре мне дали телефон Факаидиса...

– О, здóрово, он хороший преподаватель! – обрадовалась подруга, выкладывая Афинаиде на тарелку большой кусок торта со взбитыми сливками и клубникой.

– Да я знаю, он же нам лекции читал... Только вот я ему позвонила, а он сказал, что тема у меня интересная, но у него сейчас куча диссертантов, и если даже он меня возьмет, то не сможет со мной в ближайшее время серьезно заниматься. Спросил, насколько для меня принципиально защищаться именно у него, я сказала, что в общем не принципиально, и он обещал подыскать мне другого руководителя. А в пятницу позвонил и сказал, что попросил поговорить со мной ректора Академии: он как раз хочет взять новых аспирантов под руководство и, может, заинтересуется...

– Как, самого Киннама?! Да ты что! – Мария посмотрела на Афинаиду с некоторой завистью. – Ну, подруга, тебе везет!

– Да погоди еще, может, он и не захочет меня вести. Хотя я надеюсь, что он возьмется, потому что... – Тут Афинаида запнулась, подумав, что лучше не рассказывать Мари о том, какую роль сыграл в ее жизни случайно прочитанный в декабре позапрошлого года роман Киннама. Теперь это казалось очень знаменательным, но упоминание о том вечере повлекло бы за собой рассказ о лежневском прошлом, а говорить о нем с подругой Афинаида пока не была готова. – В общем, Факаидис просил меня не посрамить его рекомендацию, и я постараюсь...

– И что, и что? Ты звонила Киннаму?

– Да, но разговаривала только с его секретаршей, она потом перезвонила и сообщила время встречи.

– И когда?

– Завтра.

– Уже завтра? С ума сойти! – Мария была так возбуждена, что Афинаиду это начало удивлять. – И что, ты подготовилась?

– Да, покажу ему план диссера, наброски первых двух параграфов и еще свои статьи...

– Вот дурочка, да я же не об этом! Ты же идешь к самому Киннаму! – Мария закатила глаза. – К великому ритору, в которого влюблена вся женская половина Академии, а вся мужская давно с этим смирилась! Тут надо выглядеть! Что ты наденешь? Надеюсь, не твою кош-

марную юбку до пят?! А кофточка, у тебя есть красивая кофточка без рукавов? И чулки – это уж непременно, и лучше с узором...

– Послушай...

– Туфли у тебя простоватые, но, по крайней мере, не страшные, сойдут! Но тебе надо будет купить новые, на каблучке! И сумочку... У тебя что, только та черная? Страх и ужас! Ты прости меня, я тебе правда добра хочу, нельзя так над собой издеваться, Ида!

– Мари, да прекрати же ты трещать! – Афинаида поморщилась. – Тебя послушать, я иду не к научному руководителю, а на свидание! Что за ерунда? У меня нет коротких юбок и чулок с узором... И вообще, Киннам будет смотреть на мои знания, а не... на мои ноги!

– Ну, Ида, ты что, с ума сошла? – возмутилась Мария, но вдруг засмеялась. – А-а, я поняла! Он привык к разряженным фифам, а тут ты придешь такая вся из себя... монашка! Вот он и обратит внимание, точно! А что, хорошая идея, хотя, конечно, экстравагантная... Ммм... Но может, и сработает! Афинаида, ты голова!

– Послушай, да зачем мне обращать на себя его внимание в таком смысле?! – вскричала Афинаида. – Объясни мне, в конце концов! Я не собираюсь за него замуж! Прекрати болтать всю эту чушь! А не то...

«А не то пойдешь пить чай на улицу!» – чуть не добавила она, но вовремя остановилась, только сердито посмотрела на подругу. Изумленная Мария спросила недоверчиво:

– Ты что, никогда не видела Киннама?

– Нет. Где я могла его видеть?

– Да где угодно! По телевизору, в газетах... да хоть на стенде преподавателей!

– Я не смотрю телевизор и не читаю газет. Мимо стенда я проходила, но я его не рассматривала.

– Ну, тогда ясно, почему ты так тормозишь! – безапелляционно заявила Мария. – Когда ты его увидишь, то поймешь, почему я тебе всё это говорю... И знаешь, что? Если ты в него не влюбишься, я буду знать, что ты святая!

Афинаида усмехнулась. «Как легко стать святой в этом мире, оказывается! – подумала она, погружая ложечку в пышный кусок торта. – В том мире надо было годами жить в аскезе и полном послушании, а здесь достаточно всего лишь не влюбиться в ректора Афинской Академии!.. Неужто он так неотразим?» В ней невольно зажглось любопытство: что же за мужчина этот великий ритор, что перед ним не может устоять ни одна особа женского пола?

– А что, в Киннама в самом деле все влюблены? – спросила она как бы между прочим, когда они расправились со второй порцией торта.

– А то! Только по нем и вздыхают все – и преподавательницы, и секретарши, про студенток уж не говорю... Потому и одеваются с иголки, что ты думаешь, я не шучу! А если какое мероприятие, то весь женский коллектив на нем в полном составе, лишь бы на ректора посмотреть, ха-ха!

– И ты тоже влюблена?

– Ну, есть маленько. – Мария вздохнула. – В него невозможно не влюбиться! Он как магнит... Но я-то понимаю, в отличие от Элен, что мне ни в каком случае не обломится, рожей не вышла! Вот у тебя может быть шанс... Правда, ты одеваешься ужасно и держать себя не умеешь. Ты прости, я уж как есть говорю!

– Да я не обижаюсь. – Афинаида улыбнулась. – А кто такая Элен?

– Его секретарша, третий год там сидит и вся такая ходит расфуфыренная, ой! Юбка что есть, что нет, блузки такие, знаешь, все с вырезами... Да он на нее глядит, как на мебель, она это и сама понимает, я думаю...

– Ну вот, а ты говоришь: то надень, это надень! А он, получается, на это и не смотрит? Все по нем вздыхают, а он сам-то что?

– О, это наша главная академическая загадка! Я-то в Академии только пятый год работаю, но мне рассказывали: после того, как у Киннама жена умерла, это еще в двухтысячном, у него были женщины, и много, да говорят, что и при жене были. Она у него такая была... красотка, но ледышка. А потом, когда он стал ректором, всё как отрезало! Никто не знает, почему. Пытались выяснить, нет ли у него тайных любовниц – думали, может, решил больше не афишировать, знаешь... Но вроде нет, некоторые девки даже возле его дома дежурили – ничего не видели. Ни на концертах, ни в театре, ни в ресторанах никто его больше с женщинами не видел. В общем, вот уже пять лет он монахом живет! Наша завкафедрой чего только ни делала, чтоб его завлечь – не-а, не вышло! И другие тоже пытались... Правда, может, у него кто-то в Константинополе есть...

– В Константинополе?

– Ну да, он же ректор, а это статус, и он трижды в год туда ездит на Золотой Ипподром, а там-то вообще весь мировой бомонд и такие женщины, о-о!

– Да, представляю...

– Так что, может, у него там какой-нибудь роман, не знаю. По крайней мере, он точно имеет там большой успех, даже у самой августы! Когда трансляции с балов показывают, так видно, что он часто в ее ложе бывает... Ну, знаешь, у нее там избранный круг интеллектуалов, такие мужчины! – Мари вздохнула и задумалась. – Да, может, у Киннама там женщина есть... А что, романтично! Тайная возлюбленная среди столичной знати! Может, она замужем, вот они и встречаются тайком. Прямо сюжет для романа, да? Кстати, Киннам ведь и романы пишет! Ты читала?

– Только первый, мне очень понравился! А о втором я сначала не знала, а теперь не могу найти – видно, всё распродали. В электронном виде, конечно, можно прочесть, но мне хочется бумажный.

– Второй у меня есть, я тебе подарю! Этим летом уже третий вышел, «В сторону Босфора», тоже чудесный, купи обязательно... Упс! Времечка-то уже сколько! Ладно, подруга, я убегаю. А тебе желаю успеха! Если Киннам будет твоим научруком, это супер! Он истинно ученый муж, таких мало. Так что не ударь в грязь лицом... точнее, умом!

Афины уже несколько столетий считались второй столицей Империи. Самые ярые патриоты желали бы, чтобы их город стал первой, но понимали, что ничто на свете не может сравниться с Оком вселенной. Новая история Афин началась с 1661 года, когда в город прибыл юный кесарь Иоанн Комнин. Отчаянный гуляка и гедонист, он поначалу усердно пытался утешиться в своем горе – согласно обнародованному завещанию усопшего отца, престол отходил к младшему брату Иоанна и ни при каких обстоятельствах не должен был достаться кесарю, которому пришлось удовольствоваться управлением Аттикой. Однако через несколько месяцев беспутной жизни в главном городе диоцеза с Иоанном произошла потрясающая перемена. Он сделался тихим, задумчивым и вскоре обнародовал грандиозный план превращения давно пришедших в упадок Афин в светоч вселенной. Кесарь собирался вновь открыть философскую школу, собрать множество ученых мужей и вернуть Аттике былую славу центра философии и всяческого просвещения. В узком кругу хмельных друзей – Иоанн отнюдь не стал трезвенником и веселье застолья по-прежнему любил, но устраивал их нечасто и вдали от посторонних глаз – он несколько раз прозрачно намекал на судьбоносную встречу с некоей девой...

Так или иначе, все свои немалые средства и значительную часть доходов диоцеза кесарь обратил на объявленные цели. Неизвестно, что вышло бы из этого при других обстоятельствах, но середина семнадцатого века оказалась для возрождения афинской учености временем весьма подходящим: могущество Испании было сломлено, промышленность Пелопоннеса

бурно развивалась, значение Афин в торговле с Магрибом росло день ото дня. К тому же новому поколению ученых стало тесно в столице. Константинопольский университет рос стремительно, но всё отчетливее вырисовывалось прикладное направление его исследований: Империи нужны были инженеры, артиллеристы, технологи, изобретатели. Многим тогда казалось, что всеобщее просвещение и естественнонаучный прогресс это универсальные инструменты и именно те два кита, что позволят Византии не только конкурировать с ведущими державами на окраинах цивилизованного мира – в Африке и в Индийском океане, – но и задавать тон в главных цитаделях науки. Отчасти оно так и получилось, но... все-таки многие философы, поэты, филологи, будущие основатели серьезных научных школ, предпочли переселиться в гостеприимные Афины под щедрю руку принца. Правда, тому пришлось для этого стараться вовсю. Кесарь сносил целые кварталы убогих лачуг, прокладывал дороги, водопроводы, расчищал от камней и деревьев огромные пространства, устраивал сады и парки. Первый в мире Ботанический сад также был его изобретением. Следствием бурной деятельности стало введение новых налогов и полное разорение самого правителя, которое и помешало осуществлению всех его смелых планов.

И всё же главное было сделано: древний город пробудился от спячки, на его улицах вновь звучала правильная эллинская речь. При кесаре Иоанне Афины значительно преобразились: из скромного обиталища мелких торговцев, моряков галерного флота и сомнительной жизни монахов город превратился во вторую столицу, оставив далеко позади и Смирну, и Фессалонику. Но дело двигалось не так уж быстро. Кесарь Иоанн упокоился под сводами храма Таксиархов, а между белоснежными корпусами Афинской Академии наук всё еще бродили козы, а босоногие мальчишки с удивлением разглядывали задумчивых мужей, расхаживавших в тени эвкалиптов...

Словом, не зря афиняне воздвигли Иоанну статую – бронзовый кесарь восседал в подобии каменного грота, врезанного в крутой склон Ликавита. Отсюда ему хорошо был виден весь комплекс академических зданий, живописно раскинувшийся на холме Стрефи среди прекрасного парка. Афинская Академия давно стала визитной карточкой города, столь же узнаваемой, как Акрополь. Просторные дворцы с двухсветными залами, лепниной, портиками и террасами, возможно, выглядели аляповато три с половиной века назад, когда выросли среди бурьяна и античных развалин, но теперь прочно вошли в разряд памятников архитектуры. Конечно, многое перестроили заново или добавили в девятнадцатом веке, однако сменявшие друг друга архитекторы старались сохранить особую стилистику городка ученых что им в общем удавалось.

На самой вершине Стрефи возвышалось здание философского факультета, похожее на огромную купольную базилику. Чуть ниже, на склоне холма – современный административный корпус со множеством террас, балконов, куполов; даже знатоки архитектуры не сразу понимали, что это не постройка семнадцатого века, а лишь умелая имитация из стекла и бетона. Еще ниже располагался пояс зданий остальных факультетов: филологического, исторического, юридического, музыки, математики, психологии и патрологии, бывший богословский. При Академии существовали также стадион и большой открытый амфитеатр. Академический храм святого Дионисия Ареопагита, изящная постройка начала восемнадцатого века, выглядела на фоне главных корпусов скромно – в духе своего скептического времени. Главные здания были обращены к солнцу таким образом, что почти из любой точки города от восхода до заката было видно, как горят зеркальные стекла какого-нибудь из дворцов науки. Среди деревьев парка шла специальная тропа, по которой несколько раз в год совершались торжественные шествия в направлении древней Платоновской Академии. Изначально процессия задумывалась как крестный ход ко храму Таксиархов, но постепенно стала совершенно светским мероприятием. Факультет патрологии располагался в бывшем дворце Иоанна – небольшом здании у подножия холма. Рассказывали, что кесарь не желал тратить слишком

много средств на личную резиденцию и одновременно хотел жить поближе к своему главному детищу – Академии. В старости он любил присутствовать на лекциях и порой громко восторгался удачной фразой какого-нибудь профессора.

Впрочем, чудачества этого человека никого не удивляли, удивительно было другое: ему удалось вдохнуть в афинян некий особый дух, который они считали возрожденным духом античности. К восемнадцатому веку здесь сложилась своя элита, позволявшая себе смотреть на Константинополь свысока. К счастью столицы, Афинам заодно приходилось соперничать и с другими центрами империи – Антиохией, Смирной, Эфесом, Дамаском, – и затмить сразу все города было невозможно. Но своеобразная афинская спесь вошла в поговорки и порой заставляла местных ученых совершать настоящие научные подвиги.

Новый толчок развитию города был дан почти через сто лет после Иоанна, в эпоху Африканских войн. Именно в Пирее снаряжались флоты для покорения Египта, для освоения Эфиопии и колонизации Судана. Тихий город ученых стал быстро расти в ту пору и за несколько десятилетий превратился в настоящий промышленный центр.

В середине девятнадцатого века афиняне нашли еще один способ поспорить с Константинополем: после полуторатысячелетнего перерыва в городе возобновились Олимпийские игры. Идея принадлежала известному поэту Панайотису Суцосу, но злые языки поговаривали, что в дело, как всегда, вмешалась политика: ведь в Британии «Олимпийские состязания» периодически проводились с семнадцатого века. Как бы то ни было, в Афинах построили большой спортивный комплекс с таким размахом, чтобы затмить знаменитые столичные Ипподромы. Этого было непросто добиться хотя бы потому, что на Олимпиаду, по обычаю, раз в четыре года приглашались спортсмены из Эллады, а на Золотой Ипподром трижды в год собиралось высшее общество со всей Европы. Но постепенно Олимпиады завоевали популярность – особенно после того, как в 1870 году афиняне решились отступить от принципа и пригласить на состязание иностранных спортсменов. Это была команда по гольфу из Франции, и ее появление в Афинах вызвало бурную реакцию – прежде всего в Германии, которая явно готовилась в тот момент к военному конфликту с галлами из-за Мозеля. Безусловно, здесь решающую роль сыграл не спорт как таковой, а стремление Империи к умиротворению стратегического союзника, но в олимпийскую мифологию прочно вошло предание о том, что мир был сохранен благодаря широкому жесту византийцев. После этого Олимпийские игры быстро превратились в международное шоу, которое начиналось традиционным общим пиром на огромной поляне в Олимпии. Причем распорядители строго следили за тем, чтобы к соревнованиям не допускались профессиональные спортсмены. Не забывали при случае напомнить и о том, что на время игр, по обычаю, должны прекращаться военные конфликты, и порой враждующие государства пользовались этим поводом для объявления перемирий.

Многие студенты и преподаватели Афинской Академии принимали участие в Олимпийских играх. Их нельзя было заподозрить в профессиональных занятиях спортом, просто академический стадион давал желающим возможность держаться в надлежащей форме. Портреты чемпионов висели в главном холле административного корпуса вперемежку с изображениями знаменитых ученых и политиков Нового времени, некогда учившихся в этих стенах. Их обычно заказывали знаменитым художникам, и те старались показать свой талант в полную силу: работа для Академии считалась знаком признания со стороны истинных ценителей живописи.

Войдя в знакомое здание, Афинаида слегка улыбнулась, вспоминая, как любила рассматривать портреты в студенческие годы. Вот бледный и задумчивый Отто Габсбург, основоположник термодинамики. Вот прекрасный Василий Баронис – поэт и геолог, борец за свободу Эфиопии, а вот...

Афинаида вздрогнула. Иоанн Глика! Знаменитый пятиборец, кумир молодежи конца восьмидесятых годов... «Ах, как это было давно, я свидетельница прошлого века!» – не забыла

отметить девушка. Иоанн был изображен в старомодной рубашке, с любимым луком в руках. Улыбался чуть насмешливо, смотрел лукаво, его волосы как будто шевелил аттический ветерок. Словно и не было того поворота дороги, с которого улетела в пропасть его блестящая «ямаха»... Гибель чемпиона стала трагедией для всей страны, не только для Афин. Правда, Афинаида в то время еще училась в школе и помнила всё это довольно смутно. Зато ее собственная история, связанная с Иоанном, запомнилась очень хорошо... И понятно, почему она всплыла в памяти сейчас, но отчего стало вдруг так пусто и одиноко?

Невероятно, но Афинаида лишь в этот момент осознала, какую важную роль сыграл в ее жизни один осенний вечер. Она училась тогда на пятом курсе и уже думала о дипломной работе, тогда как большинство одноклассников вовсе не были безраздельно поглощены учебкой. Лекции успели утомить, да и наступившая в ноябре осень нагоняла уныние. Опять хотелось жарких солнечных дней, беспечности и озорства. Во всяком случае, у студентов, которые сидели в тот день в академическом парке накануне последней лекции, все разговоры были только об этом.

– Слушайте, неужели мы сейчас пойдем на эту скучную философию? – воскликнул Сергей, высокий и всегда несколько помятый юноша в очках. – Это ведь невозможно, опять слушать об этих немцах! Позитивисты, гегельянцы, вольтерьянцы... Я больше просто не могу!

Ответом ему стало одобрительное ворчание студентов и особенно студенток. Девушки сидели, нахохлившись, на низенькой лавочке, кутаясь в плащи. Некоторые курили, спасаясь от прохладной сырости.

– А знаете что? Давайте сегодня отдохнем от немцев! – предложил веселый Филипп Киусис, вечный выдумщик немислимых проказ. – Я знаю, вечером около Акрополя будет такая штука... – Смеясь, он рассказал, что нынче, в день гибели Иоанна Глики, около его статуи на Пниксе соберутся почитатели героя: студенты-историки умудрились создать вокруг Глики настоящий культ, пусть и полушутливый, с торжественными гимнами, жертвоприношениями и прочей белибердой. – Поехали, а? Будет весело!

Все одобрительно загалдели и стали собираться. Девушки вскочили со скамейки, Афинаида тоже поднялась. Ей не очень-то хотелось тащиться на Пникс – она пошла сюда с ребятами только для того, чтобы не коротать в одиночестве перерыв между лекциями, – но здесь был он, и девушка была не в силах сказать: «Ну, пока, а я пошла учиться». Немецкие философы ее не интересовали, а даже если бы и не так, всё равно невозможно отказаться от поездки в компании с Алексом... Народу много, но вдруг удастся посидеть с ним рядом, перекинуться словом? Алекс очень оживился, поняв, что учеба на сегодня закончена, стал шутить и дурачиться, потом подхватил под руки двух ближайших девиц и вприпрыжку побежал с ними по аллее. Огорченная Афинаида пошла следом, не отрывая глаз от статной фигуры в черной куртке.

Они доехали до Акрополя на трамвае. Быстро темнело, и на дорожках огромного исторического парка зажглись круглые фонари. Включили и подсветку Акрополя: Парфенон засиял белым мрамором, пропилеи осветились желтоватым светом, Эрехтейон – розовым... На Акрополе и Ареопаге былолюдно, но дорожки, изрезавшие холмы Филопаппа и Пникс, были почти пустыни. Сквозь облетевшие рощи мерцали цепочки огней, освещающие серпантин тропинок и аллеек. Холмы, древние скалы и складки местности скрывали от глаз и ушей бурлящий рядом мегаполис, и казалось, что современные Афины где-то далеко.

Студенты, балагурия, прошли совсем недалеко и на одной из площадок обнаружили небольшую толпу – человек тридцать. Почитатели Иоанна окружили его статую, освещенную прожектором, и пели что-то – как показалось Афинаиде, довольно унылое – про бессмертные подвиги, Острова Блаженных и битвы, из которых герой вышел победителем. Тут же краснели углями две переносные жаровни. На одной дымились деревянные шпажки с сувлаки – «жертвоприношение», как вполголоса, давась от смеха, объяснил Филипп. На другую поклонники Глики подбрасывали щепотки ладана, который потрясающе благоухал в холодном воз-

духе. Невысокий бородатый «жрец» в белом балахоне и с венком на голове скосил глаз на вновь прибывших и поинтересовался:

– Вино принесли? – Узнав, что паломники пришли с пустыми руками, он тяжело вздохнул и скомандовал: – Подходите по очереди, кидайте ладан, только не спешите.

Бросать ладан было весело. Розовые кусочки, попав на раскаленные угли, темнели и плавилась, некоторые даже загорались. К темному небу поднимался благовонный дым, окрашиваясь желтым светом прожектора. Афинаида дождалась своей очереди и тоже бросила кусочек, взятый из большой коробки около жаровни. Девушка полюбовалась на веселые ароматные колечки, закрутившиеся на фоне красных углей... и вздрогнула, заметив, что сразу за ней стоит Алекс. Тот бросил ладан с усмешкой, пробормотав еле слышно: «Ну и ерундой же мы занимаемся!» – и, отойдя, встал рядом с Афинаидой. Пение окончилось, сувлаки сняли с огня, забулькало вино, разливаемое в металлические стаканчики.

– Дети мои! – возвысил голос главный жрец. – Во славу великого и бессмертного героя нашего Иоанна...

Закончить он не успел. Что-то просвистело в воздухе и шлепнулось прямо в импровизированную кадилъницу. На секунду стало очень тихо, и Афинаида увидела, что откуда-то сверху летят шары размером с хороший грейпфрут и с глухим треском лопаются, касаясь земли. В нос ударил резкий запах...

– Навоз! – завопили студенты.

– Анафема! – раздалось сверху, снизу и со всех сторон. – Бей их! И это на виду у Парфенона! Мерзавцы!

Парни в черном смешались с почитателями Глики, опрокинули жаровни, сорвали одеяния со жреца. Зазвенели струны кифары, которая недавно сопровождала пение – вряд ли ее услышат еще раз... Девушек не трогали, но Афинаида не хотела следить за развитием сюжета. Она бросилась наутек и вдруг заметила, что впереди по дорожке убегает к вершине холма Алекс.

– Стой, подожди! – закричала она и припустила еще быстрее.

Но Алекс не оглянулся. Если бы не его тень, мелькавшая в свете фонарей, девушка быстро потеряла бы направление.

– Бей! Разбегаются, догоняй! – неслось сзади.

Эти крики придали олимпийскую резвость Афинаиде, которая вообще-то спортивные упражнения не любила. В погоне за Алексом она достигла небольшой площадки, где почему-то не горел фонарь. В склоне холма был устроен декоративный грот, его пасть манила чернотой. Девушка уже основательно запыхалась.

– Алекс! – позвала она беспомощно. – Где ты?

– Да здесь же я, – отозвался голос из грота. – Беги дальше!

– Нет, не могу, – жалобно пробормотала Афинаида и, чувствуя, как сердце забилось еще быстрее, уже не от страха погони, вбежала в грот.

Здесь было тесновато, но Алекса, вжавшегося в угол и втянувшего голову в плечи, она даже не разглядела, лишь услышала его дыхание.

– Здесь нет места, нас сейчас найдут! – пробормотал он с укором.

– Я тихонько, – умоляюще прошептала Афинаида и тоже села на корточки, прижавшись боком к молодому человеку. Кружилась голова – от сознания опасности, от бега, от ощущения тепла – его тепла...

– Да сними ты хотя бы эту дрянь, заметят ведь! – прошипел Алекс и потянул Афинаиду за ворот ее розового плаща – мерзкий цвет, и как она только могла носить его в юности?! Девушка послушно вскочила, рванула застёжки, но, услышав топот погони, снова села, съжившись, как могла.

На площадку вбежали трое парней и замерли на мгновение. На них были черные балахоны, один размахивал суковатой палкой.

– Вот они! – закричал самый крупный из них, всмотревшись в темноту пещерки.

Беглецов схватили за руки, выволокли наружу. Алекс пытался сопротивляться, но его быстро скрутили, бросив Афинаиду. Парни что-то кричали про «поганых язычников», Алекс твердил, что ни в чем не виноват. Наконец один из нападавших, плюнув себе под ноги, прокричал:

– На, получай науку! – и картинно замахнулся увесистым кулаком.

Афинаида, успевшая, наконец, освободиться от своего плаща, закричала:

– Не надо! – и прыгнула вперед. Оплеуха ей досталась не очень сильная, вскользь, но девушка сразу потеряла сознание. Пришла в себя она через несколько минут, в ушах звенело. Алекс и человек в форме астинома пытались привести ее в чувство, шлепая по щекам.

– А, очнулась! – сказал страж порядка и с помощью Алекса довел Афинаиду до скамейки. – Посидите пока здесь. Может, вас домой отвезти?

– Н-нет, ничего, – с трудом выдавила Афинаида, – вроде всё в порядке. – Она взглянула на Алекса. – Ты жив?

– Жив, жив! – Он весело закивал. – Спасибо тебе, а то рассадили бы мне нос вдребезги!

– Что же вы так подругу подставляете? – Астином покачал головой.

– А кто это был? – спросила Афинаида.

– Рипидоносцы. Нечто вроде тайного общества при Духовной Академии. Они всё о православии ревнуют, часто разгоняют такие мероприятия, – ответил, подходя, другой астином. – Много сумасшедших там. Говорят, что как рипидами мух отгоняют от святыни, так они разгоняют еретиков. Но навозом в пакетах кидаться – это что-то новенькое, этого раньше не бывало. – Тут стражи порядка расхохотались. Алекс насупился:

– Что смешного?

– Да так, ничего. Я говорю, совсем молодежь от рук отбилась! – сказал второй астином; он казался заметно старше первого.

– Так догоните их и арестуйте!

– Как же, догонишь их! Ну, ничего, спокойствие восстановлено. Да вы не волнуйтесь, – предупредил старший астином возмущенную реплику молодого человека, – никто серьезно не пострадал. Они так, больше пугают. Если что, их же из семинарии повыгоняют, рипидоносцев-то этих! Они остерегаются калечить.

– Прекрасно! Девушке ни за что ни про что в ухо заехали, а вам и дела нет! Не покалечили, и ладно? – рассердился Алекс. – Пойдем! – сказал он Афинаиде, подхватил ее под руку и повел вниз.

Шагая рядом со своей тайной любовью, она старалась во всех подробностях запомнить этот недлинный путь вниз по холму и не забыть те секунды, которые провела в гроте, прижавшись к его плечу...

Но что это? На фонаре перед самым выходом из парка что-то розовело. Подойдя ближе, Афинаида с Алексом остановились в невольном изумлении. Но круглый плафон был накинута капюшоном Афинаидин плащ! Железные завитушки фонаря служили плечиками. Но спина плаща была разрезана снизу почти доверху, полы шевелил осенний ветер...

– Мне холодно, – глухо проговорила Афинаида, глядя на одежду, о которой она до сих пор и не вспомнила. Алекс вздрогнул и, извиняясь, торопливо стащил с себя черное пальто, накинул на плечи девушки:

– Давай, надевай!

Но больше он не проронил ни слова. Через несколько шагов они вышли к статуе Иоанна Глики: герой стоял всё такой же светлый и улыбающийся, а вокруг валялся разнообразный мусор. Алекс проводил дрожащую Афинаиду до дома. Правда, ей показалось, что главной при-

чиной такого внимания было пальто на ее плечах. По дороге они почти не разговаривали, и под конец девушке стало совсем неловко. «Зачем я полезла его защищать? – подумалось ей. – Он, наверное, думает, что навязалась я на его шею! Мало того, что из-за меня его схватили, так еще и провожать теперь...» Попрошались они с обоюдным облегчением. Впрочем, голос Алекса был весел:

– Ну, пока! До завтра!

Но назавтра Афинаида в институт не пришла – болело ухо. Потом началась ангина, которая подозрительно долго не проходила. Маме, конечно, пришлось рассказать всё... почти всё. О том, как она прижималась к плечу возлюбленного, Афинаида умолчала. Мать долго охала, вздыхала, с кем-то советовалась по телефону, но дочери до поры не говорила ничего.

Настала зима, приближалась сессия. Студенты давно забыли про случай на Пниксе: пора было учиться, о том ли думать! Только Филиппа, который получил пакетом с навозом прямо по макушке, еще долго дразнили «Копронимом». Алекс с Афинаидой не общался, лишь здоровался, а ей теперь было вдвойне неловко подойти и заговорить с ним. Да и вообще, после ангины Афинаиды определенно впала в депрессию. Всё опостылело ей – и философия, и литература, и колоннады Академии, и холодный парк...

Тогда-то и случилась эта встреча. Афинаида шла рано утром по сонной еще улице в центре города – мимо опущенных жалюзи, мимо желтых картинок на белых стенах, мимо собак, смотревших жалобно, но молчаливых и застенчивых – и заметила девушку, которая шагала по самой середине мощеного тротуара. Ее рыжие волосы были, похоже, давно не чесаны и лишь для вида заплетены в две рассыпающиеся косы. Клетчатый пиджак, юбка почти до щиколоток, странная полублаженная улыбка, взгляд, блуждавший по небу, балконам и карнизам. С разведенными в стороны, словно для удержания равновесия, руками, что-то шепча, она поравнялась с Афинаидой и вдруг, остановившись, внимательно посмотрела на девушку. Улыбка пропала с губ незнакомки, но тут же вернулась.

– Привет! Это тебе счастье. Читать умеешь? – весело проговорила она, быстро достав из-за пазухи книгу без обложки и протянув Афинаиде.

– Спасибо... – опешила та. – А зачем мне это?

– Не знаю, может, пригодится. Ты заходи в гости!

– А... где ваш дом? – Афинаида старалась быть вежливой.

– Не знаю, я давно бездомна, выгнали. – Девушка рассмеялась и, махнув в сторону Акрополя, побежала вниз по улице.

Афинаида посмотрела ей вслед и навсегда запомнила эту картину: неряшливые косы, руки, раскинутые, словно в полете над бездной, колеблемая ветром юбка... А наверху – голубизна январского неба, желтые тени на лепнине карнизов, сверкающие стекла мансард...

Обложки и титульных листов в книге не было, но в колонтитулах стояло: «Священник Андрей. Аскетическое учение Григория Паламы». Желтоватая бумага, бледная, местами смазанная печать – такую Афинаида позднее видела в дешевых церковных книжках. Но содержание Афинаиде понравилось: хороший, живой язык, красивые цитаты из святителя Григория. В книге описывалась христианская жизнь – такая, какой она должна быть по представлению фессалоникского архиепископа. Почти всё в этом учении стало для Афинаиды новостью. Раньше она и не слыхала о таком, ведь до маминого увлечения православием о религии в семье говорить было не принято. А мать, пролистав книгу, всплеснула руками и сразу побежала куда-то звонить. Затем подошла, села рядом и заговорила. Книгу, как оказалось, написал отец Андрей Лежнев. Вернее, он молча кивнул на вопрос Афинаиды, когда она с матерью впервые пришла в Свято-Михайловский храм. А потом был тяжелый разговор наедине... Отец Андрей объяснил тогда всё: и затяжную болезнь, и уныние, и одиночество, которое девушка чувствовала всё сильнее.

– Пойми, – говорил он, – ты, хоть и невольно, но приняла участие в настоящем идолослужении. Бросить ладан на эти угли – это прямое отступничество. Неужели ты не понимала, что делаешь? Рипидоносцы не так уж неправы, хотя методы у них грубоваты. Язычество растет, набирает силу, нужно же как-то с ним бороться? И смотри, ведь всё случилось промыслительно! Ты знаешь, как современные ревнителы толкуют фамилию Паламы? – Афинаида, конечно, не знала. – А очень просто, – объяснил отец Андрей, – «палама» это кисть руки, которой мы берем с земли... гной и бросаем в нечестивцев. Так раньше делали болельщики на ипподроме. Но они выражали этим порицание возницам, а мы всё это должны понимать духовно... Даже эти вот пакетики с навозом!

Растерзанный плащ, повешенный на фонарь, отец Андрей тоже объяснил «духовно» – как «совлечение ветхой ризы», вступление в новую жизнь:

– Разве ты не видишь, что Господь зовет тебя к Себе, что для тебя закрываются постепенно мирские пути? – убеждал он. – Но нужно каяться в совершённом преступлении!

После той исповеди Афинаида действительно начала ощущать угрызения совести. А что до мирских путей... Они постепенно и впрямь стали закрываться, хотя поначалу это ей было вовсе не очевидно. Почти год прошел, прежде чем девушка осознала, что самая ясная и понятная цель, которая стоит перед ней, это сделаться настоящей – «истинной», как говорил отец Андрей – христианкой и научиться смотреть на всё происходящее в жизни именно с этих позиций.

Алекс не обращал на нее внимания – да и никто не обращал. Робких заученных мальчиков, которые порой пытались с ней познакомиться, невозможно было брать в расчет. Прежде она еще могла позволить себе из вежливости ответить на записку какого-нибудь бледного патлатого философа, но накануне диплома? Нет, она могла думать только об учебе и об Алексе!

После получения диплома Алекс, как и Афинаида, поступил в аспирантуру, они продолжали видеться, и она сочла это благоприятным знаменем, ответом на молитвы... Теперь, спустя годы, ей самой не верилось, что она могла быть так наивна. В итоге всё кончилось романтическим письмом, дурацким объяснением... О, нет, она не стала писать ему прямо о своей любви! Она сплела тончайшую сеть из туманных фраз и намеков на симпатии, которые порой возникают у двух одиноких сердец, на нежную дружбу, на смысл жизни, который обретается лишь тогда, когда человек вырывается из своей замкнутости. «Но даже если кажется, что мир пуст и ни в ком нельзя найти родственную душу, я гоню от себя эти мысли, потому что знаю, что один такой человек непременно есть и, возможно, живет совсем рядом...» Она хотела написать, что Бог обязательно пошлет такого человека, но, вспомнив, что Алекс нерелигиозен, исправила эту строчку. Только молилась, усердно молилась, чтобы он воспринял письмо с благосклонностью... Но разве Бог исполняет такие молитвы? Молитву всегда нужно заканчивать: «но не моя воля, а Твоя да будет», – так научили позже Афинаиду в храме. Одна немолодая прихожанка – даже имя ее уже стерлось из памяти, – видя неприкаянность девушки, посоветовала молиться о том, чтобы Господь послал ей хорошего жениха. Но именно так – не о конкретном человеке, а о таком, который будет угоден Богу. А отец Андрей понемногу начал заговаривать о том, что лучший жених – Небесный... Хотя делал это деликатно, ни на чем не настаивая.

Мечты и молитвы Афинаиды не исполнились, а вскоре Алекс бросил аспирантуру и исчез из поля ее зрения. Она училась хорошо, но занятия наукой всё сильнее шли вразрез с православными понятиями. Ведь изучение трудов давно умерших и попавших в ад язычников или не очень-то благочестивых христиан, писавших о земной любви, а не об умерщвлении плоти, – неподходящее дело для души, ищущей спасения! Раньше Афинаида и не думала, что такое спасение и от чего надо спасаться, но под влиянием Лежнева стала думать со всей серьезностью. Думать и постепенно отсекал всё, что этому мешало. Часто «лишнее» отсекалось и само собой, прав был отец Андрей: «стоит лишь захотеть, как сразу весь мир с его соблазнами тебя оставит»... Вопрос в том, кто больше захотел, чтобы мир оставил Афинаиду – она сама или

Лежнев? Пожалуй, все-таки он, но как ловко сложились тогда кирпичики: ты унываешь, мучаешься и всё валится из рук потому, что над тобой тяготеют нераскаянные грехи, которых ты пока и увидеть-то не можешь. Но настройся на духовную жизнь – и всё обернется иначе! Придет спокойствие, радость и неземная любовь. Мирские занятия этому только мешают, отнимают драгоценное время...

Тряхнув головой, Афинаида заставила себя не думать о мороке, в котором пребывала столько лет. Быстрым шагом пройдя портретную галерею, она стала подниматься по мраморной лестнице.

Приемная ректора находилась на третьем этаже. С душевным трепетом Афинаида отворила красивую дверь орехового цвета, на которой строго поблескивала золотистая табличка, и вошла. Справа за компьютерным столом сидела загорелая белокурая девушка. Красный топик под белым летним жакетом лишь до половины прикрывал ее высокую грудь, на которой поблескивал небольшой золотой крестик; короткая белая юбка позволяла любоваться длинными стройными ногами в сетчатых колготках с мелким узором из роз; алые лаковые туфли на высоченных шпильках дополняли картину – несомненно, это была Элен, секретарша Киннама. Она смерила посетительницу взглядом, и в ее серых глазах, обрамленных густо накрашенными ресницами, отразилось пренебрежение. Афинаида сразу почувствовала себя крайне неуместно в своей черной юбке до щиколоток, туфлях без намека на каблук и скромной блузке светло-зеленого цвета – единственной, которая составляла удачное сочетание с ее каштановыми волосами, – а потертую сумку вообще хотелось спрятать за спину... Однако она взяла себя в руки и даже чуть вздернула подбородок.

– Здравствуйте, я Афинаида Стефанити. Могу я видеть господина Киннама? Он назначил мне встречу в два часа. Вероятно, я с вами и говорила об этом по телефону?

– Здравствуйте! Да, я помню. Господин Киннам еще не пришел с лекций, видимо, его что-то задержало. Но я сейчас сообщу ему, что вы уже здесь. Садитесь, пожалуйста.

Афинаида опустила в кожаное кресло и тут же подумала, что в таком удобном кресле поневоле чувствуешь себя раскованно, не то что на табурете или венском стуле, которые только и водились у нее дома. Элен между тем говорила по мобильному:

– Господин Феодор, простите за беспокойство, тут к вам пришла госпожа Стефанити, вы ей назначили... О, понятно... Через полчаса?... Хорошо, господин Феодор. – Она отложила мобильник и взглянула на Афинаиду. – Господин Киннам просит его извинить, он немного задерживается. У него произошла незапланированная встреча с гостями из Барселоны. Он будет примерно через полчаса, самое большее через сорок минут.

– Ничего, спасибо, я не тороплюсь, могу подождать. – И Афинаида, достав из сумки сборник «Античность и Византия», погрузилась в чтение.

В приемную заглядывали люди, оставляли бумаги на подпись ректору, спрашивали, когда можно к нему зайти... Элен работала ловко и привычно, и Афинаида, несколько раз взглянув на нее, подумала, что она тут вполне на своем месте и, несмотря на несколько вызывающий вид, наверняка подходит ректору как секретарша. Посетителей было много, и Афинаида перестала отрываться от книги, чтобы посмотреть на очередного пришедшего. Когда, наконец, вошел Киннам, она подняла голову, только услышав, как Элен сказала:

– Ох, наконец-то, господин Феодор! Вас тут спрашивали уже столько раз!

Афинаида взглянула на вошедшего и замерла. Она действительно никогда не видела такого красивого мужчину. Стройный, загорелый, с волнистыми черными волосами, точеными чертами лица, высоким лбом и темными глазами, в уголках которых пряталась улыбка, ректор Академии полностью оправдывал вчерашние рассказы Марии. Один его взгляд из-под густых

бровей, изломленных у висков словно крылья птицы, заставил сердце Афинаиды ускоренно забиться. Но когда он заговорил, его бархатный голос породил в ее душе странный трепет, какого она, пожалуй, не испытывала еще никогда в жизни.

– Госпожа Стефанити? Здравствуйте! Прошу прощения за то, что заставил вас так долго ждать!

– Здравствуйте! – ответила Афинаида и хотела вскочить, но с низкого кресла, где она успела удобно расположиться, быстро встать оказалось не так-то просто.

Когда она, наконец, неуклюже поднялась и предстала перед великим ритором, Элен едва не прыснула со смеху: они в самом деле составляли забавный контраст – красавец-мужчина в элегантном костюме и убого одетая девушка неопределенной наружности... Впрочем, Элен отметила, что Афинаида, пожалуй, недурна лицом, в котором особенно привлекали внимание большие зеленовато-карие глаза, да и осанка ничего... «Но, боги, что за мешок вместо юбки она нацепила на себя?! – подумала секретарша. – И блузка тоже – балахон какой-то страшный... Да еще с длинным рукавом – в такую жару! Или она мусульманка? Нет, вряд ли – без платка... А что за ужасная прическа!.. Ну и кадры попадаются в жизни!» Элен мысленно хихикнула и снова устремила взгляд на экран компьютера, а Киннам провел Афинаиду в свой кабинет.

Большой и солнечный кабинет оказался неожиданно уютным: обитый светлым деревом, с дубовой мебелью, выющимися по стенам цветами, жалюзи кремового цвета на высоком окне и квадратным ковром с желтовато-коричневым геометрическим рисунком, – всё это совсем не походило на ту чопорную атмосферу, которую представляла себе Афинаида, отправляясь сюда. Киннам предложил девушке сесть в кресло у стола и, пока она рассматривала кабинет, внимательно оглядел ее саму.

– Итак, госпожа Стефанити, вы намерены писать диссертацию по византийскому роману?

Афинаида вздрогнула и, отведя взгляд от большого парадного портрета императорской четы, висевшего на стене напротив ректорского стола, посмотрела на великого ритора, тут же опустила глаза и торопливо достала из сумки папку с распечатками.

– Да, господин Киннам, я заинтересовалась романом Евмафия Макремволита...

– «Повесть об Исминии и Исмине»? Прекрасно, этот роман действительно всё еще ожидает своих исследователей. Чем же именно он заинтересовал вас?

Афинаида чуть покраснела.

– Во-первых, мне понравился сам роман... Точнее, сначала я прочла отрывок из него в «Памятниках византийской литературы» и увидела, что там много аллегорий. Мне стало интересно, как они толкуются, и я решила почитать исследования о «Повести». Но я увидела, что о ней почему-то отзываются очень пренебрежительно, пишут, что она холодная, плоская, неправдоподобная, «труд школяра и жалкого софиста...»

– «...который на всю жизнь по заслугам так и останется школяром», – да, я помню этот отзыв Аидипулоса! А известен ли вам отзыв Крумбахера?

– Да, он тоже ругает «Повесть» за «безвкусное подражание...»

– «...не отличающемся вкусом роману Ахилла Татия!» А вы сами что думаете о «Левкиппе и Клитофонте»?

– Мне вовсе не показалось, что этот роман безвкусен. По-моему, в нем гораздо больше вкуса, чем во многих современных!

– Совершенно с вами согласен! Итак, вы решили опровергнуть суждения оных ученых мужей, упомянутых и многих других?

– Да, я бы хотела попробовать это сделать, – Афинаида снова покраснела, – конечно, с вашей помощью, если вы... если вас заинтересует такая работа...

– Считайте, что она меня уже заинтересовала. Вы позволите? – Киннам протянул руку, взял папку, которую Афинаида положила на край стола, вынул распечатки и принялся про-

смагивать. – Так, это, как я понимаю, план диссертации? Хорошо... Значит, вы хотите сосредоточиться на теме аллегории?

– Да, мне думается, что, хотя эта «Повесть» – переработка романа Ахилла Татия, на самом деле Евмафий сознательно отодвинул ее от прототипа, по духу она другая...

– Я вижу, вы написали об этом статью? Очень интересно! Вы позволите мне оставить себе эти распечатки, чтобы изучить на досуге?

– Да, конечно, я для того и принесла их...

– Благодарю!

– Там наброски для первой главы и еще вторая статья... Эти статьи уже готовы, а сейчас я пишу еще... Но я пока не знаю, где можно опубликовать... Точнее, одну статью я опубликовала, подруга пристроила в один журнал весной...

– В какой?

– «Вопросы филологии», номер два за этот год.

– Хорошо, я обязательно посмотрю. – Киннам черкнул что-то в ежедневнике. – Насчет публикаций не волнуйтесь, с этим не будет проблем! Я смогу быстро пристроить ваши работы в подходящие сборники и журналы. – Он продолжал проглядывать распечатки. – Да, вы основательно подошли к делу... Замечательно! Итак, ваша тема – «„Повесть об Исминии и Исмине“ как аллегория любви»?

– Это всего лишь предварительное название...

– Но звучит! – Великий ритор улыбнулся. – Вы хорошо знаете древнегреческий, как я вижу?

– Да, я окончила филфак Академии, отделение классической филологии. Я писала диплом как раз по Ахиллу Татию, а потом собиралась защищать диссертацию по Илиодору, проучилась год в аспирантуре, но бросила...

– Почему? Ведь у вас очевидные способности к научной работе! Что-то случилось?

«Случился провал в православие, – подумала Афинаида. – Но как объяснить ему это? Стоит ли вообще об этом говорить? Не сочтет ли он меня дурой? И будет прав, конечно! Ладно, будь что будет, раз уж зашла речь, расскажу в двух словах... Не скрывать же теперь!»

– Так получилось, что я... В общем, всё началось с того, что мой отец ушел от мамы к другой женщине.

– Вот как... Сочувствую! Вы тяжело пережили это?

В голосе Киннама слышалось непритворное участие, и Афинаида вдруг почувствовала себя раскованно, словно они были давно знакомы, и принялась рассказывать:

– Я-то нет, я давно видела, что ему с мамой тяжело. У нее был... очень специфический характер... В общем, папу можно было понять. Но мама понимать его, конечно, не хотела. Были ужасные скандалы, она пыталась его вернуть... Папа с той женщиной даже уехал в другой город. Когда стало понятно, что он ушел навсегда, мама впала в депрессию. И тут... под вернулся отец Андрей... Отец Андрей Лежнев.

– Что вы говорите?! – воскликнул Киннам. – Неужели тот самый Лежнев, которого разоблачили два года назад?

– Да, тот самый. Мама с горя ударилась в религию, стала часто ходить в церковь, сначала ходила по разным храмам, а потом попала к Лежневу...

Афинаида умолкла. На нее нахлынули воспоминания обо всем этом хождении в православие, последствия которого она до сих пор не могла расхлебать. «Как я могла упасть в такую яму, так быстро, так надолго?» – в который раз подумала она. Но голос ректора вернул ее к реальности:

– Вероятно, оный отец стал пугать вашу мать адскими муками и прочими прелестями загробного жития?

Афинаида невольно улыбнулась.

– Да, именно так, и мама очень быстро доверилась ему. Уверяла меня, что он читает мысли, что он прозорливец, всё подбивала сходить к нему на исповедь... Я сначала даже и не думала... У нас семья была нецерковной, папа был поклонником всего античного, эллинских философов, древнегреческого искусства, а мама религией не интересовалась, и я была от всего этого далека. То есть меня в детстве крестили, и всё на этом... Правда, атеисткой я не была, но я никогда не ходила в церковь, не причащалась... в общем, ничего такого. Но потом... потом у меня... возникли некоторые сложности в личной жизни...

Сложности? Подумаешь, сложность – влюбленность в Алекса, по которому сохла почти половина девиц их курса! Как она страдала по нему, а недавно при встрече с ним в ней ничто не затрепетало, она даже не может теперь понять, что в нем тогда находила! И из-за этого, из-за этой романтической дури она умудрилась загреметь к Лежневу!..

Тень мучительного прошлого легла на ее лицо, и Киннам мягко сказал:

– Простите, я, кажется, невольно вынудил вас вспомнить не очень приятные вещи! Не стоит рассказывать мне подробности. Значит, у вас произошли личные неприятности, и вы решили пойти за советом к отцу Андрею, так?

– Да, и после этого... Честно говоря, мне самой непонятно, как это вышло так быстро и... радикально... Но это так: уже через год я решила всё бросить и только спасти душу.

– То есть вы пустились во все тяжкие?

Афинаида недоуменно взглянула на ректора.

– Насколько я помню, – пояснил Киннам, – в Евангелии сказано, что спасти душу можно, лишь погубив ее.

– Да, но... – растерянно проговорила девушка, – ведь это толкуется как жизнь...

– И вы, значит, решили загубить свою жизнь, чтобы спасти душу.

Афинаида чуть вздрогнула.

– Вы правы, именно так и вышло! – Она горько усмехнулась. – Наверное, над такой глупостью можно только посмеяться... Когда я теперь вспоминаю всё это, мне иногда хочется избить саму себя, такой я была душой!.. Впрочем, – она смутилась и покраснела, – вам это вряд ли интересно... все эти подробности... Простите, что я так...

– Почему же, очень интересно! Я ведь не только ученый, но и писатель, а писателей всегда занимают разные истории из жизни. Поэтому, если вы сочтете возможным посвятить меня в вашу историю, я с интересом ее выслушаю. – Ректор внимательно посмотрел на девушку. – Тем более, что вам и самой, как мне кажется, будет полезно рассказать всё это. Вы с кем-то делились этой историей?

Афинаида покачала головой.

– Но у вас есть большая потребность рассказать обо всем кому-нибудь.

Она снова вздрогнула и, чуть поколебавшись, кивнула:

– Вы правы, господин Киннам. Но... не знаю, могу ли я... Это отнимет у вас время...

– Пустяки! Всё время, какое ни есть – наше, и мы вольны тратить его, как считаем нужным. А мне в данный момент представляется нужным выслушать вашу историю. Обещаю, что не буду смеяться, что бы вы ни рассказали!

Афинаида грустно улыбнулась.

– Даже если б вы стали смеяться, я это вполне заслужила... Но я думаю, что смогу отличить юмор от насмешки.

– Отлично! В таком случае... – Киннам нажал кнопку на столе. – Елена, будьте добры, приготовьте нам кофе. Мне как обычно, а для госпожи Стефанити... минуточку... – Он взглянул на девушку. – Что-то говорит мне, что вы предпочитаете покрепче и послаще, я угадал?

– Да, – смущенно ответила она.

Великий ритор засмеялся, снова нажал кнопку и сказал:

– Для госпожи Стефанити, пожалуйста, крепкий и самый сладкий!

– Так с чего же начать? – задумчиво проговорила Афинаида, когда голос Элен погас с тихим щелчком микрофона. Она сцепила пальцы и напряженно посмотрела перед собой.

– Наверное, с начала?

– Нет, с самого начала не надо, это слишком долго. – Девушка помотала головой. – Начну с того, что на пятом курсе со мной случилась дурацкая история. Это было осенью, мы с друзьями сбежали с лекции, и кто-то предложил пойти... Нет, это опять длинно, – досадливо оборвала она себя. – В общем, это была игра, шутка, но потом всё обернулось так, будто я приняла участие в языческой церемонии.

– Вот как? – удивился ректор.

– На самом деле это была просто глупость, дурачество: какие-то песни, мы бросали ладан на угли, а потом прибежали Рипидоносцы, завязалась драка... И с того дня у меня в жизни всё пошло наперекосяк. Я заболела, чуть не провалила экзамены, и... То есть, разладилось-то оно, может, само по себе, я бы и не связала ничего с этим эпизодом, если бы не мама.

– А мама уже, что называется, воцерковилась?

– Да, еще за полгода до этого.

– О, я представляю себе!

– Совершенно верно представляете! Это была целая эпопея. Сначала мама ничего не сказала, побежала советоваться по телефону. Отец Андрей всегда говорил, чтобы в минуты гнева или недоумения все звонили ему, а он объяснит, как поступить... Ах, лучше бы она тогда на меня накричала, даже поколотила – всё равно бы потом пожалела, всё бы и забылось. Но мама замкнулась, отгородилась от меня, начала обдумывать какую-то стратегию... – Афинаида сжала губы и слегка задумалась. – В итоге она внушила мне, что надо поговорить с отцом Андреем – всего лишь поговорить, по-человечески. Мне нелегко было решиться на разговор с незнакомым священником, но... Мама вдруг стала ласковой и мягкой, терпеливо объясняла, что я нуждаюсь в помощи, что отец Андрей может многое разъяснить, и... А тут я прочла книжку о святом Григории Паламе, и мне самой стало любопытно. Да ведь я и не имела ничего против религии, а мое состояние болезненное... оно меня беспокоило. В общем, в конце концов я уступила. Мы пришли к отцу Андрею утром в будний день, и вокруг него уже была толпа народа. То есть сам он с кем-то беседовал в исповедалине, а люди стояли и сидели в ожидании. Отец Андрей оказался совсем не страшным. Когда дошла очередь до меня, я вкратце рассказала свою историю, а он сначала молчал, смотрел в сторону, только изредка взглядывал на меня так... изучающе. А потом сказал, что со мной всё непросто, что хотел бы поговорить на эту тему позже, когда народ разойдется.

– Однако!

– Нет-нет, ничего такого! Он лишь дал понять, что озабочен моей судьбой, и я... мне это было приятно. Я вышла из исповедалини и села в сторонке, стала ждать. Мама вскоре ушла, а я, можете представить, прождала его до самого вечера! Это был какой-то невыносимый день, странный круговорот лиц, явлений... Вы знаете Свято-Михайловский храм в Перистерии, недалеко от книжного развала? Это древняя базилика, довольно большая. Отец Андрей появлялся то тут, то там, наверху, внизу, что-то объяснял, доказывал, распоряжался. Его голос был слышан везде, повсюду! Но сам он только мелькал перед глазами и тут же скрывался. Иногда махал рукой – мол, подожди еще, иногда подходил на секунду, извинялся и пропадал снова. Я сидела и читала, я всегда носила с собой какую-нибудь книжку... Несколько раз порывалась уйти, но... не получалось. То думалось, что это будет невежливо, а то меня кто-нибудь задерживал. Это был канун праздника Трех святителей, было много всяких приготовлений, меня тоже просили помогать. Подходили всякие люди, интересовались, кто я такая, что читаю и кого

жду. И все хвалили отца Андрея, говорили, что он очень мудрый на советы, может понять любого... А Лежнев еще приговаривал, бегая по храму: «От каждого по способностям, каждому по духовной потребности», – смешно, правда?

– Да уж! – хмыкнул великий ритор.

– Вот. И постепенно возникло ощущение, что я стала кирпичиком в этом большом здании, что мне уже определено свое место. И мне самой стало интересно: чем же дело кончится? Прошло несколько часов, ко мне подошла старушка и сказала, что отец Андрей благословил пообедать, – и вот, я ела в полутемной каморке безвкусную похлебку, заедала черствым хлебом... Потом была вечерня, и я впервые отстояла церковную службу. Лежнев служил хорошо, проникновенно и очень сосредоточенно. Сзади иногда доносился шепот: «Ах, какой молитвенник!» После службы он вдруг подошел ко мне и спросил: «Ты ведь студентка? Умеешь читать церковные тексты?» Я ответила, что умею, но не вслух.

– Он сразу перешел на ты? – поинтересовался Киннам.

– Да, он иначе ни к кому не обращался.

В этот момент дверь кабинета распахнулась, и величественно вплыла Элен с небольшим подносом. Она грациозно опустила поднос на столик, стоявший перпендикулярно ректорскому столу, бережно сняла с него кофейную чашку и, почтительно изогнувшись, поставила ее перед Киннамом, не забыв подложить маленькую салфетку. Афинаиду секретарша не удостоила взглядом, повернулась на каблуках и мгновенно скрылась. Девушке пришлось самой тянуться за кофе. Она машинально пошевелила в нем ложечкой и продолжала:

– Ну вот, тогда он махнул рукой и сказал: «Не важно. Мне сейчас надо молебен отслужить, помощи, пожалуйста». И ткнул меня в служебник. Я прочитала, запинаясь, пятидесятый псалом, а отец Андрей потихоньку пел, бормотал молитвы. Потом похвалил меня, сказал, что хорошо читаю – это было неправдой, между прочим, читать я научилась позже, – и тут же спросил, приду ли я завтра. Мол, очень нужно завтра кое в чем помочь. Я растерялась, но он тут же забыл о вопросе, вернулся вдруг к моей исповеди, если можно ее так назвать. Объяснил, что мое прегрешение тяжелое, что жертвоприношение идолу – это ни к каким воротам не лезет, что я отлучила себя от церкви, от Бога... Но сразу принялся утешать, говорил, что я сложный человек, что меня можно понять и простить, но понять меня по-настоящему может только Господь... и духовный отец, если он у меня появится. Потом опять спросил, приду ли я завтра...

– И вы, так сказать, проглотили эту приманку, – подытожил Киннам слегка удивленным тоном.

– Нет, не совсем... Это не выглядело приманкой, вернее, приманкой был весь его тон, стиль, манера поведения. Он действительно располагал к себе! Я пришла к нему снова, да. Хотя не назавтра, а через неделю. Меня разбирало странное любопытство: хотелось понять, что это за церковная жизнь такая, чем живут все эти люди, какой они смысл находят во всех этих занятиях... И сам Лежнев мне тоже стал интересен. И вот, я пришла, а в храме в тот день собирали одежду для бедных, и отец Андрей мне обрадовался. В тот момент было много бестолковщины, не хватало просто аккуратных людей. И... я как-то сразу почувствовала, что я здесь нужна, что мне рады. Это было не то, что в Академии, где все мы были на равных и никто, по большому счету, друг другом не интересовался. Лежнев бегал вокруг, пытался руководить и всем говорил: вот, посмотрите, какая к нам барышня пришла ученая! Теперь, мол, всё пойдет на лад...

– Но ведь это была настоящая секта? – перебил ее ректор.

– Да. Но такие вещи понимаешь только потом, если согласишься со стороны. Секта это нечто отделенное от целого, но... Иногда ведь очень приятно чувствовать себя отделенным от профанов, посвященным в тайну... И тогда самому хочется во всё вникнуть, узнать побольше. Представьте: вы стоите в храме, слушаете проповедь, ощущаете, что в ней много намеков, аллюзий, но точно не можете сказать, каких. А рядом стоят люди, которые вздыхают,

кивают головой и явно понимают больше, чем вы... Разве не у всякого человека проснется любопытство и жажда познания?

– Не у всякого, только у некоторых. Даже смею вас уверить, что большинство этих слушателей сами ничего не понимают.

– Здесь вы тоже правы. Там было больше специалистов другого рода. Например, я однажды видела, как одна женщина подошла к другой и спросила: «Помнишь, какой завтра день? Вот, отец Андрей просил передать тебе синодик». А та улыбнулась так самодовольно, кивнула: «Да, он знает, к кому обращаться!»

– Это они о чем? – Киннам вскинул брови.

– Есть такой обычай у духовных людей – накануне дня мученицы Клавдии молиться за всех обидевших и врагов. Якобы этим привлекается особая благодать. Суеверие, конечно, но раньше мне так не казалось. – Афинаида, наконец, глотнула кофе. – Раньше казалось, что там, в Свято-Михайловском, витает особая мудрость. Ведь никто никогда не говорил, что мы отделяемся от Церкви – наоборот, подразумевалось, что именно мы-то и храним ее учение в первозданном виде! Если «они» могут есть рыбу по средам, носить одежду, несвойственную полу, и так далее, то мы так делать не будем, потому что знаем, что это запретили святые отцы...

– Всё же занятно, что иностранец приехал обучать нас истинам веры.

– Он же не просто так приехал, он приехал с таким ореолом... едва ли не мученика! Вот, мол, я вырвался из тюрьмы народов, где люди чуть не каждый день умирают за Христа, а вы здесь расслабились и живете так, словно у вас билеты в рай...

– А как ему удалось оттуда уехать?

– Это отдельная история, я ее немного знаю. Он не уехал, он переправился через границу некоей тайной тропой...

– Странно, что его так быстро приняли в общение и дали приход!

– Почему же? Он умел быть обаятельным, легко входил в доверие, показывал преданность Империи, архиерею. Это только со временем, в самом близком кругу, он начал говорить, что в нашей церкви почти всё неправильно, всё обмирщено, никакой духовной жизни...

– И в чем же она должна заключаться?

– О, много в чем! В одежде, в движениях, позах, мыслях... ну, и в молитвах, богослужениях, безусловно. Лежнев вывез из Московии много рукописей катакомбных старцев, понемногу издавал их здесь и распространял среди своих. Старцы, вы понимаете, были очень суровы. В условиях гонений, когда каждое движение может стать последним, возникает особый тип благочестия, его сложно в двух словах описать...

– А разве наши святые отцы не были суровы? Он давал их читать?

– Давал, конечно. Отцы-то меня и привлекли больше всего. Они открывали прекрасный мир, где Бог совсем близко... для тех, кто готов для Него от всего отказаться... Правда, я только сейчас понимаю, насколько причудливо этот мир преломлялся для меня толкованиями Лежнева. Да, это соответствует Евангелию – от всего отказаться ради Бога, и я попыталась это сделать. Но в реальности получается, что ты отказываешься от всего не ради Бога, а ради... священника, храма, ради каких-то дел, на которые расходуются не только деньги – это мелочь, – а силы, здоровье, лучшие душевные движения...

– Но я подозреваю, что это вы тоже поняли уже потом? – тихо спросил Киннам.

– Да, – просто согласилась Афинаида. – Вернее, что-то начало во мне шевелиться в связи с моим предполагавшимся постригом – сомнения, переживания... Арест Лежнева и всё, что с ним было связано, перевернул ту мою жизнь вверх ногами и поставил на ней жирную точку. Не знаю, как я не сошла с ума...

– А что было связано с арестом? – осторожно поинтересовался ректор.

– Знаете, мне не хотелось бы об этом говорить. – Афинаида нахмурилась и опустила голову. – Не хочется вспоминать, наверное, я еще не готова... Да, еще ведь выяснилось, что он эти деньги, которые собирал для «гонимых братьев» никуда не отправлял. Их потом астиномы нашли, они так и лежали в конвертах с надписями. И все эти махинации...

– Странная история! Но как вы думаете, для чего это всё ему понадобилось? Неужели такой экзотический способ заработать?

– Нет-нет, – уверенно ответила Афинаида, – он... в самом деле был аскетом. Не знаю, для чего он копил деньги. Может, существовала еще какая-то сверхзадача, о которой я не догадываюсь? Во всяком случае, у него были твердые религиозные убеждения, он искренне считал, что воспитывает людей в единственно правильном направлении. Ну, и наличие такой преданной паствы давало уверенность и вдохновляло, наверное. Он же был известный человек, учитель молитвы, благочестия... всего, что под этим можно понимать. При этом он был хорошим психологом, общаться с ним было приятно. Он всегда знал, как ободрить, поддержать. Без этого мы и не смогли бы столько трудиться, что называется, во славу Божию. Он пытался встать в положение всеобщего отца, но мог действовать и очень деликатно... Вот, например, – тут Афинаида чуть встрепенулась и машинально пригладила волосы, – мы однажды сидели на кухне, и он на все лады расхваливал одну прихожанку, Ирину. Она была такой подвижницей, дневала-ночевала в храме... да еще с детьми! И при этом была добрая, хорошая, я с ней потом подружилась. Вот, сидела она бедная, краснела, слушая похвалы. А когда все уходили, Лежнев нагнал меня в дверях и шепнул на ухо: «А ты заметила, как она одета?» Да, конечно: юбка до пола, штопанная кофта, пыльные башмаки... Мне сразу стало стыдно, я поняла, к чему был весь этот разговор... И с тех пор решила поменять гардероб, тем более, что давно замечала, как на меня порой косо смотрят – на мои юбки до колен, короткие рукава...

Киннам слушал, не шелохнувшись. Афинаида бросила на него быстрый взгляд и смутилась:

– Ой, ну что я о пустяках? Там и правда всё было очень непросто! Многие верили, что Лежнев наделен даром прозорливости. Он и сам на это намекал. Да и со мной бывали случаи... Например, однажды я потихоньку молилась вечером, после службы: мне была непонятна одна стихира, и я просила Богородицу вразумить меня. Отец Андрей исповедовал в своей кабинке с прозрачной стеной, я его ясно видела, он оттуда не выходил, слышать ничего не мог. А потом, уходя, когда я к нему подошла под благословение, он сурово так сказал: «Нечего Матерь Божию зря отвлекать, лучше бы ко мне обратилась». И объяснил стихире в двух словах, представляете?

– Да, – кивнул Киннам, – они читают по губам.

– Кто? – опешила Афинаида.

– Русские катакомбники, это очень удобно для конспирации. И вообще довольно известный трюк.

Девушка смотрела на него круглыми глазами, в полном смятении.

– Ах, это многое объясняет, – проговорила она. – Очень многое!

– Не расстраивайтесь, госпожа Стефанити, вы просто многого не знали тогда... да и теперь еще не знаете, – участливо сказал Киннам. – Но это поправимо.

Потом она рассказала о тяжелой работе на Пелопоннесском подворье, о матери Еликониде, которая руководила сбором оливок, стрижкой овец, длинными монастырскими службами в полутемном сарае и всей жизнью восторженных неофиток... Рассказывала, как девушки таскали камни для постройки небольшого храма – отец Андрей вдохновенно объяснял, что здесь, вдали от столичной суеты и неправильной жизни, они смогут создать независимое ни от кого прибежище истинных христиан...

Кофе в ее чашке давно остыл – как и у великого ритора, который слушал ее очень внимательно, почти не отрывая глаз.

– Да, у вас уникальный опыт... хотя очень печальный, – подытожил Киннам, когда девушка умолкла.

– Опыт? Да, но из него можно сделать один вывод: нельзя быть такой доверчивой! Когда всё это кончилось, я почувствовала себя так, будто вселенная вокруг меня рухнула. То есть, понимаете, я как бы положила свою жизнь без остатка на алтарь православия, думала, что служу этим Богу, исполняю заповедь «оставь всё и следуй за Мной», а на самом деле... На самом деле Бог, может, и вовсе тут был ни при чем! Я думала: значит, я от всего отказалась, всё бросила, даже чуть не постриглась... Если б Лежнева взяли хотя бы на день позже, я бы осталась у разбитого корыта еще и монахиней!

– Да, перспектива устрашающая, особенно если учесть, что вы вовсе не созданы для монашеской жизни! – Афинаида взглянула на ректора, и он чуть заметно улыбнулся. – По крайней мере, мне так кажется. Хорошо, что вы избежали подобной участи! Я помню тот скандал с Лежневым... Но вот не думал, что встречу с одной из его жертв в стенах Академии – тем более приятная неожиданность! Кстати, говорил ли вам сей любитель аскезы, с каким именем он собирался вас постричь?

– Да... Ему всегда страшно не нравилось мое имя, «языческое», и он норовил называть меня Афанасией... А постричь хотел Агафией. Мне это имя совсем не нравилось! Отчасти я потому и противилась его настояниям постригаться и оттягивала, – Афинаида усмехнулась. – Только уже накануне разгрома он решил дать мне имя Арсения...

– Какой глупый поп! Если б я постригал вас, я бы нарек вас, конечно, Евдокией.

– Почему? – спросила Афинаида, но тут же улыбнулась, вспомнив о супруге императора Феодосия Младшего. – А, ну да... А ведь меня в честь нее и крестили! Папа, правда, вообще крестить меня не хотел, но бабушка настояла, а мама тоже была не против – вроде «так положено»... Но моего имени нет в святцах, а папа категорически настаивал на нем, и решили крестить в честь Афинаиды-Евдокии.

– Что ж, в России, например, это даже принято: есть святые княгиня Ольга-Елена или князь Владимир-Василий. Христианские имена у них вторые, но крестят обычно с первыми, изначально тоже языческими.

– Правда? – удивилась Афинаида. – Я не знала. Интересно!

– У вас очень красивое имя! Кстати, вы не будете против, если я буду звать вас просто по имени?

– Что вы, пожалуйста! – ответила девушка чуть смущенно и, помолчав, вздохнула. – Да, если б я была дочерью философа, вряд ли у меня в жизни возникли бы подобные проблемы!

– Такие не возникли бы, но, возможно, возникли бы другие... Вы же помните, какие сложности были у вашей тетки, когда она стала императрицей! У каждой розы, даже самой красивой, свои шипы.

– Это понятно, но... Не знаю... Недавно в одной статье я читала рассуждение о том, что всякий опыт стоит того, чем за него заплачено. Только... мне кажется, что такие красивые фразы пишут люди, которые не очень-то дорого платили за свой опыт!

– Часто бывает и так, – согласился великий ритор с легкой усмешкой, – хотя то же самое можно услышать от людей, действительно многое переживших. Но ваш скепсис понятен. – Он умолк на пару секунд и добавил: – В юности я еще доверял таким рассуждениям, а теперь мне тоже стало трудно с этим согласиться.

Афинаида посмотрела на ректора и заметила, как словно бы тень легла на его красивое лицо, а в уголках глаз вместо прятанной там улыбки проступила усталость. «Неужели и в его жизни могло быть что-то... такое же тяжелое и непонятное, как у меня?» – подумала она, но спросить, конечно, не решилась и поскорей опустила взгляд, потому что внезапно испытала странное – и даже неприличное! – желание: протянуть руку и погладить его по щеке, чтобы стереть эту тень и заставить его улыбнуться...

– Ну, может быть, если оценивать из перспективы... – нерешительно проговорила она. – Я иногда думаю, что пройдет время и я пойму смысл всего бывшего... Только вот какое время? Понять-то хочется уже сейчас!

– Приходится запасаться терпением. Наука жизни еще сложнее просто науки: иногда долго копаешь и ищешь разрешение проблемы, но не находишь... Хотя, как и в обычной науке, попутно можно понять что-то важное для себя. – Помолчав немного, Киннам продолжал несколько задумчиво: – Конечно, сразу после горького опыта бывает непонятно, зачем он нужен или, по крайней мере, кажется, что такой ценой он точно был ненужен. Но, возможно, позднее станет ясно, что судьба в итоге устроила всё к лучшему и не стоит проклинать ее... Хотя после опыта, подобного вашему, эти слова могут вызывать, скорее всего, только недоверие.

– А вы разве верите, что «всё к лучшему в этом лучшем из миров»?

– Нет, Афинаида, – рассмеялся Киннам, – но надежду на лучшее всё же не стоит терять, ведь это единственное, что оставила нам Пандора!

– Да, но... это тоже как-то мрачно! Пусть сейчас я опомнилась, вернулась в науку и, возможно, преуспею... Но то, что было – зачем оно?! Ведь я точно так же могла бы заниматься наукой, я бы уже многое могла сделать, а вместо этого потеряла столько лет – зачем? Если это промысел Божий, то какой-то очень странный... Я думала, что спасаю душу, а в итоге... ничего не спасла, только оказалась выброшенной из жизни: потеряла время, друзей, почти все связи... А что приобрела? Разве что умение молиться... Древнегреческий, вот, не забыла благодаря богослужебным текстам... А так... я всем пожертвовала ради православия, а оно... Оно, можно сказать, показало мне звериный лик! И самое обидное – я же действительно хотела служить Христу! Может, мама там искала утешений, какой-то душевной корысти, так сказать... Но я-то искренне хотела послужить Богу! И что? И разве это у меня одной так? Эти прихожане Лежнева, они все рассеялись, и только некоторые ушли в другие приходы, а большинство – в никуда, ушли совсем из Церкви, потеряли веру... Я не про всех знаю, но некоторые пустились во все тяжкие... Один молодой человек, он предавался жуткой аскезе, слушался отца Андрея, как в патериках: всё спрашивал, вплоть до того, сколько в день чашек чая пить... Лежнев часто его приводил как пример истинного послушания! Так вот, он теперь пьянствует, курит, гуляет... И думаю, он не один такой, таких много, просто разные градусы отчаяния и... падения... И вот почему это так? Люди вроде бы от души хотели служить Богу, а попали в такую яму! А Бог... Бог не вмешивался, получается? Получается, Ему всё равно? – Афинаида помолчала и усмехнулась. – Можно, конечно, сказать, что Он все-таки вмешался и разорил это... змеиное гнездо... Но что из этого? Лежнев наказан, да, но сколько людей вообще ушло от веры и, скорее всего, больше никогда к ней не придет! И их можно понять! Потому что боязно опять приближаться ко всему этому... Я вот хожу в храм, но у меня до сих пор такой страх, что, когда со мной пытаются поближе сойтись какие-нибудь православные, мне хочется бежать от них! Потому что страшно, что познакомишься поближе, опять куда-нибудь втянешься... и снова напорешься на что-то подобное! Иногда уже думаешь: вдруг это свойство христианской религии как таковой – приводить в такую яму тех, кто пытается жить по Евангелию, «отвергнуться себя» и всё такое? Или это свойство только какого-то среза современного христианства? Или эта яма – следствие моей глупости? Я не понимаю! Посмотришь на историю Церкви: вроде не было же всё так плохо... Да, и раньше случалось много дурного, но ведь были и настоящие святые, подвижники... То есть люди подвизались и в самом деле спасались, а не так, как мы у Лежнева... И если правда, что «Христос тот же во веки», то не могло же всё это совсем исчезнуть! Значит, и сейчас должно существовать настоящее православие... Но где оно?!

– «Царство небесное внутри вас есть», разве не так? Там его и нужно искать, как мне думается, а всё внешнее должно быть постольку, поскольку оно помогает найти и удержать это царство. У вас же, видимо, получилось наоборот: вы исходили из внешнего – не делать этого, отказаться от того и сего, и тогда придет царство. Точнее, так научил вас Лежнев: «слушайтесь

меня, и я приведу вас». А вы подумали, что раз он говорит, то и приведет, не так ли? Ведь он внешне был таким аскетичным, вроде бы так много знал о православии – по крайней мере, гораздо больше, чем вы...

– Да-да, так и было! Я думала, что он же священник, а значит как бы и должен знать, как спастись...

– Очень распространенная ошибка! Священника часто воспринимают как заведомо непогрешимого вождя или хотя бы духовно опытного пастыря, а между тем большинство священников – обычные люди, даже далеко не лучшие представители человеческого рода и духовно слепы.

– «Слепой же если ведет слепого, оба упадут в яму», – пробормотала Афинаида. – Да, так всё и получилось. Наверное, прежде чем слушаться Лежнева, надо было почитать какие-нибудь хорошие книжки о православии, об аскетике... Но в то время я не знала, что читать, и мы опять же спрашивали у Лежнева. Даже то, что мы читали хорошего, те же святые отцы, всё это виделось уже через призму его толкований, того образа жизни, который он проповедовал... Какой-то замкнутый круг! Я вспоминаю всё это и пытаюсь понять, могла ли я, такая, какой была тогда, поступить иначе... и не знаю!.. Хотя что толку теперь рассуждать об этом, прошлого не вернешь. Хуже то, что непонятно, как жить в настоящем... Конечно, если бы я совсем потеряла веру, было бы проще – жила бы и не думала ни о чем таком. Но я верю в Бога. Это... нечто такое, что не зависит от всего внешнего, от людей, от обстоятельств, от настроений... Не могу объяснить.

– Я понимаю вас, – тихо сказал Киннам. – Веру, если она настоящая, трудно потерять. Думаю, даже невозможно.

– Наверное... Но ведь вера должна как-то воплощаться на практике. Когда мы слушались Лежнева, с практикой всё было понятно. А теперь ничего не понятно – что делать, чего не делать... Всё так запуталось!

– Вы знаете, Афинаида, я человек далеко не благочестивый, и с православием у меня отношения... сложные, скажем так, поэтому, разумеется, я не могу давать духовных советов. Но у меня есть некоторые общие соображения, потому что мне тоже приходилось размышлять на похожие темы. Мне кажется бесперспективным поиск Бога через совершение чисто внешних действий, через соблюдение каких-то запретов. Я заметил, что у верующих очень часто бывает установка: не делай того и сего, иначе пойдешь в ад. А вот установка: делай то и это, чтобы быть с Богом, – встречается гораздо реже. Мне это кажется странным. Ведь христианство состоит в том, чтобы соединиться с Богом и быть с Ним, а муки ада – лишь следствие того, что ты не стяжал Бога в своей душе. В конечном счете важны только отношения человека с Богом, а весь остальной антураж вторичен, он менялся в течение веков и, конечно, будет еще меняться и, более того, не может не меняться. И когда первичным становится антураж, а не отношения, начинаются всякие перекосы. Люди цепляются за форму, а о содержании почти не думают, как будто бы оно автоматически должно прилагаться к форме, а ведь это далеко не так! На днях я читал одну книгу о ранневизантийской философии и наткнулся на цитату из Макария Великого... точнее, на самом деле это не Макарий, а Симеон Месопотамский, но не важно. Так вот, его слова меня поразили: «Истина превосходит равно всех учащихся и учащихся, и потеряли самих себя те и другие, блуждая». Потому что, говорит он дальше, если твой наставник скажет, что Бог это огонь, ты обнаружишь, что Он «превратился в воду жизни»; одному Он является как царь, а другому как нищий, кому-то Богом, а кому-то смиренным человеком, «если ищешь Его на небесах, Он оказывается на земле, а если ищешь на земле, переносится на небо». Для одних Он, по неведомому нам промыслу, становится бременем, для других облегчением... Словом, каждый находит Его по-своему, и не нужно об этом много рассуждать, потому что таким суесловием «никто ничего не добьется».

– Да, это и правда очень верно! – воскликнула Афинаида. – А ведь многие учащие... и учащиеся тоже... раздают советы так уверенно, не терпят возражений, как будто они точно знают, что нужно каждому человеку... Но разве можно это знать?! А когда-то я думала, что можно... то есть – что если ты помолишься и спросишь, например, священника, как тебе поступить, он непременно возвестит тебе волю Божию... Если б знать раньше то, что понимаешь теперь!

– Да, мне тоже стало досадно, что я не прочел этих слов Макария гораздо раньше, в молодости – быть может, это помогло бы мне избежать кое-каких ошибок. Но, с другой стороны, тогда я мог бы прочесть и не обратить внимания, это теперь у меня есть опыт, который подтверждает справедливость этих слов... Как бы там ни было, я уверен, что нет универсальных рецептов духовной жизни. Что полезно для одного, для другого может стать ядом, и значение имеют только взаимоотношения человека с Богом. Они бывают сложными, человек может многого не понимать, но отношения должны быть. Если их нет, все правила и рецепты тщетны. Трудно поверить, что Богу, давшему нам разум, способный постигать множество вещей, можно угождать через полное отключения этого разума, через абсолютное подчинение суждениям людей, которые и себя-то как следует не знают, а не то что тех, кому они дерзают выписывать рецепты на все случаи жизни. Равно как невозможно поверить, чтобы Творец, создавший такой прекрасный и сложный мир, создавший человека так, что до сих пор ученые не могут до конца понять устройство нашего организма, мог требовать от нас полного отказа от познания сотворенного мира, от научной работы и творчества, потому что это грех и мешает спасению! Думаю, Бог не для того дал нам разум, чтобы мы им не пользовались.

– Да, но... всё это сложно! Я тоже думала об этом... насчет разума, духовных наставлений, устройства мира. Но во многих аскетических книгах... Впрочем, это другая тема, я и так сильно отвлеклась. Простите, я постараюсь поскорей окончить, тем более, что уже недолго. – Афинаида глубоко вздохнула, помолчала несколько секунд и продолжала. – Я была в таком отчаянии, что до сих пор с содроганием вспоминаю то время. Началось следствие, нас допрашивали, но всё это было как в тумане... Однажды я чуть не покончила с собой. Был зимний вечер, неожиданно подморозило, солнце садилось, такое оранжевое и холодное... И мне казалось, что и я сама вся внутри замерзшая и мертвая... что жить нет смысла. Я стояла у края проспекта, мимо неслись машины, и я думала: вот сейчас броситься под какую-нибудь тяжелую фуру – и всё... Я ни Бога в тот момент не боялась, ничего, мне было всё равно. Остановила меня только мысль: «Там будут мучить»... Вот видите, иногда боязнь ада помогает! – Она усмехнулась. – Я дождалась зеленого светофора, перешла дорогу и шла, не зная, куда. На углу был какой-то магазин, я вошла, сама не понимая, зачем – кажется, просто потому, что у меня замерзли руки и захотелось погреться... Это был книжный. Я подошла к одному стеллажу и тупо стояла перед ним, даже не видела, что там за книги. Подошел тамошний работник и спросил, не подсказать ли мне что-нибудь. Я ответила: «Нет, спасибо!» – и взяла первую попавшуюся книгу с полки, мне просто хотелось, чтоб от меня отстали, чтобы ни с кем не говорить. Но название книги мне показалось любопытным, я открыла наобум и стала читать. И вдруг мне очень понравилось, как написано, язык, стиль... Я ее купила и дома всю ночь читала. Там переплетались несколько историй об ученых, очень разных историй, и я подумала, что еще могу попробовать вернуться к жизни! Ведь у меня есть образование, прошлые навыки, знания... И я решила заняться наукой. Правда, я чувствовала, что у меня сильно расстроены нервы, и... В общем, я согласилась поехать в реабилитационный центр. Нас всех, кто у Лежнева был, после его ареста приглашали на реабилитацию, но я боялась всех этих психологов, врачей, и сначала подумала, что никуда не поеду. А тут я решилась, три месяца провела в этом центре, мне там помогли придти в себя... и просто я там отдохнула от всего. А когда вернулась, отыскала телефоны прежних сокурсников, позвонила кое-кому, устроилась на работу в библиотеку, стала читать... Я глотала книги одну за одной, даже есть забывала! Взятась вспоми-

нать иностранные языки... А потом произошла «встреча» с Евмафием, и вот, я здесь! – весело закончила Афинаида.

– Что же это была за книга, которая вернула вас к жизни? – с интересом спросил Киннам. Афинаида посмотрела на него и улыбнулась:

– «Траектория полета совы».

Она вновь пришла к ректору спустя два дня, с распечатанным планом диссертации и документами, необходимыми для восстановления в аспирантуре. Киннам с кем-то разговаривал у себя, и пока Афинаида ждала, когда он освободится, ее сердце билось всё быстрее. Она была бы рада приписать это волнению по поводу того, что он скажет о ее статье и набросках для диссертации, которые, возможно, уже прочел... Но она слишком хорошо научилась разбираться в своих помыслах за годы «провала в православие», чтобы не обманываться: ей хотелось видеть великого ритора, говорить с ним, слышать, как он бархатным голосом называет ее по имени...

«Кто бы сомневался, что я не святая!» – усмехнулась она мысленно. Увы, она не могла отрицать, что Киннам не оставил ее равнодушной! Как бы это ни было нечестиво с христианской точки зрения и досадно с точки зрения общечеловеческой: получается, она зря сердилась на Марию, подруга права – Афинаида оказалась не более стойкой, чем другие! Впрочем, она попыталась найти себе оправдание: она ведь не просто прельстилась его красотой и обаянием, но долго проговорила с ним, причем на серьезные темы, и могла увидеть, что за человек ректор. И, что еще важнее, рассказала ему историю своей православной жизни, которой не делилась больше ни с кем, – это создало между ними некую близость...

Между ними? Ну да, как же! Для него это ничего не значит: всего лишь интересная история, которую он может использовать в очередном романе. А вот для нее... Только покинув приемную ректора, она поняла, какой опрометчивый и опасный шаг сделала в первую же встречу с Киннамом: она обнажила перед ним душу, а ведь это... почти интимная близость! Причем односторонняя – он-то ей о себе ничего не сказал! Так, намекнул мимоходом на какие-то жизненные сложности, которые ему пришлось испытать, но что это по сравнению с ее «откровениями»? И надо было устраивать перед ним этот стриптиз?!.. Но как быстро он сумел расположить ее к себе так, что она всё рассказала! Он даже ничего особенного не делал для этого: выразил сочувствие, проявил интерес к ее жизни, – и вот, она всё ему выболтала! Даже про Алекса рассказала бы, если б он не прервал ее... Ну, что она за дура! Исповеди ей, что ли, не хватает?!

А может, так и есть? Ведь Лежнев заставлял исповедоваться часто и подробно, рассказывать все мысли и желания, все движения души... Пугал, что если скроешь хоть один помысел сознательно, вся исповедь будет недействительной, в осуждение... Вот где был стриптиз! Когда после разгрома секты она пошла на исповедь в другой храм и попыталась каяться так, как раньше, старенький священник прервал ее и попросил просто называть грехи – осуждение, злопамятство, чревоугодие и тому подобное, – не пускаясь в подробности.

– Это не касается никого, кроме вас и Бога, – сказал он. – Бог знает, при каких обстоятельствах и почему вы совершили тот или другой грех, а мне это знать совсем не нужно. И советую вам больше никогда не исповедаться таким образом, это бесполезно ни вам, ни священнику.

Афинаиду поразили эти слова, но, поразмыслив, она поняла, что священник прав и подробные исповеди у Лежнева ходили, скорее, на душевный разврат, чем на покаяние. Но, получается, ей все-таки не хватало задушевного общения, и вот...

«Уж лучше б я всё рассказала Мари, чем Киннаму! – думала она. – Мари бы, конечно, многого не поняла, поахала, поругала бы меня за глупость, но зато... Мы поговорили бы с ней, попили чаю, я бы успокоилась, она бы, может, посоветовала мне что-нибудь полезное... И всё было бы нормально...» Теперь же ее влекло, словно магнитом, к человеку, который, разумеется, никогда не посмотрит на нее иначе, нежели как на великовозрастную девицу, потерявшую десять лет жизни на погубление души под видом ее спасения, а сейчас решившую хоть что-то наверстать... Да, он рад помочь... но не более того. Не более!

«Я не должна о нем думать, не должна думать об этом! Он мой научный руководитель, и ничего больше!» – твердила она себе, но при одной лишь мысли о новой встрече с ним у нее сбивался сердечный ритм.

Накануне второго визита к ректору она задумалась о том, как ей одеться, не купить ли какую-нибудь обновку, но когда вспомнила, как косилась на нее Элен, и тот допрос с пристрастием, который устроила по телефону Мария вечером после ее первой встречи с Киннамом, ей расхотелось что-либо менять в своем облике. «Если я принаряжусь или сделаю другую прическу, они сразу подумают, что я влюбилась. Элен только потешаться будет... Еще бы, я – и Киннам! Нелепей не придумать! Да он первый посмеется надо мной... если вообще заметит, что я одета во что-то новое. Скорее, даже и не заметит... тогда тем более нет смысла прихорашиваться!» И она пришла одетая так же, как в первый раз, а косу заплела еще туже и до самого конца, так что внизу она походила на крысиный хвостик: чем некрасивей, тем лучше!

Элен на этот раз была в белой блузке с коротким рукавом и черной мини-юбке, а на шее красовались черные коралловые бусы. Взглянув на Афинаиду, она разве что не фыркнула, но разговаривала прежним официально-вежливым тоном, формально придраться было не к чему. День выдался очень жарким, и Афинаида невольно позавидовала секретарше, чувствуя себя не слишком комфортно в длинной и плотной юбке. Порой она подумывала о том, чтобы купить другую, полегче, но так и не собралась, да и особого стимула наряжаться до сих пор не было: Афинаида уже поставила на своей личной жизни крест и думала, что теперь ей светит какое-то будущее только в науке.

В школе она никогда не имела больше одной-двух подруг, с ними она могла болтать подолгу, но в больших компаниях терялась и не умела включиться в общий разговор. Поэтому, несмотря на симпатичную внешность, успехом у мальчиков она не пользовалась: если на нее кто-то и обращал внимание в старших классах или в студенческие годы, то это были робкие парни, которые ей совершенно не нравились, а те молодые люди, которые привлекали ее – веселые, красивые, сильные, умевшие быть душой компании, – ее попросту не замечали, окруженные поклонницами куда более бойкими... Так и прошло время до четвертого курса, когда в их группу пришел Алекс: его семья переехала в Афины из Смирны. Тут-то Афинаиде показалось, что она наконец-то встретила своего «единственного», и целый год прошел в молчаливых вздыханиях и страданиях. «Принц» крутил романы то с одной девицей, то с другой, а Афинаида думала, что на самом деле «они его не понимают и вообще ему не пара, ведь он такой, такой...» – и мечтала, что придет тот час, когда он обратит на нее внимание и поймет, что они предназначены друг для друга...

После знакомства с отцом Андреем она начала понемногу ходить в церковь и тайком молилась о том, чтобы Бог соединил ее с Алексом. В то время она еще не практиковала откровение всех помыслов на исповеди и Лежневу об этой любви не говорила. Позже она не раз размышляла: как всё обернулось бы, если б Алекс после окончания Академии не пошел учиться в аспирантуру вместе с ней? Когда начались выпускные экзамены, Афинаида стала одолевать сомнения: может, ничего он не «поймет» и для него в девушках важна лишь внешность, а не душа или ум? И она, пламенно помолившись Богу, загадала: если он не поступит в аспирантуру, то это будет знак, что надо его забыть, а если они станут учиться вместе, то надо молиться дальше... но и действовать – тоже. Она еще не стала настолько благочестивой, чтобы на каж-

дый шаг просить благословение у духовника и ничего не делать без его одобрения. Как она потом ругала себя за написанное Алексу письмо! Вряд ли подобный шаг привел бы к успеху, даже если бы на месте Алекса оказался более утонченный молодой человек, а тут приходилось вообще благодарить Бога за то, что Алекс повел себя достаточно благородно и не посмеялся над ней, не превратил ее в развлечение на несколько дней или недель, а просто вежливо сказал по телефону, что ничего не выйдет, и вернул письмо. В других обстоятельствах, вероятно, она пережила бы это и в конце концов встретила другого «принца». Но случайный разговор в трапезной храма еще больше укрепил ее в намерении «вымолить» возлюбленного. Зашла речь о силе молитвы, и одна из прихрамовых работниц рассказала историю своего замужества:

– Это настоящее чудо было! Мы учились вместе, но он на меня и не смотрел, а после школы я его совсем из виду потеряла. На встречу одноклассников через год он не пришел, и кто-то сказал, что он уехал пожить в скит под Иерусалимом, в монахи собрался... Но я молилась! Я всё время просила Бога, чтобы нам быть вместе. И вот, представляете, еще через год мы с ним встретились в Парфеноне на престольный праздник! Поговорили немного... В общем, в скиту он не прижился, вернулся, нашел работу... А дальше мы с ним стали встречаться чаще и чаще, то там, то здесь... словно нас кто-то подталкивал друг к другу! Так вот в итоге и поженились. И теперь я знаю, что у Бога всё можно вымолить, если неотступно просить! Ну, конечно же, если это не греховное...

«Наверное, я просто мало молилась, – решила Афинаида. – Может, Бог испытывает мое усердие...» А еще она подумала, что Бог мог и не одобрять попытку форсировать события с помощью письма. Всё-таки это некоторое «самочиние», самонадеянность: вместо упования на Бога и Его помощь она возложила надежды на плетение собственных словес – и вот, Он вразумил ее, что таким образом ничего не добьешься, а надо усерднее молиться и предать всё в Его волю. Эти мысли способствовали еще большему погружению в православие: ведь чтобы Бог услышал молитвы, надо жить праведно, каяться, исправляться...

Примерно через год образ Алекса в ее сердце подернулся дымкой и отошел на задний план, зато спасение души – конечно, не без влияния отца Андрея – стало видеться делом первостепенной важности. Так ее и затянуло в «провал», из которого ей суждено было выбраться под звуки выстрелов в холодном подземном тоннеле...

Теперь же, когда юность осталась позади, Афинаиде казались нелепыми мечты об устройстве личной жизни. Если уж тогда все влюбленности ни к чему не привели, а самая сильная из них бросила ее в конечном счете в сектантскую яму, то о чем говорить сейчас, когда земная жизнь пройдена почти до половины? Правда, за годы погружения в православие Афинаида стала более общительной: работая в храме, ей приходилось разговаривать с разными людьми, что-то рассказывать, объяснять, и она уже не боялась поддерживать беседу даже в компании малознакомых людей. Но мысль о том, что она еще может иметь успех у представителей противоположного пола, даже не приходила девушке в голову. Вернувшись с Закинфа, Афинаида, зажила куда более светской жизнью, чем раньше, однако продолжала одеваться «православно» – отчасти по привычке, отчасти чтобы держаться в каких-то рамках, коль скоро она не хочет полностью расстаться с религиозной жизнью, а отчасти потому, что просто не думала о смене имиджа: она была слишком поглощена чтением и научной работой, чтобы задумываться о чем-то еще. Возможно, если б она работала в другом месте, она бы стала обращать на мужчин больше внимания, но среди сотрудников библиотеки их почти не было, а с читателями Афинаида не общалась: она работала не на выдаче, а во внутренних фондах, где занималась поиском заказанных книг и расстановкой на места сданных. Освободившись, она спешила домой, чтобы что-нибудь прочесть, поучить иностранный язык или поработать над статьей, было не до посторонних мыслей. В выходные она не вылезала из читальных залов библиотеки, а когда выбиралась в храм на службу, то по ее окончании сразу уходила, избегая общаться с прихожанами. Так и пролетали месяцы. Мария периодически заводила с подружкой разговор

о том, что ее внешний облик можно сделать попривлекательнее, но Афинаида только махала рукой: подобные занятия казались ей бессмысленной тратой времени...

Однако сейчас, вновь усевшись в глубокое кресло в приемной ректора Академии, она почти готова была решиться на приобретение более «неприличной» одежды. Прежде, парясь на жаре в своих юбках, Афинаида, по крайней мере, воображала, что терпит ради Христа, но в последнее время она стала сомневаться, что Ему есть дело до длины ее юбки. А разговор с Киннамом о православии и вид его секретарши еще больше поколебали ее представления о том, как следует одеваться благочестивой христианке... И разве она является таковой? Не успела немного пообщаться с красивым и умным мужчиной, как он уже занял ее мысли – какое тут благочестие! Но даже независимо от этого, не лучше ли ей одеваться так, как принято в ученых кругах? Не очень-то приятно, когда на тебя косятся... А что мог подумать Киннам о ее благочестивом наряде при их знакомстве? Нет, об этом лучше вовсе не знать! Теперь-то он, конечно, понимает, почему она так одевается, но...

Она попыталась вообразить, как бы выглядела в юбке длиной до колен, сидя в таком кресле, заложив ногу на ногу – поза, которую Лежнев считал неподобающей даже для мужчин, а насчет женщин говорил, что «так сидят только блудницы», всегда вспоминая историю из жития святого Арсения Великого о том, как старцы дали ему понять, что класть ногу на ногу неприлично для монаха... «И для благочестивого христианина вообще!» – добавлял Лежнев. Глядя на Элен, которая нимало не стеснялась класть ногу на ногу, несмотря на то, что у ее юбки почти не было длины, Афинаида подумала: что, если ей рассказать эту историю? Наверное, она бы долго хохотала...

Тут дверь ректорского кабинета открылась и вышел Киннам в сопровождении невысокого крепко сложенного мужчины в кремовом костюме, русоволосого, круглолицего, с добрыми серыми глазами. Великий ритор был без пиджака, в темно-синих брюках и белоснежной рубашке, две верхние пуговицы на ней были расстегнуты. Оба мужчины улыбались: они явно только что закончили веселый разговор. Киннам был в этот момент так красив, что от одного взгляда на него у Афинаиды занялось дыхание. Оно еще не успело восстановиться, как великий ритор сказал:

– Добрый день, Афинаида! Рад вас видеть! Вы принесли на подпись план диссертации?

Эти совершенно обычные слова произвели на присутствующих впечатление самое разное. Афинаида сумела неожиданно ловко подняться с кресла, но не смогла сразу справиться с дыханием и лишь проговорила:

– Здравствуйте!

Глаза Элен округлились: она явно не ожидала, что ректор уже перешел с госпожой Стефанити к запанибратскому общению просто по имени, и немедленно принялась буравить Афинаиду придирчивым и подозрительным взглядом. Коллега Киннама с любопытством посмотрел на девушку и спросил, повернувшись к ректору:

– Новая аспирантка, Феодор? Твоя?

– Моя. – Киннам улыбнулся. – Познакомьтесь, Афинаида, это профессор Василий Кустас, специалист по античной и ранневизантийской философии. Если у вас возникнут какие-то вопросы в этой области, смело обращайтесь – у него в голове целая энциклопедия! Василь, прошу любить и жаловать: Афинаида Стефанити, изучает византийский роман и, я уверен, скоро тоже станет хорошим специалистом.

– Рад нашему знакомству! – обратился Кустас к девушке. – Вам очень повезло, госпожа Стефанити, у вас будет прекрасный научный руководитель! По какой теме вы собираетесь писать работу?

– Об аллегориях у Евмафия Макремволита, – еле слышно ответила Афинаида. «Моя», сказанное великим риторм, всё еще звучало в ушах, наполнившись в ее воображении таким смыслом, какого, разумеется, не было, но Афинаида не могла отогнать соблазнительный помы-

сел и оттого всё больше краснела. Киннам, заметив, что она вряд ли в состоянии складно говорить, продолжил за нее:

– Тема богатая, и я думаю, Афинаида прекрасно справится с ней! Прошу вас, Афинаида, пройдите в кабинет, через минуту я присоединюсь к вам.

Она была бесконечно благодарна ему за эту реплику, неловко кивнула его спутнику и поскорей скрылась за дверью кабинета. Там она села на неглубокий кожаный диван с высокой спинкой, стоявший у стены под портретом императорской четы, и подумала: «Нет, так нельзя! Если я и дальше буду так себя вести, то это... это просто всеобщая потеха! Господи, как же мне взять себя в руки, как же научиться вести себя... ну хотя бы как Элен! Она ведь каждый день его видит, разговаривает с ним, варит ему кофе, и так одета, и известно, о чем мечтает, если верить Мари... Но не краснеет же она, как дура, не теряет же дар речи перед ним!»

Киннам пришел не через минуту, а через все пять; Афинаида уже справилась с собой и смогла завести внятный разговор, впрочем, стараясь не смотреть на ректора. Он говорил самым обычным тоном, никак не показывая, что заметил что-то не то в ее поведении. «Ну, а что, в самом деле? – подумала она. – Он таких дурочек уже видал-перевидал! Наверное, и внимания не обращает, кто там перед ним покраснел лишний раз...»

Великий ритор быстро написал заключение о собеседовании с ней, подписал план диссертации, сказал, что прочел ее статьи, что они хороши и неопубликованную он пристроит их на днях в ежеквартальный сборник филфака; отрывки из диссертации он пока не успел посмотреть, но судя по статьям, Афинаида пишет академичным стилем и хорошим языком, и если она в таком духе будет писать диссертацию, это прекрасно... Потом они заговорили о подаче документов, и Киннам сказал:

– Поскольку вы хотите учиться заочно, вам будет во многих отношениях проще. Мы сможем устроить так, что вам зачтут прежнее поступление в аспирантуру и год учебы, вам нужно только восстановиться и сдать в ноябре экзамен за курс византийской литературы. Полагаю, с этим вы справитесь без труда! Думаю, к следующей осени вы вполне сможете подготовиться к предзащите... Сейчас я скажу Елене, чтобы она позвонила в отдел аспирантуры и попросила поднять вашу документацию. – Он протянул руку к кнопке. – В каком году вы поступили туда?

– В девяносто седьмом.

Рука Киннама на мгновение застыла в воздухе и опустилась на стол.

– Сколько же вам лет, Афинаида?

– Тридцать четыре, – ответила она, чуть вздрогнув.

– Неужели? Так мы с вами... – начал он, но прервался. – Прошу прощения за нескромный вопрос!

– О, я не скрываю свой возраст! Никогда не могла понять женщин, которые... слишком трепетно относятся к этому!

– Честно говоря, я тоже. – Киннам улыбнулся и добавил задумчиво, глядя на портрет над головой Афинаиды: – Женщин иногда вообще бывает трудно понять... – Он посмотрел на девушку. – Значит, мы с вами почти ровесники. А я так нагло выпросил позволения называть вас просто по имени... Признаться, я думал, вы гораздо моложе!

– Ну, в каком-то смысле я и правда... гораздо моложе! – Она усмехнулась, слегка краснея. – Шутка ли, десять лет, выброшенных из жизни!

Он приподнял брови.

– Так вы провели у Лежнева десять лет?!

– Да, в том-то и дело... Слишком много!

– Многовато, – согласился великий ритор. – Теперь вам нужно побыстрее взростеть, Афинаида... Впрочем, в жизни есть стороны, где не так уж плохо оставаться молодым до самой смерти.

– В вашей жизни тоже есть такие стороны? – вдруг спросила она, подняв на него глаза, и тут же испугалась своей дерзости.

Киннам снова посмотрел на портрет августейших и ответил с усмешкой:

– Пожалуй, да.

Великий ритор выехал из города рано утром в субботу, машин на дорогах было немного. Путь его лежал на Пелопоннес, в горы Тайгета, где Киннам собирался провести выходные в полном уединении. В багажнике лежал старый рюкзак, палатка, одеяло и котелок. Странная идея для далеко не юного мужчины? Возможно. Именно поэтому Киннам ни с кем не стал ею делиться.

Феодор чувствовал, что этой осенью что-то должно измениться в его жизни: надо переосмыслить свое положение, настроиться на другое бытие, отличное от прежнего. Собраться с мыслями, наметить план работы и... перестать всё время думать о Евдокии и о том, что произошло на последнем Золотом Ипподроме! Хотя острая боль, с которой он вернулся из Константинополя меньше трех недель назад, уже отпустила сердце, Киннам не мог избавиться от внутреннего разлада. Мысли постоянно возвращались в столицу, к тому вечеру, к мостику через ручей... Но надо, в конце концов, начать думать о другом! К вечеру воскресенья перестать – такое обещание дал себе великий ритор этим утром и был уверен, что слово сдержит. Но сейчас, когда до условленного срока было еще так далеко, серая дорога бесконечной лентой вытягивалась из-за холмов, асолнце играло на крышах аккуратных домиков и на розовых облачках, он заново переживал всё происшедшее и корил себя за опрометчивость и тщетные надежды.

– Старый осёл! – шептал он чуть слышно. – Надо было меньше увлекаться пустыми мечтами. Возжелать любви императрицы – господа, посмотрите на этого человека! Чего же он добился? Отношения с ней испорчены, о ее любви нечего и думать, а о дружбе, которую она сама – сама! – предложила, видимо, придется забыть... несмотря на ее обещание остаться друзьями. Разве можно после той ночи общаться с ней по-прежнему?! В лучшем случае всё придется выстраивать заново... Сплетни, репутация, гнев императора – это ерунда, но как жить теперь в этом новом мире?

«А это мы сегодня-завтра решим, – отвечал из теменного бугра голос рассудка. – Напишем план работы по Коростеню, поплывем на ладони, и...»

«Постой-постой, – прервал его другой голос, несколько меланхоличный, но чрезвычайно вкрадчивый и соблазнительный, – к чему же себя корить? Ведь тебе отказала не любимая женщина. Тебе отказала августа, добродетельная жена и мать наследника престола. А женщина... женщина готова была тебе ответить, ты это знаешь. И вовсе не было с ее стороны никакой недостойной игры, всё было всерьез и взаправду...»

«Вот именно! – отвечал себе Киннам. – А если так, зачем эта гневная тирада в ночном саду? Зачем было обвинять ее, припоминая каждый взгляд, жест, прикосновение? Она играла от души, но могла ли она довести игру до конца? Молчишь? Вот и молчи!»

«Ну, спокойно, спокойно, – мурлыкал голосок. – Разве это можно контролировать рассудком? Каждый человек имеет право любить и желать взаимности. Разве не так?»

«Не так! – Голос разума был непреклонен. – Надо соизмерять желания с возможностями. Иначе выходит то, что вышло: удар по лицу, все надежды прахом, а того что было, того безмерного счастья, которое продлилось-то всего несколько дней – видеть ее, говорить с ней обо всем, как с другом, – не восстановишь! И посвящать ей свое творчество без всякой задней мысли тоже уже не удастся...»

– Если бы! – воскликнул в сердцах великий ритор. – Если б я писал свои романы без задней мысли, то всё, пожалуй, было бы в порядке! Задние-то мысли меня и погубили... Но я никому не обещал быть святым!

А дорога катилась и катилась навстречу. Бесконечный белый пунктир, словно пулеметная очередь в сердце. Белые, желтые, голубые домики по сторонам – такие, в сущности, одинаковые... Порой мелькали небольшие храмы, в некоторых уже звонили к заутрени. Но вот потянулись холмы, поля, оливковые рощи. Внутренняя дискуссия великого ритора давно утихла, голоса смолкли, а дорога всё не кончалась. Феодор усмехнулся: вот почему путешествия считаются такими целебными. Дорога всегда длиннее рефлексии. Интересно, длиннее ли она страдания?

Проскочив Коринфский перешеек, Киннам вынужден был сбавить скорость. Здесь скоростная трасса превратилась в обычное шоссе, которое петляло среди бесконечных селений, тянувшихся до самого Аргоса. В Аргосе Киннам наскоро позавтракал и поспешил дальше. Прекрасный тахидром по большей части был проложен вдоль берега, но любоваться сверкающим морем на такой скорости было невозможно. Вперед, вперед! После Спарты начались знакомые горы, утомительный серпантин. Дорога взбиралась выше и выше, и Феодор вспоминал студенческие годы – как ездили на Тайгет с друзьями, как они устраивали буйные пиршества под огромными звездами, у веселого костра... Давно он не был в этих местах! Однако зрительная память у великого ритора была хорошая, он не сомневался, что легко найдет уютное уединенное местечко.

Но что это? На дороге стоит мальчишка и размахивает руками. Похоже, здесь придорожная таверна. Затормозив, Киннам опустил стекло и поинтересовался, в чем дело.

– Дяденька, там камнепад сошел! Вот! – Мальчик указал на большой переносной стенд, стоявший на обочине: «Внимание, экстренные дорожные работы! Ориентировочное время окончания – 15.00».

Киннам присвистнул: стоило ли торопиться!

– А ничего, выйдите, отдохните, – предложил мальчик. – Можете вперед проехать, конечно, но зачем? Там уже куча народу, а у нас хорошо, пообедаете.

– Твоя правда, – пробормотал Феодор и, выбравшись из машины, с наслаждением потянулся.

Здесь в самом деле было хорошо: небольшая площадка над обрывом, лесистые склоны гор, приглушенный гул воды где-то внизу. На площадке стоял домик с открытой верандой, там за столами сидели люди, в большом очаге что-то жарилось и пеклось. Вдоль края площадки разместились несколько деревянных шалашей, скамейки и столики под двускатными крышами все были уже заняты путешественниками.

– Вам принести меню? – спросил мальчик.

– Принеси. И бутылочку пива. Немецкого, если есть, светлого.

Юный зазывала обернулся мигом. Великий ритор заказал жареные колбаски и салат из помидоров. Потом откупорил пиво и не спеша прошел до края обрыва. Внизу стремительно текла река, по зеленому склону бродили медленные овцы. День здесь выдался пасмурный, даже несколько влажный, и блеклая растительность на громоздившихся до горизонта горах чем дальше, тем охотнее теряла природный цвет, становилась голубоватой и серой, словно желая слиться на горизонте с низким туманным небом. Киннам глубоко вдохнул ароматный воздух и улыбнулся: хорошо!

Правда, пиво разочаровало: хоть и сделанное явно где-то неподалеку, с окружающей идиллией оно никак не гармонировало, и после пары глотков Феодор понял, что напиток ему не осилить. Пришлось прогуляться до мусорных контейнеров. Однако бросать внутрь полную бутылку было, пожалуй, нехорошо, а выливать – лень. Киннам поставил пиво рядом с ящиком,

предназначавшимся для стекла, и зашагал в сторону террасы. Но не успел он сделать несколько шагов, как услышал сзади:

– Э... простите! Вы допивать не будете?

Обернувшись, великий ритор увидел бородатого человека, на вид чуть постарше его самого. Черные, с заметной проседью, кудри незнакомца были нечесаны, а пожалуй, и немыты. На нем была застиранная красная рубаха в клетку, коротковатые выцветшие штаны и спортивные тапочки. В руке он держал Киннамовскую бутылку и смотрел кротко и вопросительно: дескать, не будет ли потом претензий?

– Нет, не буду, не нравится оно мне, – ответил Феодор и вдруг почему-то спросил: – А вы что, специально меня ждали?

– Почему специально? Мы просто вот тут давно сидим. – Бородач показал на ближайший шалашик; вход в него завешивало нечто вроде черного флага с надписью красной краской: «Армия Гномика». – Хотите – присаживайтесь к нам, у нас место есть, а там едва ли.

Великий ритор посмотрел в сторону веранды: пожалуй, она и впрямь полна... Между тем из-за флага высунула голову женщина, быстрым взглядом окинула Киннама с головы до ног и ловко выбралась наружу, отряхивая невидимые крошки с синего дорожного комбинезона. Возрастом около тридцати, женщина, хоть и полноватая, была весьма миловидна: пышные черные волосы, перехваченные на затылке блеклым бантом, задорные карие глаза, ярко напмаженные губы, круглые щеки в ямочках.

– Да-да, – приветливо закивала она, – идите к нам, у нас уютно.

При этом она бросила на Киннама такой томный взгляд, что великий ритор мысленно хмыкнул. Но приглашение решил принять – почему бы нет? На разбойников эти люди не походили, а случайные знакомства Феодор с некоторых пор полюбил, чувствуя, что для творчества необходимы новые впечатления.

– Что ж, спасибо за гостеприимство! – Он широко улыбнулся и пробрался за пиратскую занавеску. Здесь было темновато, но уютно, хотя не особо чисто. На столе – несколько бутылок из-под пива, куски хлеба и рыбы кости. Из угла таращился на незнакомца малыш лет трех. Киннам кивнул ему: – Привет! Как тебя зовут?

Но ребенок, продолжая смотреть на него не отрываясь, сделал вид, что ничего не слышит.

– Вы не обращайтесь на него внимания, он к вам пока привыкнет, – проговорила женщина, быстро расчищая для Киннама место за столом. – Мы редко куда-то выбираемся, ему всё в диковинку.

– А куда вы сейчас выбрались?

– На концерт Гномика, – невнятно пробулькал мужчина, отхлебнув изрядно из трофейной бутылки. – Это тут в горах, недалеко уже, но вот, застряли, – пояснил он, вытирая усы.

– В горах? – слегка удивился Феодор.

– Ну да, – пояснила дама, – он ведь выступает на квартирах, в домах. Есть тут одно имение с хорошими хозяевами, они сегодня вечером принимают народ.

– Простите, а Гномик это кто? – спросил Киннам и по взглядам, которыми обменялись его новые знакомые, сразу понял, что сильно упал в их глазах.

– Поэт такой есть, рапсод, – объяснил мужчина. – А Гномик это производная от гномической воли, между прочим.

– Вот как? Намек на то, что он творит только то, что хочет сам?

– Да, у него очень много песен про свободу! – сказала женщина. – И про то, как этот ужасный мир нас калечит...

– О свободе, кажется, пишут, когда ее не хватает?

– Конечно! – Мужчина кивнул. – А разве ее бывает слишком много?

– У нас – точно нет, – ответил Киннам задумчиво. – У нас всё время хочется еще. Но я вполне допускаю, что иногда человеку может показаться, что свободы слишком много. Как

сказал один английский поэт: «Когда я влюблен, то редко говорю о свободе, не подумав хорошенько».

– Это весьма частный случай. Мы, скорее, сами себя загоняем в рамки, которые мешают и жить, и верить, и... вообще всё мешают!

– Это какие же рамки?

– А когда придумывают себе кучу дел, начинают работать на трех работах, суетятся, лишь бы не оказаться на свободе, когда только ты и Бог.

– Это по разному бывает, – ответил Киннам, глядя своему странному собеседнику в глаза, где читалось слишком много и в то же время маловато, потому что непонятно было, чего в этом человеке больше: ума, насмешки, упрямства или юродства, почти безумия. – Думаю, если кто-то действительно хочет постоянно быть с Богом, то ему не помешают ни три работы, ни что угодно еще. Но оставим Творца, я лично не религиозный человек. Я лишь хочу сказать, что часто мы связываем себя обязательствами не из боязни свободы, а потому, что людям важно что-то делать для самовыражения, для того чтобы помочь другим, для удовлетворения жажды знаний, да мало ли для чего еще. Разве не так?

– Не так! – Мужчина замотал головой. – Это всё отговорки. Это просто боязнь остаться без комфорта, без машин, домов, всего прочего. И живем не по-божески.

– А по-божески это как? – Киннам насмешливо прищурился. – Милостыней питаться?

– Почему милостыней? Вокруг столько всего ненужного! Вот ты выкинул бутылку пива, она тебе не нужна, а мне нужна, так зачем добру пропадать?

– Давайте я угадаю, где вы работаете! – предложил великий ритор и на пару секунд задумался. – Вы работаете приходящим садовником, раз или два в неделю, а всё остальное время свободны – так?

– Не угадал! – Мужчина расхохотался, потом вдруг выглянул из-за занавески и замахал кому-то рукой: – Сюда, сюда!

Пиратский флаг отодвинулся, и остановивший машину Киннама мальчик принес поднос с обедом: несколько жареных колбасок, салат, хлеб.

– Уф, а я думал, вы уехали! – выпалил мальчик.

– Прости, дружок, заболтался, – ответил Феодор, принимая поднос. – Будь добр, принеси мне бокал сухого красного вина, домашнего. – Сунув официанту купюру, он весело подмигнул.

– Большое спасибо! Вино сейчас будет! – пообещал тот и исчез.

– Так где же вы работаете? – спросил Феодор своего визави, принимаясь за еду. – Гм... Хотите колбасок? Угощайтесь!

Хозяева шалаша отрицательно замотали головами.

– Я вообще мясо не люблю, – заметил мужчина. – А работаю я ночным сторожем в Национальной Библиотеке.

Великий ритор слегка шевельнул бровью, но промолчал.

– Что же вы смеетесь? – Неожиданно восприняв удивление Киннама как улыбку, мужчина наклонил голову и пристально посмотрел великому ритору в глаза. – Разве это хуже садовника?

– Лучше! Но что там сторожить? Не припомню, чтобы у нас случались ночные ограбления библиотек.

– А какая мне разница? – Бородач пожал плечами. – По штату положено, вот и хожу, сторожу. Вернее, просто сплю там. – Он тихо рассмеялся. – Сторожка у них при входе замечательная, ей лет триста, а всё как новая.

С этими словами он схватил вилку и ловко подцепил с Киннамовской тарелки колбаску. Женщина улыбнулась Феодору – по-видимому, ей хотелось сделать это кокетливо, но вышло скорее смущенно, – тихо спросила:

– Можно? – и тоже потянулась вилкой к порции Киннама.

– Давайте я закажу еще! – радушно предложил Феодор. Но его новые знакомые замычали и отрицательно затрясли головами. Когда от колбасок на тарелке остались лишь жирные пятна, великий ритор сказал: – Ну, хорошо, библиотека – замечательное место, но тамошнего жалования, думаю, едва ли хватит на привольную жизнь. Вероятно, вы где-то еще работаете?

– Да когда мне? Дел столько... Огородик вот еще у меня есть под Марафоном. Пока туда доберешься, пока оттуда... Кстати, будешь в наших краях, заезжай! – неожиданно предложил мужчина.

– Под Марафоном! – воскликнул великий ритор. – Далековато, однако же. Не скучно туда всё время ездить?

– Я в дороге думаю, – серьезно ответил бородач. – Созерцаю. Пытаюсь нечто понять, но еще не готов говорить об этом. Я, может быть, книжку напишу, только не сейчас, потом, со временем...

«Занятный типаж!» – подумал Феодор.

– А вы, значит, никогда не слышали Гномика? – спросила женщина. – Вот, послушайте!

Она придвинула к Киннаму черную металлическую коробочку, лежавшую на столе, и из нее возникли переборы гитарных струн, вместе с робкими аплодисментами и явственным стуком бокалов, а потом послышался голос, мягкий, но уверенный. Песня Киннаму понравилась: Гномик, похоже, талантливый поэт. Когда смолк последний аккорд, Феодор задорно поинтересовался:

– И что же, вы думаете, это о свободе? Это о творчестве, скорее.

– Я от нее прямо изнемогаю! – воскликнула женщина. – У нас в прошлый раз на концерте под эту песню такая движуха началась! Невозможно спокойно слушать.

– Может быть, не о творчестве, а про его бессмысленность, – сказал мужчина. – Я, собственно, не то чтобы особый поклонник Гномика. Просто поехал посмотреть, как это выглядит – концерт ночью, в имении, под звездами...

Ребенок в углу вдруг захныкал, и женщина засуетилась:

– Вы меня простите, я пойду его спать положу в машине, а то устал он.

Когда она скрылась, Киннам допил вино и, развернувшись к собеседнику, заговорил доверительным тоном:

– Прошу простить за назойливость, но я позволю себе еще немного поинтересоваться вашей жизнью. Получается, ночью вы через день или через два спите в библиотеке. А остальное-то время вы чем занимаетесь? Наверное, книги читаете?

– Раньше много читал, – ответил бородач, глядя в стенку. – Теперь понял, что смысла нет, там всё про то же самое. Всё равно лучше, чем у Пафнутия Пустынника, ни у кого не описано, как жить!

– И как же?

– Заниматься богомыслием! – заявил мужчина. – Если нет возможности молиться и ходить в храм, оно всё может заменить. До обеда думаешь о совершенстве творения, после – о грехопадении. Вечером нужно созерцать тайну искупления, а ночью – жизнь будущего века, вот!

– А когда же спать?

– Это... в промежутках. – Мужчина рассмеялся.

– Между искуплением и грехопадением? Суровый подвиг! Но если серьезно, – Киннам слегка почесал переносицу, – то это весьма смахивает на латинские благочестивые упражнения.

– Конечно, – охотно согласился мужчина, – они ведь всё у нас и заимствовали.

– Не уверен. – Феодор улыбнулся. – Пафнутий Пустынник это девятнадцатый век, а латиняне подобные вещи практикуют давным-давно.

– Да какое давно? – внезапно разозлился сторож. – Глупости это всё, выдумки. Всё они у нас взяли, и говорить тут не о чем!

– Вы случайно не из православных «рипидоносцев»? – мягко спросил Киннам.

– Нет, они шибко умные, не нравятся они мне, – мгновенно успокоившись, ответил бородач. – Они всё врагов ищут, а враги-то у нас внутри.

– Но хотя бы в том, что Пафнутий жил полтора года назад, у вас сомнений нет? Согласитесь, что это не так и давно. Почему же именно он? А что вы скажете о других наставниках духовной жизни и молитвы, их ведь было много?

– Это ты про Паламу, что ли? Не знаю, я этому делу не обучен. Да и с Паламой еще темная история, никому же неизвестно, что он на самом деле там думал.

– Отчего же неизвестно? Всё давно издано и прокомментировано.

– Мало ли, что издано! Ты сам-то видел его рукописи? Их небось и прочитать уже нельзя. А кто издает, тот сам по-своему и понимает, так что... – Мужчина безнадежно махнул рукой и уставился в невидимую даль. – Это в монахи нужно идти, а я не хочу. Я лучше женюсь на ком-нибудь.

– А разве... – Киннам недоуменно посмотрел в ту сторону, куда отправились женщина с ребенком.

– Да что ты, Катерина просто мой друг. Да и потом, она же совсем не православная, как не ней жениться?

– Ну, знаешь ли, так рационально рассуждать можно далеко не всегда. – Феодор усмехнулся.

– Всегда! – отрезал мужчина. – Как еще рассуждать? Брак – это таинство, как в нем может участвовать неверный?

– Если бы все так думали, никто бы и не расходился, наверное.

– Правильно! Я и не разойдусь!

– Так дело за малым?

– В каком смысле?

– Осталось жениться?

– Ну да, я и думаю, есть одна барышня. У нас с ней может быть роман...

– Ты всегда так откровенен с первым встречным?

– Да нет, что тут особенного? Я же не говорю, кто это и откуда. Да мы с ней толком и не знакомы почти.

– Тогда удачи!

– Гм... Тебе легко говорить. – Мужчина внезапно посерьезнел и отвернулся в стол. – Тебе-то, конечно, не отказывали никогда.

– Мне?... – Киннам слегка растерялся, чуть помедлил с ответом, но, дернув щекой, решительно сказал: – В общем-то нет.

– Ну вот, я же говорю. А со мной не так просто, им же всем что-нибудь нужно обязательно.

– Тебя это удивляет? – Великий ритор вскинул брови.

– Нет. Если нет настоящей любви, то ничего удивительного. А уж если судьба, то женщина на мои ногти смотреть не станет... И на зарплату тоже.

– Но все-таки твое общественное положение хотя бы отчасти важно. Семья, возможно, дети – их же надо кормить?

– Ну, я бы мог чем-то еще заняться. Хотя не знаю... Везде так мало платят, что есть ли смысл? Так что, если будет жена, пусть терпит меня такого, как я есть! – вдруг с жаром воскликнул мужчина.

– Что ж, желаю тебе такую найти, – задумчиво проговорил Киннам, – чтобы всё терпела и понимала.

– А как же иначе? – искренне удивился сторож. – Брак же, таинство. Тут деваться некуда, нужно терпеть.

– А если она тебе надоест? Не допускаешь?

– Нет! Уж если я решу, то не надоест!

– Фима, поехали, дорога открылась! – донеслось снаружи.

– Сейчас! – отозвался бородач. Он быстро поднялся, снял с гвоздиков черный флаг и аккуратно его сложил. На площадке у таверны сустились люди, рассаживались по машинам, желая поскорее двинуться в путь.

– Счастливого пути! – сказал Киннам, тоже вставая из-за стола.

– Ага, – ответил Фима. – И тебе. Телефон запишешь? Впрочем, если в Афинах будешь, знаешь, где меня найти. – С этими словами он сел в машину, которая остановилась около домика, подруга его помахала Киннаму рукой и резко тронулась с места.

Великий ритор тоже забрался в свою «альфу», подождал немного, пока освободится дорога, и повернул ключ зажигания. Услышав, как заработал мотор, Феодор тихонько рассмеялся. «Веселый ты человек, Фима, – подумал он. – Такого оптимиста еще поискать!»

Дорога вновь побежала между зеленых гор, неспешно извиваясь из стороны в сторону, по временам то поднимаясь слегка, то опускаясь. Вскоре показался и пострадавший от обвала участок, здесь пришлось притормозить. Асфальт в рытвинах, в пыли и песке, со следами бульдозерных скребков, куча камней на обочине над пропастью... Но вот и это позади. Киннам включил веселую итальянскую музыку: он приближался к цели путешествия и вдруг осознал, что полностью свободен еще на целые сутки – ведь это много! И никто его здесь никогда не станет искать. Кстати выглянуло солнце, стало еще веселее. Наконец, великий ритор въехал в деревеньку на вершине совершенно голого холма, окруженного горами, покрытыми сосновым лесом. От домиков вниз спускались шпалеры осенних огородов. Медленно проехав по единственной улице, Киннам обнаружил таверну – облупленный желтый домик со смешным жестяным поросенком над дверью. Остановившись, Феодор купил кое-каких продуктов и поручил мрачному чернявому хозяину присматривать за автомобилем. Тот сразу оживился, смекнув, что гость – человек небедный, и даже вызвался «просто от нечего делать» вымыть машину, предвкушая хороший гонорар. Слушая, как корчемник расхваливает здешние места, великий ритор открыл багажник и вытащил оттуда старый рюкзак и походную одежду.

– Не найдется ли у вас местечка, чтобы переодеться? – спросил он хозяина.

– О, да, конечно! – расплылся тот в резиновой улыбке и, почесав в затылке, проводил гостя за высокую барную стойку.

Киннам слегка удивился, но, оценив обстановку – пустая корчма в безлюдной деревне, – уселся на стул за кофейным аппаратом и стал переоблачаться. Из студенческой походной одежды Киннам давно вырос, но покупать что-то новое не было ни времени, ни желания. Он натянул коричневые штаны, старые и потертые, но еще весьма крепкие, ношеную зеленую рубаху, высокие армейские ботинки. Городскую одежду аккуратно сложил и бросил на заднее сидение автомобиля.

– Вы на охоту? – поинтересовался корчемник.

– Неужели похоже? – Феодор рассмеялся. – Нет, просто пойду прогуляюсь. Завтра вернусь. После обеда.

Он навьючил на себя видавший виды станковый рюкзак и зашагал по улице. Очень тихо было здесь, в городе такой тишины не сыщешь. Там тишина иная – звенящая, безголосая. Здесь же, напротив, множество звуков: кудахчут куры, звякают бубенчики на грязных козах, где-то скрипят ворота, ветер шумит вдалеке в кронах огромных деревьев, – и всё же удиви-

тельно тихо. Даже солнце не показывается из дымки, боясь спугнуть эту тишину. Маленькая розовая церковь, в беседке напротив входа сидит седовласый человек в старомодной черной рясе, курит трубку. Завидев путешественника, улыбается, приветливо кивает. Киннам тоже помахал ему.

За околицей асфальт кончился, началась неровная каменистая дорога, и почти сразу же на обочине бросился в глаза плакат: «Внимание, территория природного парка!» – и дальше строгие слова о том, что нельзя рубить деревья, жечь костры и оставлять мусор. Киннам мысленно хмыкнул, но новомодные строгости его порадовали: за те двадцать лет, что он не бывал в здешних лесах, порядка стало больше... Наверное.

Он спустился в небольшую ложбину между холмами и вскоре вошел в легкий сосновый лес. Здесь было тепло, стоял совершенно особый запах – от разогретого дерева, от колючей травы, от красноватой почвы под ногами. Дорога сузилась, превратилась в тропу. Лес вокруг был достаточно ухожен, без валежника и мусора. Кое-где даже попадались большие автоматические урны с эмблемой императорского общества природоохраны – коронованным оленем. Эти приспособления сами уплотняли отходы и запаивали его в пакеты, которые оставалось только собрать. «Вот же дьявол! – подумал Киннам. – Не слишком ли много здесь теперь цивилизации? Может, чтобы поставить палатку, надо заранее билет покупать?»

На счастье великого ритора, с главной тропы вскоре нужно было сворачивать. Свернув, он пошел по узкой тропке, то и дело перешагивая через корни огромных сосен. Здесь никаких следов прогресса не встречалось, лишь сломанные ветки кустарников кое-где, да примятые лишайники. Впрочем, много глядеть по сторонам не было недосуг: день клонился к вечеру. Да и тропинка, бежавшая с холма на холм, со впадины во впадину, не давала расслабляться, приходилось внимательно смотреть под ноги. Через час такой прогулки великий ритор основательно взмок, но ему нравилось это состояние. А главное, ему казалось, что он узнаёт эти места – каменные россыпи, дуплистые стволы, поляны ольховника, залитые ярким светом, темные овражки с валунами, покрытыми зеленым мхом... И вдруг Киннам оказался на краю знакомой каменной гряды. Он и не ожидал, что так легко найдет место, где был так давно. Из глубокой каменистой промоины в склоне холма открывался прекрасный вид на поросшую кустарником низину. Дальше, за низиной, толпились новые и новые зеленые горы – всё выше и выше, до размытого дымкой синего великана, с которого уж точно можно было видеть море. Оно угадывалось далеко впереди, по каким-то незримым признакам, невнятным ощущениям: то ли воздух преломлял свет особенным образом, то ли тучи над водной гладью получали особый зеленоватый оттенок...

Киннам с удовольствием сбросил рюкзак, размял спину. Мокрая рубаха сразу стала приятно холодить. «Однако я в неважной форме, – подумал он, – всего-то десяток километров, а подустал». Определенно, ежедневной гимнастики и плавания в бассейне маловато для поддержания тонуса. «Бегать что ли начать по утрам?» – подумал Феодор и сам же усмехнулся этой мысли. Он посидел несколько минут на камне, умиротворенно глядя в пространство, а потом отправился за валежником. Запреты запретами, но развести небольшой костер – совершенно безопасно и, главное, он почти не будет замечен. В ложбинке имелось старое кострище – кучка покрытых пылью угольков. Можно даже вообразить, что это след того самого костра, который развели здесь друзья двадцать лет назад... Хотя, конечно, с тех пор здесь побывали сотни людей, и нечего попусту фантазировать.

Феодор старался собирать самые сухие ветки, чтобы было меньше дыма. Потом пробрался к ручейку, который шелестел неподалеку, и набрал воды в раскладную пластиковую флягу. Солнце тем временем быстро садилось, освещая окрестные возвышенности косыми лучами. Их зеленое убранство стало контрастным и рельефным, появились проплешины полей, каменных осыпей. Стройные стволы на фоне красноватой почвы казались незыблемым палисадом, вкопанным до самых подошв лаконских гор. Было тихо, птицы молчали. Вдруг

сверху налетел прохладный ветерок, сразу заставив накинуть куртку, но зато сразу раздул костер, сухие сосновые ветки с треском разбрасывали искры...

Через полчаса великий ритор уже сидел над пышущей жаром кучкой углей и старательно перемешивал с оливковым маслом зернышки булгура. Старая палатка была раскинута рядом и отчасти защищала от ветра. Киннам чувствовал себя немного кочевником на потаенном привале, прячущимся от врагов, и это ощущение доставляло неизъяснимое удовольствие. Он настрогал длинных палочек и начал разогревать на них домашние колбаски, принесенные из харчевни, местный деликатес. Не забыл Феодор и про лед – заранее насыпал горсть кубиков в дорогой эфиопский термос, оправленный в кожу, и теперь понемногу бросал их в стакан с золотым виски, ласково коря себя за сибаритство. Да, в былые годы такое и в голову бы не пришло...

Сколько же лет прошло?.. Впервые они были здесь на первом курсе, на пасхальных каникулах. Больше двадцати двух лет назад. Он помнил проведенные здесь вечера очень хорошо, особенно последний. Кажется, всё происходило в другой жизни – и, одновременно, только вчера. Бедность, общежитие, яростная учеба... Но время тогда тянулось медленно, а сейчас несется вскачь.

Неторопливо наслаждаясь ужином, великий ритор смотрел, как блекнут вдаль розово-алые полотнища заката, как синие кулисы опускаются на затихшие горы и долины... Скоро зажгутся звезды. Как тогда сказала эта девочка? «Мы все обязательно соберемся здесь снова. Потом. Лет через сто. Будем молча сидеть вокруг костра... Или парить по воздуху в медленном хороводе теней...» Киннам усмехнулся и отхлебнул виски. Нет, никто здесь не соберется никогда, всё это прекрасные юношеские бредни. Жизнь изменилась, и с большинством однокашников почти ничего не связывает. Редкие электронные письма, деловые звонки... Носиться здесь с их теньями было бы совсем не интересно.

А вот так, самому сидеть здесь и созерцать засыпающие дали... так – интересно? Не то слово! Это место, где хорошо видны графы жизненного баланса, дохода-расхода. Даже в темноте. Итак... Сорок лет, успешная карьера, сын, толпы читателей и почитателей. Почитательниц... Положим, это можно записать в «приход». Что же в другой графе?

Потеря Елены – Киннам снова сделал плоток, – причем потеря, случившаяся дважды. И та последняя, смертная потеря стала во сто крат горше из-за того, что перед тем он ненадолго снова обрел было потерянную жену... Но этого не исправить, боль стальной занозой засела в душе и в памяти – значит, не стоит вносить эту историю в жизненную бухгалтерию, пусть просто остается лежать на самой верхней полке.

Потом – годы, растроченные на глупые мимолетные связи. Правда, они дали неоценимый опыт... «Неоценимый потому, что бесценный, или потому, за ним стояла звенящая пустота бессмыслицы и никто, кроме какого-нибудь начинающего Казановы, этого не оценит? – Феодор мысленно усмехнулся. – Да, скорее, второе. Хотя бы потому, что, несмотря на весь мой донжуанский стаж, случилась эта глупейшая история в императорском саду, которой так легко было избежать... Сапожник без сапог, обманутый обманщик, раскисший циник... Кто чем грешит, того тем и наказывают, всё ясно. Но, – Киннам улыбнулся краем рта и запрокинул голову вверх, где звезды всё ярче разгорались на синевато-черном атласе небосвода, – всё это мелко, с моими исходными данными я мог бы приобрести гораздо больше. Или гораздо больше потерять! Стоит повысить ставки, и игра, возможно, станет куда более красивой и достойной...»

Пожалуй, проект «Коростень» для этого вполне подойдет, он сулит достаточно значимое открытие... Собственно, не для того ли он сюда и приехал, чтобы обмозговать эту новую тему? Не звездами же любоваться...

А звезды сияли в вышине чудным светом, лишь слегка мерца. Иногда космос прорезали желтые искры метеоров, эти ничтожные пылинки словно раздирали материю пустоты – чудилось даже, что слышится ее треск...

Киннам почувствовал, как внутри зазвучала тихая романтическая мелодия – так частенько бывало с ним в минуты вдохновения. Эта музыка лилась медленно, но в ней был выраженный ритм, бодрый и волнующий. Казалось, незримо трепещут, рождая звук, тончайшие душевные струны: вот мотив обрел уверенность, зазвучал громче и шире. И Феодор вспомнил, откуда взялась мелодия – он слышал ее на этом самом месте... давным-давно. Вспомнилась и та девушка... Как ее звали? Не всё ли равно, сейчас уже не припомнить ни имен, на лиц. Только хвост из черных волос на плече, дешевая красная курточка и этот волшебный голос, сливавшийся со звуками понтийской лиры... Она пела о женщине, которая отплывает далеко за море и не знает, захочет ли вернуться к тому, кто любит ее и ждет... Девушке подыгрывал на маленькой скрипке печальный юноша. Не дурацкая ли фантазия – тащить скрипку и лиру в эти горы? Но тогда так не казалось.

«Итак, императрица Анастасия...»

Киннам улегся на землю, опершись на локоть, и стал вглядываться в мерцающие угли костра. Вдруг вспомнился виденный в далеком детстве кинофильм – первый источник по истории далекой Руси, с которым Феодор познакомился. Впрочем, не исторический – картина, скорее, стала источником образов и эмоций. Фильм, снятый еще в двадцатых годах, назывался «Гибель Великого Княжества» – черно-белая лента, порой наивная, порой излишне натуралистичная. Но впечатление производила сильное! Классика мирового кинематографа, работа знаменитого Хичкока.

Некоторые сцены были просто поразительны. Переправа турецкой армии через Днепр. Конные массы надвигаются с востока растекаются по полям, щетинятся копьями и бунчуками на самом горизонте, между сомкнутых век неба и земли; колышутся и перекатываются волнами под величественную и тревожную музыку – и вот, уже передовые отряды с ходу погружаются в воду древнего Борисфена, люди и кони напряженно гребут к другому берегу. Султан взирает на них, каждому хочется отличиться... С Киевских гор всё это хорошо видно, но что могут сделать малочисленные русские ратники? Им остается лишь отступить, спасая последние святыни. Город только что пережил татарский набег, хищный московский князь подговорил хана разорить Киевское воеводство. О, какой яростный блеск в глазах Иоанна Третьего – его играл Майкл Дуглас, – когда он получает от узкоглазого гонца в халате золотой потир из Святой Софии!..

Сценарист здесь отступил от исторической правды: на самом деле крымские татары сожгли Киев за десять лет до появления турок. Но что с того? Общая обстановка смертельной вражды с Московией была передана очень верно. А еще вернее удалось донести ощущение бесповоротной смены культур и крушения целого государства: Великое Княжество не смогло оправиться от потери большей части своих земель под ударами османов, а потом и московитов. Начались смуты, в которых быстро выросла Великая Польша... Это другая история, однако с коренными русскими землями славянам пришлось распрощаться навеки. Не для того Осман-паша окружал Чернигов палисадами и батареями грозных пушек; не для того янычары становились в круги и пели боевые песни под звон литавров и грохот барабанов, чтобы когда-нибудь отступить обратно за море. Да и некуда отступить, положение султаната было безнадежно: или завоевать новые земли или погибнуть между персами и наступающей Византией...

Опыт покорения анатолийцев, которые восстали при первой же возможности после сотен лет спокойной жизни, был учтен завоевателями пятнадцатого века: и без того немногочисленная страна подверглась полному разгрому. Для того и выпускал имам Хайретдин Сокулу фетву «об уничтожении неверных», чтобы обезопасить покоренные земли на будущее... Сцены резни в Луцке вообще было невозможно смотреть, и мусульманские муфтии даже выразили кот-деревским «воротилам кинобизнеса» протест против «несправедливых инсинуаций». Но источники сухо свидетельствовали о том, что авторы фильма лишь отчасти отразили жестокость

турок, решивших в этот период национальной истории отступить от обычных принципов и правил своей религии.

Впрочем, в соответствии с законами жанра, режиссер на этом ужасающем фоне умудрился показать историю любви – нежной и загадочной любви княжны и простого дружинника. Если бы не эта любовь, родившаяся и уцелевшая на фоне пожаров и грохота турецких пушек, фильм производил бы откровенно гнетущее впечатление. А так еще ничего: авторы оставили зрителю надежду и даже заставили улыбнуться в финале...

Фильм так впечатлил Феодора, что позже, в Академии, он с радостью взялся за тему по источниковедению – летописные своды из Коростеньского клада. Удивительно, как мало исследовано оказалось это собрание! Вероятно из-за того, что было слишком хорошо известно с шестнадцатого века и многократно описано во всех подробностях в веках восемнадцатом и девятнадцатом. Но, как выяснилось, исследователи подошли к делу весьма поверхностно. Настолько, что студенту-третьекурснику уже через две недели работы удалось сделать важное открытие. Киннам прекрасно помнил те дни. Он работал в константинопольском Архиве древних актов, в прохладном зале с большими окнами в потолке, с некрашеными столами из дуба и бука, с тихим шелестом мощных кондиционеров. Стекла пропускали солнечный свет строго определенного спектра – такой, который не портит древние пергамены и помогает различать выцветшие письма. Самих рукописей Киннаму не дали – документы такого рода давно были изданы факсимильно и выдавались на руки без особых формальностей. Нужные издания можно было даже купить, хотя весьма недешево. Только когда юному исследователю удалось доказать, что Коростеньская рукопись *Кн. Корост.* 274 представляет собой не бездарную компиляцию пятнадцатого века, а русскую Ипатьевскую летопись старшего извода, лишь «засоренную» вставками и прибавками, главный хранитель Архива, расчувствовавшись, позволил ему подержать в руках тяжелый том, сшитый из листов разноцветного пергамента. Феодор осторожно гладил неровную поверхность телячьей кожи, покрытую бледно-коричневыми буквами, и думал о превратностях судьбы и о человеке, торопливо исписавшем последние страницы фолианта. Они-то и напомнили Киннаму виденную некогда кинокартину...

Несколько ветхих листов содержали свидетельство о «последних временах Руси» – летописец именно так и выражался. Он наверняка или сам был свидетелем вторжения, или передавал слова очевидца. Стараясь удержаться в рамках жанра и скрыть лишние эмоции, безымянный писатель все же переживал события очень остро, и его душевная боль постоянно прорывалась на поверхность. Хотя были в приписке и явно легендарные детали – например о том, как султан въехал на коне в киевский храм Святой Софии и оставил высоко на светлой штукатурке отпечаток закопченной ладони, причем кровь убитых якобы стояла в церкви так высоко, что доходила до стремян... И о том, как совершавший литургию священник вошел вместе с чашей в один из каменных столбов и скрылся там «до времени и полвремени» – когда «городом на семи холмах» опять овладеют «русые люди»...

Этот фрагмент летописи был прекрасно известен историкам, они давно бились над загадкой, которую представляли последние несколько фраз. Пишущий утверждал, что пошлет к «державному» некое «живое слово», которое объяснит ему всё и выведет на «путь сокровенного». Но при этом как будто бы колебался и мучился, сомневался и негодовал на себя за эти сомнения. Речь его стала в этом месте очень туманной, словно голова кружилась или, мерцая, гасла догоревшая свеча. Даже строчки здесь были кривые, сбивчивые, налезали одна на другую. «Пошлю ли?» – «Исполню ли назначенное свыше?» – «Услышат ли слово?» – бесконечные вопросы наполняли текст. Но под конец автор как будто успокоился и решился, наконец. А решившись, внезапно начал извергать проклятия. На чьих-то потомков до скончания времен, на их внуков и правнуков, которые будут страдать сами, и приносить неисчислимые бедствия державе, даже и через пятьсот лет... Эта единственная конкретная цифра сейчас весьма занимала Киннама и отчасти смущала. По всем расчетам выходило, что пятьсот лет

или прошли, или вот-вот истекут. А значит, получалось, что загадка, которую он взялся разрешить, имела прямое отношение к реальности! Интересно, какое же? Хотелось скорее покончить с этой загадкой, если это вообще возможно.

Да, загадка... Всерьез она завладела сознанием великого ратора относительно недавно. На суперобложке вышедшей этим летом в Польше монографии по славистике он вдруг с удивлением наткнулся на слова «слово живо», написанные до боли знакомым почерком. Какую-то древнюю рукопись использовали фоном для названия книги, но это не была известная всем коростеньская летопись. Киннам не преминул обратиться в издательство за справками, но не добился ровным счетом ничего. Снимок сделал в каком-то архиве давно уволившийся фотохудожник, связь с которым потеряна, и... собственно, это всё. Ни малейшей зацепки, ни самой ничтожной подсказки. Впору было бросить это дело, благо других невпроворот, но тут кто-то словно толкнул великого ратора под локоть, и он попросил лаборанта отсканировать кусочек текста и запустить в имперскую поисковую систему. Каково же было удивление Киннама, когда на следующее утро исполнительный сотрудник спокойно положил перед ним результаты поиска и молча удалился, как будто ничего особенного не произошло. Но когда великий ратор просмотрел отчет, у него полезли на лоб глаза! Программа распознавания образов обнаружила соответствие и выдала цифровую копию бумаги из императорского архива. Небольшой листок, с краями то ли обгоревшими, то ли оборванными, из фонда Анастасии, поистине ужасной супруги императора Льва Ужасного! Оба текста были написаны явно одной рукой, и «польский», вероятно, представлял собой черновик письма к императрице. Составлено оно было достаточно резко, почти до неприличия: «Како слово живо глагол диаволь бысть? Како не убоюся гнева и проклятий отеческих?» Адресат письма не был установлен, да и письмо ли это? Возможны варианты.

То, что бумага нашлась в рукописях, имевших какое-то отношение к Анастасии-Роксане, взволновало Феодора чрезвычайно. Странно, но личность кровожадной августы была ему особенно интересна и даже чем-то симпатична. Но не основанием научной библиотеки, не знаменитыми постройками и уж точно не злодеяниями. Нет, завораживало в ней другое. Может быть, все-таки внешность? Сохранился всего один более-менее реалистический портрет, но он стоил десятков. Знаменитый персидский миниатюрист изобразил императрицу на крышке большого медальона. Причем, выдержав фон и фигуру в традиционно-отвлеченном, схематизированном стиле, он неожиданно написал очень живое, эмоциональное лицо с характерными чертами: широкие брови вразлет, длинный, совсем не славянский нос, детские глаза и неуловимая усмешка в углах прекрасных губ...

С этим обликом совершенно не вязались леденящие душу рассказы о свирепых пытках и казнях, о сладострастии и коварстве... Киннам не раз говорил, в том числе публично, что эта женщина, по его мнению, просто родилась не в том месте, не в то время и не для того, что угодовала ей судьба. В ней виделось несомненное величие, от которого не получалось полностью отрешиться, даже вспоминая о ее преступлениях. Покровительство наукам и искусствам, свидетельства личного бескорыстия, порой и великодушия... Но чего стоил один эпизод с уничтожением летописей начала шестнадцатого века! Историкам вспоминать об этом было крайне неприятно, но, думая о страшных кострах из книг, Киннам не мог не отдать должное той методичности, с которой Анастасия подошла к историческим источникам. Пусть и с целью их уничтожения.

Единственный сын Анастасии, которого возвели на престол мятежники, убившие его отца и мать, казалось, был отпрыском других родителей. Кроткий и милостивый, он, хотя почти не вел победоносных войн, преуспел в умиротворении Империи, расшатанной неистовой тиранией Льва Ужасного, и подготовил ее неодолимое наступление до самого Красного моря. При нем же нашли и привезли в столицу так называемый Коростеньский клад – практически полное собрание сокровищ Киевской Руси: библиотеку Святослава, мощи князя Владимира и Херсо-

несских мучеников, некоторые древние сокровища и святыни... Существует ли действительная, а не воображаемая связь между Анастасией, Киевом, кладом и древней рукописью? Пока из тумана выступили лишь несколько ярких точек, между которыми постепенно натягивались тонкие нити... Но Киннам чувствовал, предвкушал, что нити эти реальны, и ни в коем случае не хотел упустить нерв расследования, которое сулило ему, вероятно, громкую славу.

– Хотя что в ней, в славе? – тихо проговорил Киннам и, пошевелив догоравшие угли костра, подкинул в него сухих веток. – Мало ли мне славы? Здесь ведь совсем другое...

В историческом сюжете, который разворачивался перед ним, виделась проблема не столько научная, сколько психологическая, из самой глубины женской натуры, которая сама по себе чрезвычайно занимала великого ратора – не без причины, конечно. Ему казалось – особенно теперь, после всего случившегося на последнем Ипподроме, – что его исторические выкладки по поводу нюансов женского поведения могут касаться и Евдокии. Он гнал эту мысль, но она возвращалась в самые неподходящие моменты: женщина не на своем месте, не в своей роли... Но вот в чем не было сомнений, так это в том, что расследование обязательно коснется императора, тайн династии Кантакузинов. Игра на этом поле была очень выгодна, Киннам чувствовал здесь себя уверенно – гораздо увереннее, чем за зеленым бильярдным столом. Он уже начинал предчувствовать по-настоящему значимую схватку двух соперников. Если не за тело женщины, то за ее душу... Вернее, за возможность проникнуть в изгибы и закоулки ее души. Если уж противник в таком положении, что иначе столкнуться с ним нельзя, то... «Да полно! – в который раз оборвал себя Киннам. – Речь всего лишь об Анастасии Скилофоре, как назвал ее синодик храма Святой Елены, так неожиданно выплывший на свет Божий...»

Сосновые ветки трещали, легкий голубой дымок поднимался вверх.

– Всё одно к одному, – прошептал великий ритор, – это неспроста, синодик этот, здесь очевидная закономерность...

Между тем стало совсем прохладно, но Феодор не хотел замечать таких мелочей. Он покопался в рюкзаке и вытащил оттуда маленький нетбук с раскладной спутниковой антенной. Позавчера он отправил несколько запросов в краковские архивы и хотел проверить почту. Сигнал интернета был, хотя довольно слабый. Ответы пришли! Притом информативные, с ними можно работать дальше. Феодор немного подумал, стал уточнять параметры поиска, отсылать новые письма. Потом пробежался по другим входящим сообщениям – ничего особенного, исключительно рабочая переписка. То есть ничего требующего немедленного ответа в эту прекрасную ночь между двумя законными выходными днями... Но разве он ждал каких-то других писем? Вздор.

Феодор отключил антенну и открыл файл, куда записывал идеи, относящиеся к проекту «Коростень». Пальцы забегали по клавишам. Стало совершенно очевидно, что необходимо ехать в Краков, хотя бы на два-три дня. Он найдет нужную хартию, не может не найти, ее след уже виден. Эх, если бы в Польше архивная система была хоть немного современнее! Ну, ничего, три дня выкроить можно. Куда только потом заведет этот клубочек?..

Мысли путались в голове, но на экране рождался связный текст. Настолько связный, что Киннам вскоре перестал понимать, что же он пишет – конспект научной статьи, план работы детективного агентства или главу нового романа. Перед глазами стояли причерноморские степи: неслись конные орды, горела трава, дым застилал небо... Но тут же вздымались волны Эвксинского Понта, качая тяжелые дромоны эскадры Георгия Дуки. Один из них вез в сторону Босфора прекрасную пленницу, которой суждено было стать императрицей Анастасией... А где-то на окраине христианского мира, расположившись то ли в бревенчатой келье, то ли прямо на придорожном валуне, скрипел пером безымянный и безликий писец, свидетель падения великой культуры...

Но пора было все-таки укладываться спать: ночь уже отчетливо серела, в лесу стали слышны шорохи, в небе – шелест птичьих крыльев. Костер погас, пришлось зажечь фонарь

и немного повозиться, приводя в порядок вещи. После этого Феодор быстро залез в просторную двухместную палатку и застегнул входную молнию. Устраиваясь в спальном мешке, великий ритор усмехнулся, подумав, что многие женщины согласились бы сейчас разделить этот скромный кров. Многие... кроме одной. Киннам представил в этой палатке Евдокию – на золотых шпильках, в лиловом шелковом платье – и тяжело вздохнул. «Нет, блистать здесь явно не перед кем», – успел подумать великий ритор и мгновенно заснул.

Проснулся он ближе к полудню, среди шумного, яркого и жаркого соснового леса. Выбравшись из палатки, он слегка прошелся взад-вперед, сладко потягиваясь и блаженно шурясь от бившего сверху солнца. Феодор не очень-то выспался, но разлеживаться было некогда: к вечеру воскресного дня на подъездах к Афинам будут гигантские пробки. Хотя спешить совсем не хотелось... Вокруг вчерашнего костерка обнаружился беспорядок: какой-то зверь ночью порывлся в пакетах и свертках, так что колбасок Киннам, увы, не обнаружил. Хорошо хоть, остались бутерброды и яйца в пластмассовом контейнере. Великий ритор заварил чаю и принялся за еду, привалившись спиной к дереву и наблюдая, как далеко внизу шевелится трава на краю поляны и колышутся, переливаясь, жесткие сосновые кудри, покрывая зеленой рябью склоны холмов...

– Господин учитель, господин учитель! Пожалуйста, поднимитесь к нам! – вдруг послышалось откуда-то сверху.

От неожиданности Феодор вскочил, чуть не выронив кружку. Метрах в двадцати от него, на самом краю лощины, стояла растрепанная рыжеволосая девушка. Она манила Киннама рукой, приплясывая на месте от нетерпения. Но, не успев великий ритор придумать, как бы повежливее осведомиться, кто она такая и зачем ему идти к ней, как девушка всплеснула руками и скрылась из виду.

Заинтригованный, Феодор взобрался наверх по каменной осыпи и очутился на поляне. К его удивлению, ее заполнял народ – и какой! Несколько отрядов одетых по-восточному всадников с копьями и луками расположились полукругом. Две старинные пушки были вкопаны в землю, вокруг них копошились люди в оранжевых костюмах. Живописная группа из нескольких ярко одетых девушек в длинных платьях стояла посередине. Они пытались петь какую-то песню, но толстый мальчик с железной булавой в руках всё время мотал головой, обрывал пение и тихо ворчал себе под нос.

Весь этот бедлам – Феодор мысленно удивился, что ничего не слышал, сидя внизу – происходил вокруг группы характерного вида людей в кепках и темных очках. Они были вооружены кто кинокамерой, кто фотоаппаратом, а иные размахивали микрофонами на штангах и серебристыми светильниками.

– Господин учитель! – услышал снова Киннам девичий голос за спиной. – Они ведь так увезут ее, вы должны вмешаться!

Не оглядываясь, Киннам подошел к группке людей, вокруг которой, как стало понятно, заваривался главный конфликт. В этом месте на поляне стояла желтая карета скорой медицинской помощи, тут же гарцевали два всадника в остроконечных шлемах и красных плащах. Рядом стояла молодая женщина в свободном красном платье со шлейфом, туго зашнурованная в корсет, на ее голове было намотано нечто вроде цветастой шали. Женщина стояла спокойно, опустив очи долу, несмотря на то, что ее весьма бесцеремонно тянули в разные стороны двое мужчин – один невысокий, с русой бородой, в черном пиджачном костюме священника, другой в одеянии средневекового турецкого паши, в тюрбане и остроконечных башмаках. Оба они что-то кричали друг другу, но вникнуть стоило немалого труда. Паша вроде бы кричал по-турецки, но Киннам почему-то не понимал ни слова. Зато намерения его противника были более очевидны: он орал по-гречески о бесовских играх, о том, что его духовная дочь больна и ее нужно немедленно увезти в клинику, познакомить с императором... Турок, очевидно, представлял интересы продюсера. Он яростно вопил, вращая глазами, и внезапно выхватил

из-за пояса кривую саблю. Она сверкнула на солнце, яркий блик попал Киннаму прямо в глаз, и Феодор заморгал от неожиданности. Неясная тревога напряженно висела над поляной, над конными группами, словно ожидавшими сигнала к бою. Тревога и ощущение неотвратимого. Все вокруг громко говорили и взвинченно смеялись. Ржали лошади, резко гудели свирели, били бубны.

А в женщине, о которой спорили, словно о добыче, чувствовалось нечто безусловно героическое – пожалуй, больше, чем во всех этих чернобородых всадниках, в паше, который мог бы храбро разорить мирный город, и уж точно больше чем в священнике, приехавшем на санитарной машине. Возможно даже, что сваленные рядом в кучу доспехи и оружие принадлежали именно ей. Но сейчас женщина стояла тихая и отрешенная. Ее лицо показалось Киннаму очень знакомым – ну конечно, он ее узнал! Великий ритор быстро приблизился и схватил священника за руку повыше локтя.

– Кто вы такой? – спросил он сурово.

Священник посмотрел на него удивленно и молча стал вырываться, но безуспешно. Тогда на помощь пришел турок. Киннам набрал в легкие побольше воздуха, чтобы прикрикнуть и на него... и проснулся.

Солнце по-прежнему слепило глаза сквозь кружево хвои, всё тот же ветерок волновал зеленое сосновое море... Прошло не более пяти минут, Феодор не сомневался в этом: чай в стоявшей на земле кружке даже не успел остыть, – но при этом словно бы что-то успело измениться. Что же?

– «От нападения и беса полуденного...» – прошептал почему-то великий ритор слова псалма.

Привидится же такое! Впрочем, что особенного в этом сновидении? Просто сцена на съёмочной площадке... Нет, кое-что особенное было. И весьма неожиданное – появление среди действующих лиц призрачного спектакля странной девушки, Афинаиды Стефанити, с которой теперь как будто установились некие непонятные отношения. Да и с ней ли еще они установились? В чьем образе предстала эта полудевочка-полуженщина в случайном тонком сне? И что всё это может означать?..

«Фу-ты, о чем я думаю? – Киннам тряхнул головой. – Может, еще и с сонником справиться? Чтоб уж полностью вжиться в средневековую атмосферу! – съехидничал он сам над собой. – Голова забита русско-турецкой историей, ночью не выспался, да еще недавний рассказ Афинаиды про лежневцев, вот и лезет в голову всякая ерунда...»

Он начал собираться – на это, как всегда, ушло гораздо больше времени, чем на разбивку импровизированного лагеря. Возник соблазн прикопать мусор тут же, в песке, но стало совестно, и пакет со всякими ошметками поместился в кармане рюкзака. «Донесу уж до большой тропы, – подумал Феодор, – брошу в урну. Не зря же они там стоят...» Дорогой он размышлял о том, что успел придумать и набросать вчера. Как всегда, ночные озарения наутро казались на редкость глупыми, но опытный Киннам не верил подобным ощущениям: самое ценное из того, что могло прийти ему в голову, уже хранилось в электронной памяти ноутбука.

– Вышел бы из этого настоящий толк! – воскликнул вслух великий ритор, взбираясь по тропинке на гребень очередной холмистой гряды. Внезапно вспомнился вчерашний Фима – как он сказал, развалившись на деревянной скамейке: «Собственно, нет никакой разницы – думаю я о чем-то, делаю ли я это в реальности или просто созерцаю это свое намерение нечто совершить... И есть ли в таком случае смысл тратить силы?»

«Нет, друг мой, смысл есть, и немалый!» – твердо сказал себе Феодор, с грустью ощущая, что вряд ли попадет домой раньше полуночи.

«Не бойтесь надоедать мне», – сказал великий ритор во вторую встречу с Афинаидой, и она пользовалась этим разрешением, чтобы общаться с ним почаще. Они обменялись телефонами и электронными адресами, она посылала ему соображения по поводу диссертации и написанные кусочки, он в ответ писал ей рецензии, указывая на ошибки и недоработки, хваля за удачные находки и доказательства. Она спрашивала, что лучше почитать по той или иной теме, он высылал ей библиографические справки. Многие нужные ей книги оказались у него в личной библиотеке, и она нередко появлялась в кабинете ректора, чтобы взять или вернуть очередную книжку, а заодно задать вопросы, поделиться соображениями или впечатлениями от прочитанного. Киннам всегда был рад с ней побеседовать. Афинаида задумалась о том, не стоит ли ограничить общение с ним, чтобы не питать и не раздувать собственное «пристрастие», как она поначалу обтекаемо выражалась, но вскоре осознала, что бессмысленно лгать самой себе: она отчаянно влюбилась.

Когда она видела в почте письмо от Киннама, ее сердце радостно стучало; когда его имя высвечивалось на экране мобильного, у нее прерывалось дыхание; входя в его приемную, она трепетала от предвкушения беседы с ним, а уходя от него, чувствовала за спиной крылья. При виде карандашных пометок на полях книг, которые он давал почитать, она радовалась, словно встречаясь с ним самим, и внимательно изучала их – критические замечания по поводу различных исследовательских ляпов, пометки «NB», восхищенные «да!» или просто восклицательные знаки, иногда знаки вопроса, порой – ядовитые «неужели?» или «а мы и не знали», иной раз более подробные ремарки с отсылкой к другим работам по теме. «Какой же он умный! – вздыхала она. – Мне бы стать хоть на десятую часть такой же...» Она думала о нем на работе, сидя у компьютера и обрабатывая читательские заявки, вспоминала разговоры с ним по дороге домой. По вечерам она допоздна сидела за ноутбуком, стараясь поскорей написать что-нибудь, чтобы показать ему, стремилась побыстрее прочесть или просмотреть очередную книгу, которую можно будет обсудить с ним.

«Нет смысла ограничивать себя, – думала она. – Что толку, если я не приду к нему лишний раз или не напишу ему? Всё равно я думаю о нем, мечтаю о встрече... Если я не борюсь с этими мечтами, то зачем убегать от общения? Довольно и того, что я не пытаюсь соблазнительно одеваться, как Элен, и не надеюсь на взаимность с его стороны! Остальное выше моих сил... и через себя не перепрыгнешь. Да и вообще, это ведь только до защиты... а потом всё кончится!» – тут ей становилось горько, и она предпочитала не додумывать эту мысль.

Мария не могла скрыть удивления по поводу того, что Афинаида не занялась преобразованием своей внешности после первой же встречи с великим ритором. Сначала она, правда, ничего не говорила, но в конце концов не выдержала и, придя в очередной раз к подруге с набором пирожных, сказала, наблюдая за тем, как Афинаида заваривает чай в пузатом фарфоровом чайнике с отбитым носиком:

– Послушай, Ида, ты, пожалуй, и впрямь святая! Я всё жду, жду, когда же ты принарядишься, наклеишься... или хоть причешешься по-другому... Неужели тебе совсем не хочется ему понравиться?

Афинаида покраснела, накрыла чайник грелкой в виде совы, села за стол напротив подруги и ответила:

– Нет, Мари, я не святая. Просто я не хочу выглядеть дурой. Какой в этом смысл, во всех этих... финтифлюшках? Он ведь все равно на меня не посмотрит. Зачем же мне начинать... такие игры?! Глупо! Если он заметит, только смеяться надо мной будет! А так он общается со мной о науке, нормально общается, по-человечески... пусть не как с женщиной, но зато как с человеком! А если я начну... всё это такое... он меня презирать будет! Зачем мне это?! Ты

говорила, ваша завкафедрой не смогла его соблазнить, как ни старалась... Ну, и сравни меня и ее! Да мне до нее никогда не допрыгнуть!

– А вот это ты врешь! – заявила Мария. – У тебя чертовски красивые глаза, тут не только наша завкафедрой от зависти помрет, а вообще кто угодно! И губы прекрасные! Конечно, размалевывать ни к чему, я сама не люблю яркую косметику, но блеском можно было бы чуть-чуть... Ресницы у тебя длинные, черные, можно и не красить! И кожа у тебя отличная... А вот прическа ужасная! Зачем ты так прилизываешь волосы?! У тебя и фигура что надо, многие бы позавидовали, без шуток, а ты всё прячешь в эти балахоны зачем-то! Тебе самой не противно на себя в зеркало смотреть? – Мари всё больше распалась. – Ладно Киннам, но тебе самой-то что, это нравится?! Ты вот верующая, да? Так как там у вас по вере: человек – образ Божий, Бог каждого создал, дал ему определенную внешность... И тебе дана красивая внешность, Ида! Зачем же ты себя уродуешь? Это ведь бунт против Бога выходит! Если Он дал тебе красоту, значит, хотел, чтоб ты была красивой! А ты что с собой делаешь? Кого ты соблазнить боишься?! Это там, знаешь, в средневековье, когда женщины закутанными ходили, может, если какая-нибудь подол чуть приподнимала, мужики сразу распались, а теперь-то?! Ты что, думаешь, если ты юбку покороче наденешь или кофточку с вырезом, то мужики вокруг в обморок попадают? – Мари расхохоталась. – Да никто и не заметит! Сейчас, чтоб соблазнительной стать, надо, знаешь, ого-го как себя вести! Ты так вести себя всё равно не будешь, так чего ты боишься? Зачем издеваешься над собой? Ради чего?! Я тебя не понимаю. Если ты такая смиренница, что боишься к себе внимание привлечь, так знаешь, ты своими балахонами страшными больше внимания привлекаешь! Одевалась бы, как все, так была бы незаметней! Странные всё-таки вы, верующие, какие-то!

Подруга сердито умолкла. Афинаида смотрела на нее в растерянности: такие соображения не приходили ей в голову... А ведь, пожалуй, Мари права! Действительно, кого она соблазнит, если наденет юбку покороче? Не мозолит ли она людям глаза как раз «православными» одеяниями?... В самом деле, если Бог дал ей определенную внешность, не логично ли будет поддерживать ее в первоизданном виде, а не пытаться замаскировать? Да, в житиях много случаев, когда женщины из благочестия скрывали свою красоту или старались уничтожить ее постами и подвигами... но не потому ли, что тогда было другое отношение к этому? Да и что толку подражать житиям, если святой ей всё равно не стать? Разве она старается непрестанно молиться, разве следит за помыслами, старается не думать о Киннаме? А если нет, то все эти потуги сохранять благочестивый внешний вид – не более чем пристрастие к той самой пустой форме без внутреннего содержания, о которой они говорили с великим ритором в первую встречу. Может, и тщеславие, какое-то лукавство, попытка убедить себя и других в том, что она еще благочестива, «не как прочие человеки»...

– Ты, пожалуй, права, Мари, – проговорила Афинаида. – Я... подумаю над твоими словами.

– О! Как пафосно! Серьезная, серьезная девушка! – Мария улыбнулась. – Лучше, подруга, не думай, а чай разливай, а то остынет!

Афинаида сидела перед исписанным с обеих сторон листом бумаги, грызла ручку, поглядывала на трех экзаменаторов и раздумывала, идти ли ей отвечать – получается, самой первой – или подождать еще. Наконец, в очередной раз подняв глаза, она встретила взглядом с преподавательницей, которая с самого начала поразила ее своим видом: очень пожилая, совершенно седая, худая, сухошавая, в черном костюме и ярко-желтой блузке; нос с горбинкой, тонкие губы, смугловатая кожа, большие темные глаза, так и сверкавшие из-под густых бровей, – и при этом поистине королевская стать; в ней ощущалось внутреннее благородство, и в то же время

ее острый взгляд поневоле заставил Афинаиду поежиться. И вдруг эта «королева» улыбнулась и сказала:

– Вы, я вижу готовы? Так подходите, не бойтесь, вас тут не съедят! Хоть византийская литература кому-то и может показаться лабиринтом, но мы всё же не минотавры!

По аудитории прошел смешок, остальные двое преподавателей заулыбались. Афинаида глубоко вздохнула, встала и направилась к столу.

– Идите ко мне, я постараюсь вас не слишком мучить, госпожа... как ваше имя? – спросила «королева».

– Афинаида Стефанити.

– Так-так, замечательно! – Она окинула девушку внимательным взглядом. – Итак, я вас слушаю.

Слушание неожиданно переросло в подобие дискуссии: сначала они поспорили о Проконии Кесарийском и сошлись на том, что «историк он хороший, а человечиска дрянь», как выразилась экзаменатор Афинаиды. Вторым вопросом шло творчество Кассии Константинопольской, Афинаида рассказала о ее стихирах, цитируя наизусть, благо хорошо их знала, затем об эпиграммах, причем «королева», приведя ее стихи о том, что «глупцу лекарства нет вообще и нет леченья, кроме смерти», воскликнула:

– Отлично сказано, не правда ли?

– Да, но смотря что считать глупостью, – нерешительно сказала Афинаида. – Бывает, что человек наделает в жизни... всяких глупостей, а потом из-за этого набьет себе шишек и хоть немного поумнеет...

– Если поумнеет, значит и не был глупцом! – сказала «королева», как отрубил. – Глупцы не умнеют, они к этому неспособны! А скажите-ка, что вы думаете о побудительных мотивах творчества Кассии? Почему она так ненавидела глупцов, как по-вашему?

– По-моему... большинство ученых, которые об этом писали, ошибаются, когда считают, что причиной был ее провал на смотринах.

– Вот как? Значит, вы не согласны с научным сообществом по этому вопросу? Вы смелая девушка! Так держать! Я, кстати, тоже не согласна со всеми этими скучными мужиками! – вдруг сообщила «королева» почти доверительно. – Вечно они о женщинах какую-нибудь глупость ляпнут, не так ли?

Афинаида невольно рассмеялась.

– Мне кажется, – сказала она, – что Кассия, скорее, могла иметь в виду людей, которые не считают для монахов обязательным светское образование, ведь она сама много знала, это видно из ее творчества, – не только Писание или отцов, но и Платона, например. А про Феофила известно, что он был очень образованным, покровительствовал наукам, его за это хвалят даже враждебные к нему православные хронисты. По-моему, Кассия вряд ли могла считать его глупцом... и тем более всю жизнь мстить в стихах за провал на смотринах!

– Ну да, это мелко, слишком мелко для такой личности как она, – согласилась «королева». – Ваше объяснение мне по душе. Но вы, наверное, читали роман о ней?

– Роман? – Афинаида немного растерялась. – Нет, не читала... Разве о ней есть роман?

– Как, вы не знаете о романе Кассии Скиату? Он вышел два года назад, большой роман, так и называется «Кассия», почитайте непременно! Это куда лучше иных учебников истории! Там как раз развивается версия о новой Ипатии и любителях православного обскурантизма... Как говорили древние: «Но приятней всего и здесь соблюдение меры!» Знаете, откуда это?

– Да, из Гесиода.

– Всё-то вы, я вижу, знаете!

– Нет, просто этот стих цитируется в романе Евмафия Макремволита, и я запомнила.

– Ах да, вы же пишете о нем диссертацию, как мне сказали.

Третий вопрос был по Георгию Паламе, драматургу восемнадцатого века, который за свои нелюбимые насмешки над высокопоставленными лицами даже несколько раз попадал в тюрьму. О нем Афинаида тоже могла много чего порассказать, но экзаменатор не стала ее долго слушать и, поставив отлично по всем вопросам, отпустила со словами:

– Желаю вам успехов, госпожа Стефанити, и надеюсь побывать на вашей защите!

– Спасибо! – ответила девушка, смущенная и удивленная тем, что тема ее диссертации, оказывается, уже стала известной людям, о которых она не имеет никакого понятия.

Она вышла из здания филфака, и ноги сами понесли ее в сторону административного корпуса. «Я просто скажу Киннаму, что сдала, ведь он просил сообщить о результатах», – мысленно оправдывалась она, а сердце трепетало в предвкушении очередной встречи... Ректор был не занят, и она сразу прошла в его кабинет. Он поднял взгляд от бумаг, которые просматривал, и улыбнулся.

– Здравствуйте, Афинаида! Сдали?

– Сдала! Мне достались Прокопий Кесарийский, Кассия и Георгий Палама.

– Неплохая компания! А кто принимал у вас?

– Ой, такая интересная женщина, пожилая, но такая... такая стильная! Вроде на вид строгая, но чувствуется, что очень добрая. Она мне очень понравилась!

– О, так вы сдавали Марго! – воскликнул Киннам. – Очень хорошо, что она понравилась вам! Вам непременно нужно с ней получше познакомиться. Это живая легенда Академии, ходячая хроника здешней истории и замечательный преподаватель! Она старейший преподаватель Академии.

– Марго?

– Ее зовут Маргарита Киану, но у нас все называют ее Марго или Королева Марго. И все ее боятся и слушаются.

– Даже вы?

– Конечно! Она преподавала здесь, когда я еще не родился. Марго была руководителем моей второй диссертации и ух, как гоняла меня! Ни перерыва, ни роздыха не давала... Зато я и защитился всего за год и с тех пор считаю, что это правильно: защищаться надо весело и быстро!

– И жить так же?

В другое время Афинаида ни за что не осмелилась бы задавать ему подобные вопросы, но за такими веселыми беседами как-то самой собой получалось спросить о серьезных вещах как бы несерьезно – и получить в несерьезной форме серьезные ответы... И ей казалось, что за такими разговорами, которые иногда ограничивались всего несколькими фразами, она больше узнавала о великом риторе, чем если бы нарочно выпрашивала подробности о его жизни и устроении... Ей было приятно думать, что в эти минуты они словно бы становятся ближе... почти друзьями... Хотя она понимала, что на самом деле это ничего не значит: Киннам и с другими мог говорить так же, но... Ей, не избалованной благосклонностью судьбы, и такие крохи казались царским пиром!

– Жить? – Великий ритор с улыбкой посмотрел на девушку. – Жить надо весело, это правда, но не обязательно быстро. Скорее, бодро. Но это вовсе не предполагает скорого достижения конца жизни! Ведь мы с вами питомцы Паллады, а большинство ученых и раньше, и теперь живут долго... Чего и вам желаю!

С наступлением ноября в Константинополе явственно дохнуло зимой. Небо завесили низкие синие тучи, то и дело припускал дождь. Ветры еще не стали ледяными и всепроникающими, но в их дыхании уже чувствовался мрачноватый задор, который вскоре принесет

из Скифии мокрый снег, холод и декабрьскую тьму. Великая церковь полностью отдала этим ветрам накопленное за лето тепло, и теперь ее камни готовы были впитывать порывистое дыхание Борея...

Впрочем, в подземных галереях под Большим Дворцом, как всегда, было тихо. Сюда не долетал ни один звук с поверхности – а если бы случайно и долетел, то сквозь массивную дверь императорской «кели» ему точно не проникнуть. Константин сидел в своем потаенном убежище, похожем на дом на колесах – ничего лишнего, но всё, что нужно для жизни, – в глубокой задумчивости, на коленях у него лежала раскрытая книга. На столике около кресла стояла голубоватая бутылка «Пруссы», из которой давно выветрился газ, и наполовину пустой стакан. По временам в углу едва слышно шелестел компьютер. Вокруг звенела тишина, которая так располагает к размышлению, причем тишина тем более глубокая, что император ощущал ее почти физически. Он знал, что на сотни метров вокруг нет ни одного живого существа, что тихо и темно в пыльных коридорах справа и слева, что никто не потревожит мертвое молчание на верхних и нижних ярусах, что тихо даже в самых дальних пещерах, уходящих к Босфору. Мыши тут не водились, гробовой прах в погребальных камерах лежит и будет лежать не потревоженным до последней трубы, если только в этих каменных лабиринтах ее можно будет расслышать...

Книга, которую читал в уединении самодержец, называлась «В сторону Босфора» – увлекательный и красивый роман, написанный прекрасным поэтическим языком. Но оторваться от обычных дел и забраться сюда, в мрачное и почти никому не известное подземелье, не для отдыха и не для обдумывания стратегических решений, а для чтения современной беллетристики императора заставило уж точно не то, что жена отзывалась о романах Феодора Киннама с восторгом. И, пожалуй, даже не то, что мимолетное увлечение августи великим ритором минувшим летом стало очевидно для всех и, впервые за много лет, заставило Константина ощутить ревность.

Евдокия была натурой увлекающейся и, безусловно, легкомысленной, она не могла существовать без избранного кружка восхищенных и изысканных поклонников. Но с Киннамом... С великим ритором у нее произошло нечто иное, чего не замечалось раньше, император чувствовал это. Августа горько сетовала на собственную ветреность, клятвенно обещала быть осмотрительней, и император верил ей – и в то же время ясно ощущал проблему, которая не могла сравниться даже со странным увлечением Евдокии, едва не расстроившим когда-то их свадьбу. Просто дело было сейчас не в Евдокии и не в том, что ее вечно занятый супруг забыл в тот несчастный вечер об обещанном вальсе. Подобное случалось и раньше, ко всему она уже притерпелась, но никогда августа не доходила до такого безудержного флирта – и до такого последующего возмущения собственным поведением...

Приходилось признать, что дело было в самом Киннаме. В какой-то момент император заподозрил, что за способностями великого ритора вызывать симпатию, восхищение, входить в доверие, стоят не только его несомненный ум, красота и обаяние, но и нечто другое, что объяснить было очень трудно. Константин еще в августе понял, что Киннам вовсе не так прост, как кажется со стороны, что его способность располагать к себе основана на глубоких познаниях человеческой природы, а то и на чем-то иррациональном. Или же... или великий ритор вообще не тот, за кого себя выдает! И вот, только что император получил словно бы подтверждение этой догадки.

Роман, оторвавшись от которого, август впал в такие невеселые раздумья, повествовал об императрице Анастасии-Роксане, личность которой весьма занимала и самого Константина. Сюжет был выдуман автором, что естественно, ведь почти никаких подробностей о прекрасной пленнице, прибывшей на берега Босфора в качестве военной добычи адмирала Георгия Дуки, известно не было. Киннам рассказал лирическую историю путешествия через Эвксинский Понт русской девушки, освобожденной в придунавье из турецкой неволи, придум-

мал влюбленного в нее матроса, будущего писателя-хрониста Сергия, сгорающего от ревности и ненависти к Дуке, ярко, симпатично и выпукло описал самого Дуку... Старикуну пришлось жестоко поплатиться за любовь Роксаны: отвергнув ислам и вернувшись в православие, она попадает в гарем императора Льва Ужасного – и вот, заслуженный флотоводец мечется по своему дворцу, не находя себе места, с горестными восклицаниями вспоминает руки и волосы Роксаны, ее плечи и странную наколку на левой лопатке, ее смешной полуславянский-полутурецкий лепет, исковерканные греческие слова в прекрасных устах и первые фразы, которые она заучивала, сидя на красном топчане в каюте адмиральского дромона...

Вот эта сцена и заставила Константина прервать чтение и, нахмурившись, надолго устаться в одну точку. У него внезапно возникло ощущение, что фокусник во фраке, глупый рыночный фигляр, нашел его в толпе и бесцеремонно, ткнув кривым пальцем в лицо, точно объявил, сколько и каких монет лежат в кошельке за пазухой «господина»... А фокусов император не любил. Если только ему немедленно не рассказывали, в чем секрет и в чем ловкость мага, где спрятаны потайные пружины и зеркала.

Да еще эта странная новость, поступившая из Афин... Собственно, именно она привела императора в подземелье – хотелось осмыслить происходящее в спокойной обстановке. Роман он прихватил с собой, чтобы заодно дочитать, и тут Киннам тоже преподнес ему повод для размышления – надо сказать, довольно неприятный. Но Евдокия, конечно, не могла увидеть в описании любовных страданий Дуки того, что увидел Константин...

Августа вернулась сегодня с ипподрома, где ее подопечные из благотворительного трудового центра для бродяг и попрошаек «Филики этерия» заканчивали приводить в порядок оборудование зрительских трибун. Переодевшись и прихватив какую-то книжку – Константин не разглядел ее названия, но, судя по обложке, это был очередной роман, Евдокия заглянула в Серебряную гостиную и застала там мужа. Константин пристроился с ноутбуком за мраморным столиком, рядом лежала брошенная книга, и, подойдя, Евдокия узнала ее.

– Привет! – сказала она. – О, ты читаешь Киннама?

– Да, уже дочитываю.

– Ты же не любишь современную литературу.

– Но ты же хвалила его романы, вот я и решил почитать.

– И что, все три прочел?

Он кивнул. Она, видимо, думала, что он скажет что-нибудь еще, но, не дождавшись, спросила:

– И как тебе?

– Очень мило. Талантливо. Но все-таки это не та литература, к которой захочется возвращаться второй раз.

– Что ж, не возвращайся. – Евдокия чуть поджала губы. – И так-то удивительно, что ты нашел время!

– Да, нашел... Послушай, тут странная новость. Помнишь того русского священника, который организовал секту и связался с контрабандистами? Отца Андрея Лежнева?

– Да, припоминаю.

– Его убили вчера в тюрьме. Вернее, он умер от сердечного приступа, но мне докладывают, что это был странный приступ, похоже, искусственный.

– Какой ужас! Бедняга...

– Да, видимо, приступ вызван кем-то специально, но неизвестным нам способом. Так думают эксперты.

– А что, разве известно много способов вызвать такую смерть? – удивилась августа.

– Довольно много, – кивнул император, мрачней, – может быть, больше, чем способов вылечить настоящий приступ.

– Странно... Кому он мог помешать в тюрьме?

– Пока трудно сказать определенно, но следствие, похоже, неожиданно нащупало очень интересное направление. Совсем не связанное с контрабандистами.

– Что ж, я давно тебе говорила, что твоя тайная полиция никуда не годится, даже по сравнению с русской, не говоря о... И вообще Пападопулос стар, давно пора его менять.

– Пусть стар, но он не выжил еще из ума. А слишком много о тайной полиции пусть заботятся в тех странах, в которых нет более прочных внутренних скреп. – Константин улыбнулся и поднялся, распрямляя спину.

– И какие же в нашей Империи особенные внутренние скрепы? – поинтересовалась Евдокия рассеянно. Она уже явно потеряла интерес к теме.

– Будто не знаешь! Конечно же, это я да ты! – Император рассмеялся и привлек жену к себе.

Да, разговор свелся к шутке. Но сейчас, по здравом размышлении, особенно после неприятного открытия, сделанного при чтении романа ректора Афинской Академии, Константин признался себе в том, что ощущение, родившееся в нем несколько недель назад и с тех пор не покидавшее, было ни чем иным, как предчувствием опасности. Да, над государством нависла опасность, тем более грозная, что пока что никто не в состоянии ее четко обозначить.

Безусловно, это внезапно возникшее движение «Захвати Большой Дворец» – просто кривляние праздных людей, ничего больше. Странно только, что все крупные города Империи практически одновременно увлеклись идеей борьбы с социальной несправедливостью и «буржуазностью». Русская революция их весьма вдохновляет, судя по всему... Неужели люди не видят разницу между дореволюционной жизнью в красной Московии и сегодняшней – в Византийской Империи? Удивительная близорукость! Впрочем, человек – существо ненасытное... Но всё бы ничего, однако неделю назад Партия промышленников выступила в Синклите с идеей пересмотра налогового законодательства. Вроде бы ни с того, ни с сего, на ровном месте...

И всё это на фоне войны на Кавказе, которая и не думает завершаться! В Грузии и Армении размещены три усиленных армейских корпуса, но в условиях гор этого явно мало. Границы с Московией они перекрыли, но... чтобы прекратить идущую на Кавказе войну всех против всех, нужно как минимум перейти перевалы, а для этого необходимы совсем другие силы и средства. Войска и сейчас-то несут потери, а что будет, если придется вступить на одну из территорий бывшей Московии, превратившуюся в салат из горских княжеств? Положим, Лига Наций будет счастлива и за мандатом дело не станет, они любят наводить порядок за чужой счет... А вот русских Кавказ совершенно не заботит, они решили отгородиться от него стеной и «перестать кормить», как они говорят. Весьма характерная для славян безответственность, очень популярная в народе: нет территории, нет проблемы... *Как бы* нет. Между тем проблема есть и с каждым днем становится осязательнее. Кавказ уже наводнен английскими эмиссарами, которые стараются раздуть пламя, и с этим тоже что-то придется делать. Похоже, их задача – создать максимум напряженности на границах Грузии и Армении, сорвать строительство нефтепровода. О том же, разумеется, думает и персидский шах, ему не нужны конкуренты... Вернее, он, может, и потерпел бы, но Лондон крепко держит его за горло, вот и... Новоявленная Хурритская рабочая партия – явно персидская затея. Стоило наводнить войсками горные районы, как местные хурриты стали улыбочивыми и покорными. А теракты в центральной Анатолии вроде бы к ним никакого отношения не имеют – это, дескать, взялась за оружие какая-то новая организация...

К тому же всех союзников Британии беспокоят слухи об итало-византийском сближении. Что же будет, когда узнают о помолвке византийской принцессы и сына президента? Вернее, – тут Константин впервые усмехнулся, – что будет, прекрасно известно, и то, как на это реагировать, тоже известно давно, всё заранее и тщательно спланировано. Но какие коррективы при-

дется внести из-за событий на восточной границе и внутреннего брожения умов? Гм... Умов? Это им слишком много чести...

Как же всё изменилось за последние три месяца! В сознании новая обстановка укладывается с трудом, а привычные политических алгоритмы перестали работать... Но византийцам всё нипочем, здесь гибкость в сочетании с последовательностью возведены в тысячелетний культ – и не с такими еще проблемами справлялись! Воля самодержца вкупе с разумом Синклита должны найти приемлемые решения... Обязательно.

Император встал, отключил компьютер и вышел за дверь. Прошел холодным каменным коридором, скупо освещенным белесыми лампами. Он хотел сразу направиться к лестнице наверх, но неожиданно завернул в небольшой зал, который называл бильярдным, и зажег свет. Кроме небольшого, крытого красным сукном бильярда в зале стоял старинный, прекрасной работы бюст из серого камня. Он изображал императора Льва Ужасного в годы первой молодости. Угловатое лицо с хищным носом и насмешливым изгибом бровей выдавало человека, способного на великие злодеяния. Константину в какой-то момент неудобно стало держать изваяние в парадных залах Дворца, и оно навсегда скрылось от людских глаз, к огорчению знатоков истинного искусства и нескрываемой радости противников «тирании». Император очень ценил этот бюст. Ему казалось, что молодой человек, вырезанный из кавказского камня, еще вовсе не был заражен теми пороками, что овладели им в дальнейшем.

– Ну что же, Лев? – спросил Константин, пристально глядя в невидящие глаза своего далекого предка. – Ты бы, уж конечно, знал, как поступать, к кому прислушиваться? А кому просто навсегда заткнуть рот... Тебе проще было жить на свете! Ты смеешься надо мной, Лев? Но вспомни, что сказал тот софист Александру: великий правитель должен быть самым сильным, но не самым страшным. – С этими словами император потушил свет и зашагал к выходу. Датчики освещения не успевали срабатывать, но Константин прекрасно находил дорогу и в полутьме.

Между тем Евдокия, устроившись на диване среди пестрых подушек, включила ноутбук, просмотрела новости – обычно она занималась этим с утра, но сегодня ипподромные дела вынудили ее уйти из дома пораньше, – и нашла сообщение о Лежневе: «Странная смерть в афинской тюрьме». Там не говорилось об искусственно вызванном сердечном приступе, однако было замечено, что до нынешнего дня покойный не жаловался на сердце. В конце давалась ссылка на биографическую справку о священнике, которую августа тоже прочла, заодно припоминая обстоятельства разгрома секты в ноябре 2008 года. Она тогда прочла кое-какие материалы, в частности, о допросах прихожан Лежнева, а потом и его самого: главу секты поймали гораздо позже, ему удалось больше года скрываться в одном захолустном монастыре неподалеку от Арден-Рума.

В этом деле так и остались неясные моменты. Главный обвиняемый смотрелся таким двуликим Янусом, и Евдокия, читая о нем, испытывала недоумение и удивление: аскет, пылкий проповедник строгого подвижничества, послушания и воздержания, знаток человеческой природы, обладавший явными дарованиями психолога, которые позволили ему так долго руководить огромной общиной и пользоваться в ней непререкаемым авторитетом, – и в то же время эти странные понятия об «истинной духовной жизни», эти хурриты, контрабанда оружия, куча денег, накопленных ради помощи «страждущим братьям в красной Московии», но так и не отправленных... Как в Лежневе совмещалось всё это? На допросе он заявил, что просто «не успел» отправить деньги; никто в это не верил, но данных, зачем они ему понадобились, тоже так и не нашли. В общем, странная история! Лежнев уверял, что не знал об истинных намерениях своих друзей-хурритов: они, якобы, как раз и должны были переправить тем самым «страждущим братьям» деньги, иконы и прочее «благодарение»...

«Зачем же его убили? – подумала августа. – Или за всем этим делом стоит кто-то еще? Странно!» Она нахмурилась, представив, что у Константина, с его гиперответственностью

за судьбы державы – а то и, бери выше, всего мира! – подобные события должны вызывать беспокойство... скорее всего, куда большее, чем они того заслуживают!

Потом ей снова стало досадно оттого, что муж столь небрежно отозвался о романах Киннама. «Мило»! Так можно сказать о сентиментальных романах Александра Киннама, дальнего предка великого ротора, но уж никак не о романах Феодора! И все-таки Конста прочел все три роман... Может, он просто не хотел распространяться о своих истинных впечатлениях, потому и перевел разговор на Лежнева? Почему так редко удается всерьез поговорить с мужем о литературе? Ну да, у них разные вкусы...

Августа вздохнула и открыла принесенную книгу – только что вышедший роман Максима Аплухира «Крестonosцы»: молодой автор, которому она помогла с изданием, преподнес ей сигнальный экземпляр с благодарственным автографом. Евдокия пробежала глазами пару страниц и вдруг поняла, что не сознаёт, что читает. Снова вспомнилась ночная прогулка с великим ротором в предпоследний вечер августовского Золотого Ипподрома, интереснейший разговор о литературе, о неизданных еще тогда «Крестonosцах», об альтернативной истории, о романах сибиряка Овсянова, а потом...

«Ведь я воображал себе не столько альтернативный мир, сколько альтернативную жизнь для отдельных людей этого мира...»

Если б она не спросила Феодора, пытался ли он вообразить самого себя в альтернативной истории! Если б не начала добиваться ответа на вопрос, почему ему вдруг стало не хватать воздуха! Если б ей не взбрела в голову эта шутка об объяснении языком жестов!..

Его обжигающий взгляд, его требовательные и одновременно нежные губы, его руки на ее теле...

Она закрыла книгу, встала и отошла к окну. Почему она до сих пор не может это забыть?!

После сдачи экзамена Афинаида окончательно поняла, что ей надо что-то менять во внешнем облике. У нее была отложена некоторая сумма денег «на непредвиденные расходы», а теперь через неделю наступал ее день рождения, и отец, как всегда, прислал ей из Адрианополя, куда уехал со своей женщиной, спасаясь от ярости жены, денежный перевод – этим ежегодным подношением и ограничивалась его любовь к дочери, если не считать поздравительной открытки с букетом цветов и всегда одним и тем же текстом на обороте.

Поначалу она писала отцу письма, спрашивала о жизни на новом месте, но он никогда не отвечал, и она перестала писать, только посылала открытки на день рождения и новый год и ничего не знала о том, как он живет, пока не умерла мать. Афинаида послала отцу телеграмму, и он позвонил, даже хотел приехать, но когда узнал, что будет церковное отпевание и соберутся новые православные друзья его бывшей жены, сразу сник и передумал, лишь прислал денежный перевод и попросил дочь от его имени заказать венок на могилу покойной. О себе он сказал, что всё живет со своей женщиной, на которой теперь можно будет, наконец, жениться – жена до самой смерти не давала ему развода, – что живут они «по всякому, но в целом нормально». Потом поинтересовался личной жизнью дочери и спросил, почему она до сих пор не замужем. Она ответила, что «не сложилось», он сказал: «Гм! Странно, вроде могла бы найти себе парня, с твоей-то внешностью», – после чего Афинаида предпочла поскорей окончить разговор...

С тех пор их общение по-прежнему ограничивалось обменом поздравительными открытками и раз в году денежным переводом с неизменной сопроводительной фразой: «Любимой доче от любящего папы». В период «православной жизни» все эти деньги до последней лепты жертвовались на церковь: мать твердила дочери, чтобы та не смела принимать «подачки от этого негодяя» – несмотря на всё свое благочестие, она почти до самой смерти не называла

мужа иначе, лишь в последние недели умиротворилась и однажды сказала: «Ну, дай Бог ему вразумления и мира!» Лежнев, со своей стороны, говорил, что эти деньги, будучи пожертвованы «на храм Божий», могут «умилостивить Господа, и Он вразумит и приведет к покаянию заблудшую душу»... После разгрома секты Афинаида, наконец, начала тратить присылаемые деньги только на себя, и как бы приземленно ни выражалась отцовская любовь, она теперь могла помочь девушке без затруднений обновить гардероб.

Разговор с Марией почти убедил Афинаиду в необходимости смены имиджа, тем более, что она, бывая в Академии и поглядывая на аспирантов и преподавателей, всё яснее сознавала, что в научной среде, куда она хочет вписаться, нельзя выглядеть белой вороной, нужно иметь приличный внешний вид. Процитированный «Королевой Марго» на экзамене стих Гесиода о «соблюдении меры» стал как бы катализатором этой внутренней реакции, и в душе Афинаиде вспыхнуло: всё, хватит! Религия религией, но, в конце концов, она не мусульманка, которой вера приписывает закрывать тело и носить хиджаб! Да и у мусульман с этим далеко не всегда строго... Арабки, которых они с Марией однажды видели в коридоре Академии – Мари сказала, что они из Южной Амирии, делегация из Хадис-Багдадского Университета, – почти все были без платков, хотя в остальном требования религии соблюдали: длинные рукава, брюки или длинные юбки...

«Да христианство ведь и не выдвигает специальных требований к одежде, – думала Афинаида. – Апостол Петр, когда рыбу ловил перед явлением Христа, вообще был голым, в Евангелии об этом прямо сказано! Но не обвинил же его Христос в нецеломудренном поведении! Это раньше у нас все ходили в длинных туниках, даже и мужчины, но сейчас-то никто так не ходит, другой стиль одежды, другая культура, и все привыкли...»

Телевизора у Афинаиды не было – они с матерью вынесли его на помойку во второй год пребывания в лежневском приходе, – но она теперь иногда просматривала новости в интернете, в том числе видеозаписи, приглядываясь к тому, как живут и чем дышат нормальные люди, в чье общество она намеривалась вернуться. Она видела, что люди, в том числе те, о чьей религиозности было хорошо известно – например, император и его супруга, – вряд ли задавались многими из вопросов, вызывавших у Афинаиды сомнения. Если уж такая красивая женщина, как августа, нисколько не смущается мыслью, что может кого-то соблазнить обнаженными плечами и великолепными нарядами, то чего ради смущаться Афинаиде, далеко не красавице, тем более что она и не собирается одеваться именно так? Она всего лишь не хочет выделяться среди своего окружения.

Такими и похожими рассуждениями она убеждала саму себя, но ей всё же было боязно. «Православные» одеяния оставались почти единственной нитью, которая связывала ее с «истинно-христианским» прошлым: она давно бросила непрестанно повторять в уме Иисусову молитву и не ходила ежедневно на службы, как прежде; исповедовалась не два-три раза в неделю, а примерно раз в полтора-два месяца и без всяких подробностей, которые так любил выслушивать Лежнев, чтобы давать бесконечные духовные наставления; причащалась не чаще одного раза в две-три недели и не старалась после причастия весь день проводить в чтении духовной литературы, а занималась обычными делами; утреннее и вечернее правило сократила до молитв из краткого молитвослова, редко брала в руки Псалтирь, а акафисты и вовсе забросила; посты соблюдала не по уставу, всегда с рыбой; Евангелие читала не по главе в день, а по одному зачалу; книги святых отцов вообще брала в руки только тогда, когда оставалось свободное время от чтения научной литературы и, о ужас, интернет-новостей и прочих вдруг ставших нужными вещей, или когда это было необходимо для научных исследований, – и она так быстро привыкла к такому образу жизни, что всё это ее уже не смущало. Но, однако, у того же Макария Великого, которого цитировал Киннам в их первую встречу, говоря о том, что нет универсальных рецептов христианской жизни, постоянно повторялась мысль о необходимости отдать все силы на служение Богу, отвергнуть всё, что мешает соединиться с Ним,

стараться стяжать благодать, не гоняться за «внешними» знаниями, смиряться и терпеть притеснения и скорби ради Христа... Где это всё у нее теперь? Если она на что и старается отдать все силы, то это служение науке... А самую большую скорбь ей доставляет мысль о том, что ректор никогда не посмотрит на нее как на женщину!

«Если я стану одеваться совсем по-светски, что останется от моего христианства? Несколько утренних и вечерних молитв да иногда исповедь с причастием?» – думала Афинаида, по возвращении из Академии переодеваясь в заношенный темно-зеленый халат. Впрочем, и мысль, будто длинная юбка приближает ее ко Христу, казалась очень глупой. Киннам прав: имеет значение только взаимоотношение человека и Бога, ощущение Его промысла над собой, Его направляющей руки в жизни... И если ее прорыв к науке не был промыслительным, то... где тогда вообще этот промысел? Чего мог хотеть от нее Бог после того, как Лежнева арестовали? Уж конечно, не того, чтоб она бросилась под машину! И не чудо ли – та встреча с романом Киннама в книжном магазине?! Не промысел ли – что именно у него она пишет диссертацию? Афинаида не могла воспринимать это как простое совпадение. Значит, Бог хотел, чтоб она пришла в науку. Но Бог всеведущ, так разве Он не знал, что она усвоит правила новой среды? Ведь она пришла к такому образу жизни не потому, что бунтовала против религии, она же не потеряла веры, всё это вышло само собой, естественно... И какая этому альтернатива? Найти опять какой-нибудь приход, где можно работать при храме и заниматься «спасением души»? О, нет, с нее хватит! Назад дороги нет. Даже если она опять пошла по неправильному пути, всё равно это лучше, чем то, что было. И к прошлому она не вернется. Никогда.

Афинаида подошла к зеркалу, решительно расплела косу, расчесала волосы, и они рассыпались по плечам и спине каштановыми волнами. В школе и в Академии она носила стрижки, которые ей шли и притом не требовали укладки: ее густые, мягкие, чуть выющиеся волосы красиво ложились сами собой, без специальных ухищрений. Но Лежнев категорически запретил ей стричься, процитировав апостола Павла: «Если жена не покрывается, пусть и стрижется; если же стыдно жене стричься или бриться, пусть покрывается». Тогда на Афинаиду это увещание сильно подействовало, но теперь она вспомнила его с недоумением: апостол рассуждал исходя из аксиомы, что женщине стыдно стричься, – но почему ей должно быть стыдно? Ведь чувство стыда возникает, когда человеку кажется, что он сделал нечто, неприемлемое с точки зрения других людей или Бога. Если говорить о людях, то, может, во времена апостолов женские стрижки и считались предосудительными, но для кого они неприемлемы сейчас, кроме таких упертых православных, как Рипидоносцы? А если говорить о Боге... Где вообще в Библии сказано о Его отношении к женским стрижкам?! В Ветхом Завете? Афинаида плохо знала его; один раз она прочла всю Библию целиком, потратив на это примерно год, но мало что запомнила и не призналась Лежневу, что больше всего ее впечатлили истории наподобие рассказов из Бытия о двух женах Иакова, о том, как Рахиль и Лия торговали друг у друга ночи мужа за мандрагоры, о проданном в Египет Иосифе... Словом, ей было интересно то, что напоминало об обычной жизни людей, а не о благочестивых подвигах. С апостолом Павлом тоже всё было не очень понятно. Почему, например, он, говоря о том, что женщина должна растить волосы, что это для нее «слава», приводит довод: «волосы даны ей вместо покрывала», – и это там, где говорит о необходимости покрывать голову на молитве? Если волосы вместо покрывала, то зачем еще покрывало? А если покрываться на молитве, то... почему нельзя стричься?... А он еще там же говорит, что «если муж растит волосы, то это бесчестье для него». Почему же тогда Лежнев всегда ходил с хвостиком, а за литургией распускал волосы по плечам, если это «бесчестье»? Как жаль, что она не догадалась спросить его об этом! Интересно, что бы он ответил?... Нет, что-то здесь не то с этим поучением насчет стрижек!

Но стричься ведь не обязательно, можно просто причесываться как-нибудь иначе... Афинаида слегка взбила волосы, попробовала заплести их в мягкую не тугую косу – и увидела, что от такой, казалось бы, мелочи ее вид преобразился: лицо стало выглядеть гораздо женственнее,

нежнее, она даже почувствовала себя более свободно и естественно. «Ну, вот, – подумала она, – всего-то изменила, а какой эффект! А если так?..» Она опять распустила волосы и попыталась заплести косу «колоском». Результат ей понравился еще больше: так ее прическа выглядело более по-деловому, но изящно и без прилизанности.

– Вот! – радостно воскликнула Афинаида. – Так я и буду теперь ходить!

В субботу она отправилась в «Четыре сезона» – близлежащий торговый центр с огромным количеством разных секций одежды и обуви. Стоило ей вступить под своды этого здания из стекла и металла с мраморными полами и эскалаторами между этажами, как у нее разбежались глаза. Со всех сторон из ярко освещенных витрин призывно глядели вещи. Платья, костюмы, юбки, блузки, любых расцветок, от черных и серых до самых кричащих и ядовитых, соблазнительно облегали пластмассовые формы манекенов. Изящные туфельки на каблуках любой высоты или огромных шпильках, внушавших Афинаиде почти суеверный страх, кокетливо выставляли перед ней острые, круглые или квадратные носы. Кожаные сумки и лаковые кошельки разных размеров и цветов благородно поблескивали на стеклянных полках. Разноцветные домашние халаты, ночные рубашки и пижамы манили разнообразием ярких веселых цветов. Купальники... тут Афинаида отвела взгляд и быстро прошла мимо: обдумывать возможность похода на пляж она пока была не готова.

Сначала она просто ходила, глаза на витрины, но вскоре поняла, что весь центр ей не обойти и надо уже на чем-то остановиться. Она зашла в несколько секций, приценилась, прикинула в уме, на что ей можно рассчитывать, и стала высматривать вещи целенаправленно. Ей нужен был деловой костюм, две-три красивых блузки, приличные туфли и сумка. Относительно цвета последних она уже определилась: черный подходил ко всему, и она, примерив несколько пар, купила изящные лаковые туфельки на небольшом каблучке, которые сразу надела и пошла, а старые, отойдя от обувной секции, стыдливо сунула в мусорное ведро, подумав: «Прощай, прошлая жизнь!» Затем она приобрела черную лаковую сумку средних размеров – такую, чтобы туда помещались пара книжек и распечатка, – и хотела купить такого же цвета кошелек, но тут ее внимание привлек другой – сочного темно-зеленого цвета со множеством отделений, в том числе для визиток и миниатюрного блокнотика. Правда, он оказался дорогим, и Афинаида опять вернулась к тем моделям, которые смотрела сначала, но зеленый прямоугольник так и притягивал взор... Наконец, она решилась разориться, купила его и с удовольствием переложила туда содержимое прежнего. Старые кошелек и сумку постигла судьба старых туфель. Каблучки новых задорно стучали по мраморному полу, и Афинаида чувствовала себя гораздо уверенней. Теперь она отправилась на поиски костюма. Они оказались недолгими, хотя и тут Афинаида в итоге купила не то, что собиралась вначале. Выбрав строгий костюм в черно-зеленую клетку, с пиджаком прямого покроя, она примерила его и осознала, что ее старая длинная юбка выглядит кошмарно: увидев себя в зеркале в новом костюме, девушка резко расхотела надевать прежний балахон. Она уже думала купить костюм, как вдруг продавщица сказала:

– Госпожа, у вас такая прекрасная фигура, вам надо другую модель, примерьте лучше этот! – и показала ей светло-оливковый в темно-зеленую крапинку костюм с более модным приталенным пиджаком и прямой, как и в первом костюме, юбкой до колен с небольшими разрезами по бокам.

Афинаида примерила его – да, эта модель шла ей намного больше, смотрелась нарядней и выгодно подчеркивала достоинства фигуры. Правда, цена оказалась выше, но девушка не стала смотреть на такие мелочи. Костюм упаковали, и тут Афинаиде пришла в голову мысль купить еще юбку и сразу же надеть ее – в старой она теперь чувствовала себя неудобно, словно в отрепьях. Она остановила выбор на чуть расклешенной юбке до колен из достаточно плотной, но мягкой черно-белой меланжевой ткани – как раз для грядущей зимы. Афинаида тут же

надела обновку, а старую юбку с отвращением сунула в мешок – сгодится положить вместо тряпки у двери!

Осталось купить несколько блузок. Их выбор был очень богатым, и Афинаида легко подобрала три: одну – нарядную белую с шитым воротничком и коротким рукавом, другую – теплого желтого цвета с круглым вырезом и длинным рукавом, а третью – облегающую, темно-зеленую с небольшим воротником-стойкой и рукавом в три четверти. Купив последнюю обновку, Афинаида с неудовольствием обнаружила, что деньги имеют свойство быстро кончаться. А ей еще хотелось новый домашний халатик, пару ночных рубашек, и немного красивого белья, и...

«Ладно, – вздохнула она, – что делать, придется отложить до следующей зарплаты... На первый раз я достаточно принарядилась и так!» Она улыбнулась и, нагруженная пакетами, с довольным видом отправилась к автобусной остановке.

Спустя два дня после обновления гардероба Афинаида отправилась в Академию на лекции для аспирантов, приехав за сорок минут до начала, чтобы успеть вернуть Киннаму две его книжки, и волновалась гораздо больше, чем перед экзаменом по литературе. Хотя она успокаивала себя мыслью, что великий ритор не подумает, будто она сменила стиль одежды, чтобы понравиться ему – ведь она уже больше двух месяцев ходила к нему в «балахонах», не делая никаких попыток принарядиться, – но вопрос, как он отнесется к ее демаршу, все-таки будоражил. Что он подумает? Понравится ли ему ее новый имидж?.. Нет, надо быть честной и ставить вопрос иначе: понравится ли она ему теперь хоть немного?

Поднимаясь по главной лестнице административного корпуса, Афинаида впервые остановилась на площадке второго этажа перед большим зеркалом, мимо которого раньше старалась поскорей прошмыгнуть, взглянула на свое отражение и замерла. Смотришь в небольшое зеркало дома в прихожей, она не могла толком оценить степень своего внешнего преображения, но сейчас, в широком и высоком, от пола до потолка, зеркале, она увидела себя в полный рост и в перспективе – на ковре, на фоне резных перил и отделанной мрамором стены с лепным карнизом на заднем плане: это была совершенно другая девушка, чем та, что проходила тут несколько дней назад! Пиджак сидел на ней прекрасно, юбка открывала красивые ноги в чулках телесного цвета, блузка мягко обрисовывала грудь, черные туфли и сумка весело блестели. «Неужели это я? – подумала Афинаида, глядя на девушку, растерянно взирающую на нее с той стороны зеркала. – Неужели это та самая особа, которая еще недавно поражала мир своими благочестивыми одеяниями? А что, хороша! Уж теперь-то Элен не посмотрит презрительно... А он?» Афинаида покраснела. Он! Что подумает он?..

Она приехала немного раньше назначенного Киннамом времени и, поднявшись на третий этаж, остановилась перед стендом преподавателей, в надежде унять волнение, всё возраставшее с приближением к кабинету ректора. Впрочем, при этом она сделала нечто не слишком логичное в виду этой цели – стала перечитывать сведения о Киннаме. Они не содержали ничего нового по сравнению со материалами в интернет-энциклопедиях или на сайте Академии. Афинаида пробежала глазами скупые строчки и вздохнула: он старше ее всего на пять лет, а какой разрыв в знаниях, в научных достижениях... Ей никогда не догнать его! А значит, она никогда не станет ему интересной: что за прок ему общаться с такой невеждой?..

Радость, охватившая ее при виде собственного внешнего преображения, тут же улетучилась. Во всем этом нет никакого толку. Прельстить его таким образом всё равно невозможно, даже если бы она была самой красивой женщиной в Афинах, а чтобы привлечь его внимание чем-то еще, у нее нет данных... и не будет. Разве что к старости! Она горько усмехнулась и вздохнула.

– Вот, смотри, сейчас я тебе покажу их! – раздалось рядом, и к стенду подошли парень с девушкой, совсем молодые, видимо, студенты.

Девушка, миниатюрная жгучая брюнетка с небольшими темными глазами, говорила медленно и четко, видимо, чтобы облегчить понимание своему знакомому – худощавый, ненамного выше ее ростом, он явно прибыл из Поднебесной империи.

– Вот Маргарита Киану, про которую я тебе рассказывала, – говорила девушка, – очень классная, сам увидишь!.. Вот Кира Постолаки, античную литературу преподает, а Мария Хиони – ранневизантийскую... А вот и сам ректор... Простите, вы позволите? – спросила она у Афинаиды, и та отступила в сторону.

– Что значит «великий ритор»? – поинтересовался китаец.

– О, это здешний эксклюзив! – с гордостью начала объяснять девушка. – Великий ритор – звание, которое дается только Афинской Академией, за особые заслуги в гуманитарных науках, очень почетное. Его начали присуждать триста лет назад, и получить его трудно, мало кто удостоивается!

Юноша молча кивнул и принялся изучать сведения о Киннаме, а его спутница тем временем мечтательно разглядывала фотографию ректора. «Ей, наверное, лет двадцать, – подумала Афинаида, косясь на студентку, – и ей простительно... А вот я-то, старая дева, куда лезу в свои без трех дней тридцать пять?! Ладно, хватит, надо идти!» Она сделала шаг к проходу на этаж, как вдруг услышала сзади знакомый бархатный голос, и ноги у нее стали ватными.

– Сейчас вам налево, – говорил он по-английски, – шестьдесят второй кабинет, а мне направо. Встретимся в четыре часа у меня, договорились?

– Да, господин Киннам, благодарю вас! – ответил густой бас.

Брюнетка у стенда быстро обернулась и воскликнула:

– Здравствуйте, господин Киннам!

– Здравствуйте, Фотина! – ответил ректор. – Я вижу, вы выздоровели, я рад! Вас уже давно не было видно...

Афинаида, которой после реплики студентки не оставалось ничего другого, тоже обернулась, и Киннам внезапно умолк. Несколько секунд они смотрели друг на друга, и Афинаида залилась румянцем, а великий ритор... В его взгляде сначала промелькнуло удивление, потом... неужто восхищение?.. А затем он весело сказал:

– Здравствуйте, Афинаида! Вы уже пришли? Неужели я опаздываю?

– Здравствуйте, господин Киннам. Нет-нет, это я приехала рано.

– Понятно, в таком случае вы не против подождать еще чуть-чуть? – Он перекинулся несколькими фразами с Фотиной и ее китайским другом и снова повернулся к девушке. – Вот и всё, пойдемте. Признаться, если б не ваши глаза, я бы, пожалуй, не узнал вас сегодня. Наряд и прическа у вас новые, а взгляд тот же. Это хорошо. Многие люди, надевая новый костюм, натягивают и новое лицо... Надеюсь, с вами этого не случится!

Афинаида снова зарделась и сбивчиво принялась объяснять:

– Да, я... решила, что... То есть после экзамена... Я посмотрела на аспирантов и... и подумала, что раз я пришла в науку и собираюсь здесь... обосноваться... то нужно внешним видом соответствовать среде обитания...

– Очень разумное и правильное решение! Я уверен, что вы не только будете соответствовать этой среде, но и послужите ей украшением.

– Спасибо! – пробормотала Афинаида, окончательно смутившись.

«Неужели он и правда так считает?.. Да нет, это просто комплимент...»

Они шли по коридору, с Киннамом здоровались попадавшиеся навстречу люди, и Афинаида подумала, что она больше не выглядит рядом с ним нелепо и никто не посмотрит на нее косо... От этой мысли ей стало радостно, и она вдруг совершенно успокоилась.

Обсуждая прочитанную Афинаидой книгу об аллегориях в византийской литературе средних веков, они вошли в приемную ректора, и здесь девушку ожидало нечто приятное – тот в буквальном смысле шок, в который она повергла Элен. Секретарша была ошеломлена при виде преображенной аспирантки и даже не сразу поздоровалась с ней, а когда Киннам попросил сварить им кофе, Афинаида, поймав брошенный на нее взгляд Элен, подумала, что они вряд ли когда-нибудь подружатся... Впрочем, это ее не особенно огорчило. Они с ректором поговорили о книгах, которые Афинаида брала у Киннама, и он тут же дал ей еще одну – «как раз припас на случай» ее очередного визита. Элен с каменным лицом принесла ароматный напиток, и, когда за ней закрылась дверь, великий ритор сказал:

– За неимением чего-то более крепкого, сойдет и кофе. Надо выпить за ваш разум, который правильно подсказывает вам всё новые шаги на пути к освобождению от вредного груза прошлого!

Они слегка чокнулись кофейными чашками, и Афинаида невольно рассмеялась:

– Никогда не думала, что возможны тосты за чашкой кофе!

Она отпила глоточек, и на ее лице отобразилось детское удовольствие: кофе был очень крепкий и сладкий, как она любила. Афинаида подумала, что Элен все-таки достойна уважения: как бы она ни относилась лично к посетителям ректора, но на исполнение ею своих обязанностей это не отражается – вероятно, именно такой и должна быть хорошая секретарша!

– Почему бы и нет? – отозвался Киннам. – Раз нет вина, подойдет и кофе, если у нас во главе угла содержание, а не форма. Кстати, о форме: как поживает ваша статья о роли повторов в романе Евмафия?

– Я уже пишу ее. Думаю, на той неделе окончу и пришлю вам...

Кофе быстро закончился, и Афинаиде хотелось остановить мгновение, пришла даже мысль рассказать Киннаму о своих сомнениях и мысленных метаниях перед сменой имиджа, но она тут же одернула себя: нет, хватит душевного стриптиза! Всему есть предел... а она и так, наверное, перешла его в день их знакомства. Еще раз такого повторять нельзя!

– Большое спасибо! – сказала она, с тайным сожалением ставя на блюдечко пустую чашку. – Елена варит очень вкусный кофе.

– Да. – Киннам кивнул и вдруг добавил: – Я сам учил ее.

– Правда? – Афинаида вскинула на него глаза. – Значит, вы хороший учитель не только в научной сфере?

– Возможно. – По его губам пробежала улыбка.

«Хотела бы я поучиться у вас чему-нибудь еще, кроме науки!» – подумала Афинаида и тут же испугалась этой мысли, смутилась, заторопилась, встала со стула и, опустив взгляд, проговорила:

– Простите, я опять задерживаю вас... Спасибо вам за всё, господин Киннам! До свидания!

– Вы зря так смущаетесь, Афинаида, – весело сказал великий ритор. – Это я сегодня задержал вас, а не вы меня. Так что это я прошу у вас прощения и жду вашей статьи! До свидания!

Свой день рождения Афинаида отпраздновала вдвоем с Марией, которая бурно восторгалась ее новой прической и гардеробом, заставила перемерить и показать все обновки. Что и говорить, это было приятно, несмотря на присутствие доли дружеской лести! Подруги засиделись допоздна, распивая то чай, то принесенный Марией земляничный ликер, и наутро Афинаида чуть не опоздала на работу. Но едва она успела взять в руки пачку распечаток с читательскими заявками, как в хранилище ворвалась грузная Ника, ее непосредственная начальница.

– Ида, собирайся скорее! – закричала она еще с порога. – Поедешь в порт, больше никому! Пришли, наконец, контейнеры с рукописями из Ленинграда, нужно срочно принять.

Афинаида давно слышала о ценном грузе для библиотеки, который медленно огибал на корабле под красным флагом всю Европу. Русские обнаружили в запасниках какого-то музея несколько ящиков с ветхими кодексами: списки «Илиады», кое-что из святых отцов, много поэтических произведений, – в общем, в этом еще предстояло разобраться, по фотографиям судить было нелегко.

Книги отправились в плавание четыре месяца назад, прямо накануне Третьей русской революции, и давно бы прибыли по назначению, если бы не политические события. Узнав о захвате власти Ходоровским, капитан поначалу вздумал отсидеться в Данцигском порту, а его команда наполовину разбежалась. Матросов, правда, быстро вернули на борт, но возникли другие проблемы: судно шло под флагом несуществующего государства, да и к документам на груз тоже доверия уже не было. Более того, прежнее правительство жаждало получить в обмен на рукописи современное электронное оборудование, прежде всего камеры слежения, а новому срочно требовались продукты и лекарства... Однако в конце концов все вопросы решились, груз в Афины прибыл неожиданно, без предупреждений, и теперь его нужно было срочно получить на таможне.

– Скорее беги в гараж, скажешь Стасису, что надо ехать в Пирей. Фима-сторож поедет с вами, они с водителем будут таскать тяжести, – распорядилась Ника. – Вот доверенность. Таможенный ключ, код. Фима спустится в гараж. Кажется, всё? Давай, девочка, беги, – напутствовала она Афинаиду, слегка похлопав по спине.

Фима передвигался неспешно, залез в микроавтобус последним, поместившись за креслом водителя, вполборота к Афинаиде. Он оказался сорокалетним или около того обладателем светлой всклокоченной бороды и вьющейся шевелюры, открывавшей высокий античный лоб с глубокой вертикальной морщиной. Афинаиде бросились в глаза коротковатые, не совсем чистые брюки, и застиранная рубаха в красную клетку. По всему заметно было, что, отдежуривав ночь, сторож не собирался покидать пост, намереваясь спокойно отоспаться днем, не обращая внимания на суету вокруг. Однако недовольства он не проявлял, улыбнулся вежливо и поздоровался, немножко двинув головой вперед-назад, по-птичьи.

Выехав из ворот, они покружили по узким улочкам и выскочили на прямой как копьё проспект Фемистокла, бежавший вниз до самого Пирея. Солнце подбиралось к зениту при безоблачном небосводе, и погода нисколько не походила на ноябрьскую. На подступах к огромному международному порту в афинский смог вливались дымки жаровен, на которых истекла жиром свежая рыба. Правда, внутрь автобуса аппетитные запахи не проникали, зато всё яснее чувствовалась близость моря – необъятного пространства, наполненного светом, золотыми бликами и безграничной голубизной. Машина вросла в цепочку сверкающих экипажей, скорость заметно упала. Разноцветная гусеница нацелилась прямо на море, но, раскиснув на солнце, двигалась всё медленнее. Восьмиполосная трасса в это время дня едва справлялась с потоком машин.

– Однако! – Фима кашлянул. – Пожалуй, скоро мы здесь завязнем! А мы очень спешим? Афинаида пожала плечами: что же делать!

– А что там есть, в этих ящиках-то? Тяжелые? – опять спросил сторож.

– Гомер. И Лукиан, и Овидий, и наверняка кто-то еще, кому захотелось перебраться в теплые края.

– Ой-ёй-ёй! – Фима вздохнул и почесал затылок. – То есть, еще триста тонн всяких языческих писаний, в дополнение к наличному миллиону... Не пора ли остановиться? За всё это ведь и деньги платятся! Скоро мертвые поэты вытеснят живых ромеев...

– Неужели? – Афинаида вскинула брови. Она не вполне улавливала, чем у этого человека шуточный тон отличается от жалобного.

– А разве нет? – Фима оживился. – Полагаю, в библиотеке для них готовы отдельные апартаменты, и... жаловаться на тесноту они не будут! Это людям у нас тесно, а свиткам просторно, мы же народ архивариусов...

Афинаида удивленно глянула на него, что-то неприятно задело ее за живое.

– Вы не любите книги?

– Отчего же, люблю. Только книги книгам рознь.

– Какие же вы любите?

– А хорошие! Святых отцов, про историю, про... пароходы, – добавил Фима, чуть смутившись.

– А романы?

– Раньше иногда читал. Некоторые. Не думаю, чтобы от них был большой толк.

Сторож ловко извлек откуда-то кисет с табаком и начал набивать трубку. Девушка поначалу поморщилась, но, приняв себя, обнаружила, что трубочный табак пахнет даже приятно. Впрочем, когда из трубки клубами повалил сизый дым, она закашлялась.

– Вам не нравится, что я курю? – спросил Фима, слегка смутившись, и стал неловко отгонять дым от Афинаиды.

– Да ничего, – она махнула рукой, – это я от неожиданности. Надо ко всему привыкать.

Маленький Стасис, которого почти не было видно в огромном самолетном кресле, хмыкнул и включил вентиляцию на полную мощность.

– Между прочим, – весомо заметил Фима, – табачные листья прекрасно защищают дерево и бумагу от плесени и этих... жучков всяких!

– Да? – Афинаида решила съязвить. – А стоит ли переводить такую прекрасную вещь на бесполезные обрывки древних язычников?

– Может, и не стоит, – помешкав, отозвался Фима. – А вот вы найдите, наконец, автограф сочинений Дионисия Ареопагита да храните бережно, тогда и я табачка пожертвую. А то все эти споры о его личности меня раздражают! Лурис вот вообще считает, что это сочинения шестого века, а не первого!

– Вы читаете Луриса?!

– А что ж, в библиотеке полно академических журналов, ночью делать всё равно нечего. Только я думаю, от него один вред! Он всё хочет по-своему обернуть, доказать что-то... А к чему доказывать, если всё давно понятно?

– Что же вам понятно?

– А ничего! – Фима постепенно входил в раж профессионального спорщика. – Вот у нас христианская, вроде, страна, да?

– Ну, конечно!

– А почему у нас власть такая странная? При императоре какой-то Народный Синклит... То ли он помазанник Божий, то ли конферансье на сезон!

Афинаида слегка зарделась, а Стасис снова хмыкнул:

– У нас вообще-то конституция такая.

– Вот, да! Конституция, слово-то какое придумали... Ну ладно, я же не против, если ее василевс подписал. Но его-то власть от кого, от Бога? Почему ж тогда этого не видно? Раньше ведь каждый указ начинался: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа такой-то, благочестивый император ромеев...», и так далее. Храмы строили, монастыри. А сейчас что? Только ученых вот и кормим...

– Это почему только ученых? – опять встрял Стасис. – Вон, у августы сколько всяких поэтов, писателей, музыкантов на попечении.

– Пустое это всё, – буркнул Фима, затягиваясь трубкой, – сплошная бездарность, еще бесполезней ученых! Нет сейчас никакой самодостаточной формы, везде только бесконечные

слепки с древних образцов. А содержания и подавно нет... Я вообще не признаю за нашим падшим естеством права на создание какого-либо содержания.

– Ну, допустим, – сказала Афинаида, пряча улыбку: этот ригоризм показался ей забавным. – Но ведь те же ученые не создают формы и содержание, они пытаются осмыслить опыт минувшего и...

– И это то, что меня больше всего смущает! Потому что цивилизация гибнет именно из-за того, что у нас единственным критерием истины стал научный опыт!

– Вот вы как считаете... – задумчиво проговорила Афинаида. – Но тогда к чему все эти споры? Если вам не нужен научный опыт как критерий, так идите в монахи, занимайтесь молитвой, вот вам и будет откровение истины...

– А не получается! – воскликнул Фима и заметно сник: спор, как видно, дошел до его болевой точки и одновременно завел сторожа в тупик. – Это всё вообще-то возможно? Все эти откровения, энергии... Может, и нет никаких энергий, всё это ересь вообще...

– Однако! Чего же вам тогда нужно от жизни? – Афинаида засмеялась.

– А вы не взламывайте мой внутренний код! – Фима хитро подмигнул. – Это нечестно. И вообще, я как ящик Пандоры: распахнется – не закроешь.

– Поговорили! – хмыкнул Стасис.

– Как угодно... Но кое-что я могу сказать, пожалуйста. Я хочу, чтобы государство заботилось о православных. Их сейчас процентов двадцать, не больше, так что никаких особых сложностей. Вон, когда в Москве сидели красные, как они заботились о своих соратниках по всему миру...

– Так то по миру! – воскликнул Стасис. – А простые люди у них жили ой-ёй как...

– Но всё же у них были представления о том, что кто-то требует особой заботы? – строго спросил Фима.

– Безусловно, – кивнул шофер, – у них же был классовый подход.

– Ну вот, значит, мы вполне в состоянии придумать нечто лучшее. Религиозный подход, например, – ответил Фима. – А нам говорят, что это разрушение государства! И совершенно неправильно говорят, потому что православное государство на православных стоит, они в нем главные!

Тут Афинаида поймала себя на мысли, что вовсе не уверена, что он говорит серьезно.

– А правда, скажите, что у нас осталось от Империи? – продолжал сторож. – Раскопанные развалины на каждом шагу и молитвы за августейших? А где хлебные раздачи? Они ведь продолжались почти две тысячи лет! Зато уж библиотек понастроили, на каждой улице по три штуки...

– Вы еще гладиаторов потребуйте! – со смехом сказала Афинаида. Фима ее заинтересовал. Пожалуй, она еще никогда не слышала столько абсурдных вещей от одного человека, причем вроде неглупого. – Давайте лучше отвоюем Египет, тогда всем хлеба хватит!

– А вы тоже пойдете? – Фима оживился. – А представляете, какво бегать по пустыне в тяжеленном бронежилете и каске? Да еще воевать при этом?

– Ну, вы всё слишком серьезно воспринимаете...

– Серьезно, да! Потому что нуждающиеся люди...

– Да кто у нас так особенно нуждается-то?

– Тот, кто без работы сидит!

– А зачем сидеть, иди в Палату занятости, тебе всегда работу предложат. Хоть улицы мостить, а всё лучше, чем сидеть сиднем!

– Да, но сколько за такую работу заплатят?

– По разному, конечно. Но всё равно можно заработать на жизнь...

– Вот! – Фима поднял заскорузлый палец. – Крутись, работай, работай и только тогда живи... Это ведь... атеизм какой-то!

– Да почему? – воскликнули почти одновременно Стасис и Афинаида.

– Да потому, что на Бога не надеемся, а только на работу свою эту! – закричал Фима. – А мы ведь только чудом сохранились, Божиим промыслом! Значит, он у нас и должен быть самым главным, а не дипломатия эта, не науки бесконечные!

– Ну, подождите, успокойтесь, – проговорила Афинаида примирительно. – Промысел мы не отрицаем. Но то, как он о нас промыслит, зависит и от нас, разве нет? В конце концов, вы же сами говорите, что естество у нас падшее, а Бог сказал Адаму после падения, что он будет есть хлеб свой в поте лица, то есть работать! И апостол Павел говорил: «не работающий да не ест». Чем же тут возмущаться? Вы вот и сами тоже работаете... У вас есть образование?

– Было, строительное... Только я ушел оттуда. Там всё неправильно, всё с ног на голову, как в жизни не бывает!.. А у тебя – есть? – спросил он вдруг Афинаиду. – Ну, наверняка уж! Ну, так вот скажи: стоило столько лет учиться, чтобы потом всю жизнь разбирать кусочки кожи или что-то выискивать в засохших романах? Какие-то аллегории? От этого ты ближе к спасению души?

– Знаешь, что? – Афинаида осмелела и тоже стала фамильярной: догадка о том, что сторож знаком и с ее скромным творчеством, вдохновляла. – Да, ближе. Потому что я знаю, как это бывает... «Кто хочет спасти душу, тот погубит ее»... Так и случается, между прочим. А я вот сейчас свою душу нашла. И в моих «романах» души больше, чем... и даже христианства больше, чем у иного митрополита в проповеди!

– Серьезно? Ты так думаешь? – Сторож наострил уши. – Может быть, так и будем жить, как в «Исмине» написано?

– Нет, так, как Ираклийский владыка учит, – съязвила Афинаида.

– Ой, нет, так точно не будем... А ты тоже его не любишь, да? Я почему-то так и подумал. Но вот, смотри: ты человек светский, да? И он человек светский. Но подходы к жизни у вас разные. А если один...

– Ладно, академик, приехали мы! – оборвал Стасис зарождавшийся силлогизм. – В риторике ты силен, а вот каков в таскании ящичков?

Глянув в окно, Афинаида увидела огромные стеклянные башни порта. Машина свернула вправо, на пандус, спустилась на два этажа вниз и остановилась у служебных ворот таможенного терминала. Увидев эмблему Академии, охранник приветливо козырнул, и автоматические ворота распахнулись. Опытный Стасис сразу нашел среди леса колонн погрузочный модуль и, припарковав машину у ленты транспортера, скомандовал:

– Ну, пошли теперь. – Хлопнув дверью, он быстро очутился около Афинаиды и, тронув девушку за плечо, проговорил тихонько: – Ты не обижайся на него, он блажной, но, в общем, хороший...

– Да я догадываюсь. – Афинаида усмехнулась. – Ему, видно, приложить себя некуда... Хоть это и странно.

Бегущая дорожка пронесла их по длинной трубе, слегка пахнущей морем, прямо до поста пограничной стражи. Невдалеке, за стеклянной стеной, солнце играло на волнах у причальной стенки. Формальностей было немного: грузы для Академии всегда имели приоритет. Ввод кода, поворот ключа – и несколько массивных зеленых ящичков, выплыв из недр накопителя, оказались на ленте транспортера. Начальник смены подозвал Афинаиду и махнул рукой в сторону небольшой стеклянной будочки: распишитесь там.

Открыв дверь, девушка остановила взгляд на сидевшей перед сенсорным монитором сотруднице с нашивками декарха, и вдруг поняла, что глаза ее явно подводят. Вернее, верить им совершенно невозможно.

– Ирина, ты?..

Да, нелегко было узнать в этой загорелой сосредоточенной женщине, подстриженной по моде и одетой в голубую униформу, скромную и тихую Ирину, подругу «детства» – так

иногда мысленно называла Афинаида годы своего глубокого воцерковления. Та, правда, тоже сначала ошарашено разглядывая вошедшую, прежде чем вскочить с места.

– Неужели это ты, Ида? – прошептала женщина, подойдя вплотную и как-то судорожно схватив подругу за плечи.

– Если это – ты, то это, конечно, я, – глухо помолвила Афинаида, ощутив пощипывание в носу и в уголках глаз. – Что, рыдать сейчас будем, да?

– Нет... Может быть... – Ирина всхлипнула и внезапно рассмеялась. – А руки у нас теперь, значит, развратно загорают?

– Ну, чего уж тут, – Афинаида скосила глаза вниз, – некоторые вообще юбку задрали...

– Да что тут «вообще», когда кое-кто даже голову не желает покрывать! Стыд и позор!

– Двести поклонов!

– Триста, и без компота!

Тут подруги то ли расхохотались, то ли расплакались одновременно.

– Слушай, я безумно рада тебя видеть! – воскликнула Ирина. – Чувствую, нам есть, что друг другу порассказать!

– Да, похоже... да! Слушай, заходи ко мне как-нибудь. Вот адрес, телефон. – Афинаида быстро достала из сумочки визитную карточку.

– Ого, ты ударились в науку? – Ирина рассмотрела золотую академическую сову, вытесненную на кусочке картона. – Признаться, я думала, что ты... – Тут она картинно сцепила ладони и на секунду застыла, благочестиво закатив глаза к потолку.

– В смысле – померла? Нет, подожду пока еще!

Афинаида вдруг поняла, отчего так радостна эта случайная встреча. Подумать только, ведь всё могло обернуться иначе! Не смени она имидж неделю назад, как неудобно было бы ей в своих прежних балахонах встретиться с нынешней Ириной! А будь сейчас, наоборот, подруга в длинном бесформенном платье, с рюкзачком за спиной и намотанными на запястье четками – девушке было бы жутко неловко за свои короткие рукава, прихотливо заплетенные волосы и, главное, за ветерок в голове, который дул так свободно и напевал о Гомере, Афине и аттической соли, а не о суровых седовласых постниках. Именно сейчас Афинаиде не хотелось, чтобы ее осуждал кто-то из прежних знакомых. Особенно эта женщина!

Ирина была на несколько лет старше Афинаиды, но образование получила только школьное. Когда они познакомились на приходе отца Андрея, Афинаиду несколько шокировали ее полудеревенские обычаи и понятия, однако девушка считала, что подруга гораздо добрее и благочестивее ее самой. Ирина с мужем и детьми всегда жили очень бедно, но никогда не показывали как им тяжело, на все расспросы весело улыбались и шутили. Афинаиде всегда хотелось так же легко смотреть на невзгоды, и казалось, что Ирина-то и есть настоящий человек, притом глубоко верующий. Правда, подсовывая ей порой книжку Златоуста или еще что-нибудь не особо сложное, Афинаида догадывалась, что та через некоторое время вернет ее со вздохом: «Ну, когда мне?» Действительно – муж, трое детей...

Минувшее поднялось внутри зеленой волной, но она не докатилась до сердца, отхлынула назад, оставляя ключья пены. Хотя подругам было грустно от воспоминаний, они могли смеяться над прошлым, а значит, всё не так уж трагично.

Фима со Стасисом затащили в машину тяжелые ящики.

– Нужно поскорее их открыть, – бросил Стасис, усаживаясь за руль, – что-то дерево, похоже, сыровато. На палубе они, что ли, лежали?.. Поехали!

– Совсем поскорее не получится, – отозвалась Афинаида. – Если только у нас не собралась уже приемочная комиссия... И группа консервации.

– Наверняка собралась. И консерваторы уже, сказали, выехали.

– Везет вам, ученым, – подал голос Фима, – на полном сервисе живете!

– Можете считать, что это всего лишь почетный караул для Ареопагита!

Машина поднималась теперь наверх, в сторону Акрополя, и Афинаида усмехнулась, подумав, что они похожи на трудолюбивых пчел, возвращающихся в улей с богатым взятком. «Хоть бы Ирина поскорей позвонила!» – подумала она. Очень хотелось встретиться и поболтать с бывшей подругой о том, какие ветры занесли их на те берега, где они нынче обустроились.

Зимние надежды

С тех пор, как из внутренних фондов, где Афинаида занималась поиском заказанных книг и расстановкой на места сданных, ее перевели на выдачу книг и прием заявок в отдел справочной литературы, работать стало полегче. Больше не надо было целый день проводить на ногах, да и посетителей сюда приходило не так много, как в основные фонды. Урывками Афинаиде даже удавалось что-нибудь почитать. В первое время она надеялась, что сюда зайдет Киннам, но, не дождавшись, решила, что он уже всё знает и носит «справочник» в голове; у него притом большая личная библиотека и выходы на разные интернет-ресурсы – он часто присылал ей те или иные статьи в электронном виде, – так что вряд ли он будет постоянно появляться там, где она теперь работает... К тому же она работала по полдня, неделю в утро, неделю в вечер, и, даже если бы великий ритор пришел, они запросто могли бы разминуться. Конечно, это огорчало ее, но, как она вскоре убедилась, в некотором смысле было хорошо, что ректор Академии – редкий гость в справочном отделе.

В четверг, третьего декабря, Афинаида работала в вечер и к пяти часам уже изрядно умиралась: по вечерам посетителей обычно бывало больше, а тут они шли просто потоком – отчасти из-за недавнего объявления о новых поступлениях в отдел, но сказывалось и то, что декабрь был в Академии месяцем студенческих конференций, молодежь срочно дописывала доклады. В пять поступила новая порция заказов, Афинаида стала проглядывать ее и замерла перед монитором, увидев заказ от Феодора Киннама – на только что поступивший второй том каталога славянских рукописей библиотеки Московского института истории. Заказ был на шесть вечера, значит, великий ритор собирался придти сюда через час или, возможно, чуть позже.

Афинаиде немедленно захотелось посмотреть в зеркало – и тут же стало стыдно за это глупое желание: что, в самом деле, могло произойти с ее лицом и прической с момента прихода на работу? Она мужественно обработала поступившие заявки, стараясь не думать ни о чем постороннем, а потом на несколько минут сбежала в «гинекей» – так местные работницы называли комнату, где они пили чай и приводили себя в порядок, – чтобы все-таки проверить, нормально ли она выглядит. Что ж, всё как обычно: деловой костюм, коса-дракончик... и дурацкий румянец на щеках! «Ну, и долго ты собираешься так сходить с ума? – мысленно обратилась она к своему отражению. – Тоже мне, нашлась принцесса: то никто ей был не нужен, даже не думала ни о каких мужчинах, а то самого Киннама подавай!» Но сколько бы она ни осаживала себя таким образом, сердце никак не хотело сойти с ускоренного ритма, а время, оставшееся до шести вечера, казалось, замедлялось с каждой минутой...

Ей стало любопытно, зачем ректору понадобились описания славянских рукописей. Неужто он занялся еще и русской историей? Когда только он всё успевает? И как вся эта информация помещается у него в голове? Афинаида снова вздохнула, почувствовав себя тупой: она пока держала в уме информацию, связанную всего с одной темой, и ощущала, что голова определенно пухнет. Или это от недостатка тренировок? Еще бы – столько лет забивать мозг одними и теми же молитвами да наставлениями аскетов!

«Да, чтобы быть благочестивым, не нужно много извилин в мозгу, – подумала она с усмешкой, – и шевелить ими тоже не надо. Повторяй одни и те же молитвы, перечитывай одни и те же поучения, если что непонятно, смиренно приписывай это своим грехам и непростовещности ума, а в сомнительных случаях проси совета у духовника и послушно следуй его указаниям. Удивительно ли, что мозг после нескольких лет такой жизни атрофируется? Это вот для всяких светских занятий, для науки нужны мозги... и для жизни по своему разумению, а не в послушании духовным наставникам. Зачем же, интересно, Бог дал нам так сложно устроенные мозги, если мы должны жить в полном послушании авторитетам и „выше себя не прыгать“? В предведении грехопадения, что ли? Все-таки ужасно странная теория...»

– Добрый вечер, Афинаида! Какая приятная встреча!

Размышляя о связи мозгов с благочестием и обслуживая читателей, Афинаида не заметила, как часы показали шесть, и опомнилась, только услышав бархатный голос, игравший с ее сердцем, как с мячиком.

– Здравствуйте, господин Киннам! – сказала она, поднимая глаза и чуть розовея.

– Давно вы работаете в этом отделе? – спросил он, протягивая ей читательский билет. – Я раньше не видел вас здесь.

– Меня только месяц назад сюда перевели, раньше я работала в фондах, книги расставляла... Ваш заказ готов!

Она повернулась вместе с креслом к стойке с книгами и сняла заказанную великим ритором. Сейчас он возьмет книгу и уйдет куда-нибудь за дальний стол... Афинаиде хотелось замедлить процесс выдачи, но разве это возможно? Всего несколько секунд: вспыхивает зеленый огонек сканера при считывании штрихкодов с читательского билета и с выдаваемой книги, теперь глянуть в компьютер, появились ли в нем данные, – всё в порядке, и вот она уже с тайным вздохом протягивает ректору билет и книгу. Киннам, однако, не ушел в конец зала, а уселся за стол недалеко от стойки выдачи, раскрыл серебристый ноутбук и принялся листать книгу: похоже, ему не терпелось с ней ознакомиться. Афинаида со своего места хорошо его видела и то и дело поглядывала на ректора, вручив книгу очередному читателю, или прямо наблюдала за его работой, пока посетителей не было. Правда, для этого пришлось приподнять кресло вверх до упора, чтобы видеть Киннама из-за стойки. Сначала великий ритор изучал что-то в конце книги – видимо, указатели или оглавление; потом принялся листать том, вчитываясь в отдельные страницы. Афинаида смотрела на него и думала, что сосредоточенный на научной работе он так же прекрасен, как и всегда... Пришли несколько посетителей, и когда Афинаида вновь улучила момент, чтобы взглянуть на Киннама, он печатал на ноутбуке – очень быстро, пальцы летали над клавиатурой. «Вот это скорость!» – завистливо вздохнула девушка. Сама она, хоть и умела печатать вслепую, но далеко не так быстро, как хотелось бы, и до сих пор не могла правильно попасть по клавишам с цифрами, приходилось подсматривать. Киннам же на клавиатуру не смотрел вовсе – лишь в книгу и изредка на экран ноутбука.

– Простите, вы мне дали не ту книгу. – Это вернулся только что обслуженный читатель. – Я ее не заказывал, я заказывал пятый том «Эфиопской энциклопедии».

– Ой, извините! – Афинаида увидела, что перепутала похожие номера читательских билетов и выдала не ту книгу.

Она тут же укорила себя за рассеянность: любовь любовью, но о работе нельзя забывать! Однако стоило юноше и подошедшей вслед за ним даме отойти, как Афинаида опять приковалась взглядом к ректору. И вдруг он поднял голову и посмотрел на нее. Застигнутая врасплох, она едва не пригнулась, чтобы спрятаться за стойку, но вовремя поняла, что это будет слишком уж глупо и некрасиво, поэтому не нашла ничего лучшего, кроме как робко улыбнуться, с ужасом ощущая, что ее щеки нестерпимо горят, а значит, наверняка становятся похожими на свеклу... Киннам улыбнулся в ответ, как ни в чем не бывало, рассеянно поглядел куда-то перед собой и снова вернулся к чтению. Афинаида поскорее опустила кресло до нормального уровня и мысленно дала себе слово больше не глядеть на великого ритора, пока он не придет возвращать книгу. Хватит, надо работать и не думать о несбыточном!

Она выдавала книги, принимала заявки, отправляла на печать поступившие заказы и героически продержалась почти час, ни разу не поддавшись искушению снова взглянуть на Киннама, пока он сам не возник перед стойкой, положив на нее книгу и читательский билет.

– Можете сдать ее, Афинаида.

– Хорошо.

Приложить сканер к штрихкоду на книге, потом на билете. Зеленый огонек вспыхивает, на экране компьютера возле строки с фамилией и данными Киннама появляется зеленая

галочка. Вот и всё, сейчас он уйдет... Рискнуть? Ну и пусть он догадается, что она хочет его задержать. В конце концов, он может ответить кратко и тут же уйти. А может и поговорить... И тогда не всё ли равно, о чем он догадается!

– Вы изучаете что-то связанное с русской историей? – спросила она, возвращая ему билет.

– Да. Так получилось, что я заинтересовался византийско-славянскими связями эпохи Льва Ужасного. Иногда так бывает: вроде бы изучаешь совсем другие вещи, но внезапно натыкаешься на след интересной истории, и любопытство ученого уводит тебя туда, где ты и не предполагал оказаться. Но то, чем я занимаюсь сейчас, это вообще особый случай. Запутанная история, во многом таинственная. Порой я чувствую себя настоящим сыщиком.

– Что же вы ищете?

– Следы одной рукописи.

– О! Это, наверное, очень интересно?

– Невероятно интересно! И захватывающе, особенно потому, что я и сам не знаю, куда в итоге меня может завести это расследование... Так что пожелайте мне удачи, Афинаида, – вдруг добавил ректор с неожиданной серьезностью.

– Удачи, господин Киннам, – тихо проговорила она, – пусть у вас всё получится!

– Спасибо!

Когда великий ритор простился и ушел, Афинаида повернулась, чтобы переложить на тележку сданные книги, и вдруг заметила, что в дверях стоят Василиса и Лала и глядят на нее. Василиса, высокая крепкая девушка спортивного вида, носившая исключительно арапки и мужские рубашки навыпуск, работала во внутренних фондах и куда легче справлялась, чем когда-то Афинаида, – все-таки это была определенная физическая нагрузка. Турчанка Лала, луноликая красавица с темными, как маслины, томными глазами, тонкими бровями идеальной формы и маленькими губами, которые она умела виртуозно складывать в презрительную мину, сидела в отдельной комнатке и занималась распечаткой и сортировкой читательских заказов. Василиса и Лала дружили, но если первая относилась к Афинаиде в общем хорошо, то турчанка ее откровенно недолюбливала и не упускала случая подколоть. Скорее всего, Лалу раздражало то, что их начальница почти с первого дня полюбила Афинаиду и относилась к ней с грубоватой нежностью, словно к дочери. Возможно, до недавнего времени не нравилась еще и «православная» внешность девушки... Быть может, имелись и другие причины для неприязни, но Афинаиде не хотелось разбираться в этом; понимая, что она раздражает Лалу, девушка просто старалась поменьше сталкиваться с ней.

Афинаида недоумевала, почему подруги так таращатся на нее. Присутствие же Лалы отдельно удивило: она всегда восседала принцессой в своей комнатенке и не любила лишний раз подниматься с места. Видимо, ее позвала сюда Василиса... но зачем?!

– Вы что? – удивленно спросила Афинаида. – Что-то случилось?

Девушки переглянулись. Лала, явно раздосадованная, молча пожала плечами и ушла, только каблук зацокала. Василиса глянула ей вслед, усмехнулась – несмотря на дружбу, она относилась критически к некоторым проявлениям лалиного характера, – и снова повернулась к Афинаиде:

– Ты что, знакома с Киннамом?

Ах, вот оно что! Девушка едва сдержалась, чтобы не рассмеяться.

– Да. Он мой научный руководитель, я у него диссертацию пишу.

«И пусть теперь Лала иззавидуется!» – несколько злорадно подумала она, не сомневаясь, что Василиса всё перескажет подруге. Наверняка это она и притащила ее сюда, посмотреть на такое «чудо».

– Круто! – произнесла Василиса уважительно. – И давно пишешь?

– Нет, с сентября.

– И часто вы с ним... общаетесь?

– Да так, – Афинаида неопределенно пожала плечами, – как получится. Но в общем довольно часто, вопросов по науке много, и он мне книги нужные дает читать, статьи...

– Руководит, короче. Понятно. – Василиса, похоже, хотела еще что-то спросить, но передумала. – Ладно, я пошла, а то у тебя народ уже собрался.

Афинаида вернулась к работе, но ее мысли еще витали вокруг Киннама и разговора с ним, так что она опять умудрилась перепутать книги, чуть не выдав одному из читателей чужие, а потом два раза отправила на печать одни и те же заявки, в результате получив сердитое сообщение от Лалы.

«Нет, я не Элен! – уныло подумала Афинаида в конце дня. – У нее мечты не мешают работе, а у меня... Киннам не взял бы меня даже в секретарши!»

Закончив работу, она выключила компьютер и некоторое время сидела пригорюнившись, глядя перед собой отсутствующим взглядом, пока не услышала голос начальницы:

– Ида!

Девушка вздрогнула и повернула голову. Ника стояла в дверях и вопросительно смотрела на нее.

– Ты что тут сидишь? Все уже ушли! Что-то случилось?

– Нет-нет, – Афинаида покачала головой и поднялась со стула, – у меня всё в порядке! Просто задумалась.

Киннам стоял на металлическом мосту через Вислу и неторопливо курил одну сигарету за другой. Изредка он позволял себе это бессмысленное развлечение, хоть и не находил в нем особого удовольствия. Теплый дым приятно согревал нос, оставляя голову ясной и создавая иллюзию, что великий ритор занят делом и имеет право стоять на месте столько, сколько нужно. Несколько минут назад Феодор купил у разносчика знаменитые ароматные сигареты из валашского вилайета сопредельной Турции, которые не ввозились в Империю по причине драконовских пошлин, и теперь, опершись на перила, наслаждался одиночеством, засовывая окурки прямо в початую пачку. На нем было длинное черное пальто из дорогого кашемира и черная же фетровая шляпа. Весьма объемный коричневый дорожный портфель великий ритор поставил прямо на асфальт.

Мост Маршала Пилсудского едва заметно вибрировал под проезжавшими машинами и нервно содрогался, когда на него заезжали старомодные трамваи. Висевший над рекой туман через какую-то сотню метров уже полностью скрывал шеренги домиков под черепичными крышами, облетевшие деревья и редких прохожих, слонявшихся по набережной. Киннаму чудилось, что каждая сигарета заметно добавляет тумана в этот унылый, но не лишенный прелести пейзаж. Воды Вислы казались то желтоватыми, то темно-свинцовыми, и весь вид походил на сильно выцветшую старую фотографию.

Феодор прилетел в Краков утром и сразу же отправился на поиски папской резиденции, чтобы поскорей разделаться с официальной частью командировки и приступить к собственным делам. Но чем ближе он подходил ко дворцу понтифика – хотя для человека, хорошо знакомого с Константинополем, это здание казалось, скорее, просторным домом, – тем сильнее чувствовал, как ему не хочется туда заходить. Иоанн-Павел II, глава старокатоликов Польши, Франции и всего обитаемого мира, жил, разумеется, в самом центре города – в Старом Мясте. Великий ритор оказался в Кракове в середине декабря, и улочки заполняла пред рождественская суэта: всюду веселые толпы, развалы подарков, сувениров, сластей; иные прилавки были оформлены с большим вкусом и фантазией. Но Киннаму – хотя вряд ли он был объективен – виделась во всем одна лишь провинциальность, если и необъяснимая словами, то прекрасно

ощущаемая сердцем. Ему нравились поляки – люди солидные и сосредоточенные, но при этом почти все они были немного нервными, отстраненными от реальности, словно смотрели на мир сразу с двух позиций – собственными глазами и неким вторым зрением, отрешенным, вознесшимся над землей и оттого грустным. Ректору Афинской Академии, привыкшему к кипению имперской жизни, такой взгляд казался застывшим, недостаточно динамичным. Сходное впечатление произвел и папский дворец, в котором не было ни малейшей претензии на соперничество с Ватиканом, на статус альтернативной резиденции вселенского понтифика: дескать, что уж тут притворяться, бывали у пап лучшие времена, да разве за ними теперь угонишься... Стоя напротив этой желтой двухэтажной постройки девятнадцатого века с банальным портиком из шести колонн и красной крышей, почти физически чувствуя тяжесть императорского послания в своем портфеле, Феодор мысленно усмехался и недоумевал: что занесло его сюда таким невольным почтальоном, почему он должен беседовать с человеком, который в буквальном смысле провозгласил себя святее Римского папы только из тех соображений, что он твердо держится латинского языка и архаичных догматов? Провинция, провинция!..

Эта история началась несколько дней назад, когда с ним связался в режиме видеоконференции министр образования Георгий Ливадин. Он сообщил, что августейший, узнав о намечающейся поездке великого ритора в Краков, – тут министр замешкался на мгновение и посмотрел на Киннама выразительно, даже приподняв со значением палец левой руки; Феодор удивленно поджал губы: что бы могло означать такое внимание к его перемещениям?! – так вот, василевс просит ректора попутно выполнить важную миссию, а именно, побеседовать с краковским понтификом частным образом, как ученый с ученым, и передать ему лично в руки императорское письмо. Затем министр надел очки и процитировал собственноручную записку императора к ректору: «Дорогой Феодор, мы не хотим нагружать вас сверх меры, и притом несвойственной вам работой. Это не дипломатическое поручение, но и не курьерское. Просто благоволите передать письмо и поговорите с Иоанном ласково: пусть он поймет, что никто его обижать не собирается, что все действия по обмену святынями будут совершены исключительно по взаимовыгодной договоренности. Больше ничего от вас не нужно в данный момент, остальную работу выполнят специально уполномоченные люди...» На этом месте Ливадин сдернул с носа очки и, уставившись в камеру, пробормотал:

– Господин Киннам, я совершенно ничего не понимаю: при чем здесь вы, при чем Иоанн Павел, – но письмо вам действительно отправлено, к вечеру его доставят. Надеюсь, вы не посрамите имени Академии, выполняя это ни к чему не обязывающее... то есть, я хочу сказать, крайне деликатное поручение?

– О, разумеется, это дело чести. – Феодор улыбнулся. – Не волнуйтесь, разберусь как-нибудь.

«„Ласково“! – Он мысленно фыркнул. – Можно подумать, понтифик – женщина и понадобились мои способности, чтоб ее обхаживать...» Тут Киннаму вспомнилась легенда о «папессе Иоанне» девятого столетия, и ректор едва не рассмеялся – впрочем, ощутив некоторую досаду. Несмотря на все симпатии к ее высочеству и юному итальянцу, которому предназначались ее рука и сердце, Феодору не особо хотелось выполнять подобные – а если уж быть честным, вообще любые – императорские поручения. Тем более в поездке, которую он планировал целиком посвятить собственным научным изысканиям. Да и времени у него не так уж много, и неизвестно, удастся ли в Кракове осуществить задуманное...

В связи с объявленной на ноябрьском заседании Совета Европы помолвкой сына итальянского президента и византийской принцессы весь Старый Свет всполошился не на шутку. Правда, не из-за помолвки как таковой, а из-за требования Империи вернуть похищенные крестonosцами сокровища в обмен на долгожданное решение о строительстве нефтепровода Баку – Тифлис – Эги. Всех радовало то, что нефтяной кризис уже не так страшен, но в требованиях такой символической уступки виделась слишком большая претензия, слишком большая!

В краковской папской ризнице хранилась, как считалось, древняя икона Божией Матери «Госпожа Дома», которую предшественники Иоанна Павла II вывезли из Рима. И вот, теперь Киннаму предстояло лично передать понтифику письмо августейшего... Да, это гораздо практичнее, чем отправлять послание с дипкурьером: ректор Афинской Академии – фигура заметная и известная в научном мире, а разговор двух ученых может носить абсолютно ни к чему не обязывающий характер. В то же время вопрос достаточно светский, ибо касается политики, а не межцерковных отношений, о которых полагалось бы говорить иерархам...

– Ну, и самое главное... – Тут министр смущенно кашлянул и сообщил Киннаму, что при удобном случае он вправе осторожно намекнуть понтифику, что Империя может кое-что предложить в обмен на святыню.

Икона «Госпожа Дома» когда-то являлась одной из главных святынь Фарского храма Богородицы, располагавшегося на территории Большого Дворца, и считалась покровительницей императорской семьи. В этом храме-реликварии до великого разорения хранилось множество святынь, связанных со Страстями Господними – довольно сомнительных, на взгляд современного ученого. И уж если думать о некоем символическом жесте, то, безусловно, лучше возвращать не странные артефакты вроде «детских пелен Христа», а икону, которая считалась защитницей августейшего семейства...

Внезапно в голове Киннама, созерцавшего фасад папского дворца, блеснула догадка, поразив своей ясностью и простотой. Федор резко развернулся и пошел прочь по узким мощеным улочкам, лавируя среди неспешных горожан, рождественских елок, прилавков – сюда, на холодный мост, весь состоящий из тяг и заклепок. Он понял, что явившуюся мысль надо обдумать, а об аудиенции у папы можно договориться и завтра. Но, стоя над Вислой, великий ритор почему-то больше размышлял не о том, почему именно он должен здесь, в Польше, заботиться о мистической защите чужого семейства, а о том, что Краков с самого начала встретил его не слишком гостеприимно, отведя ему роль не исследователя, а исполнителя чужой воли, и внезапно заставил тяготиться холодным одиночеством... Уж не в отместку ли за то, что город показался Киннаму такой глубокой провинцией? А еще на Феодора нахлынуло давно, казалось, забытое воспоминание, связанное с Польшей, но не с Краковом, а с Варшавой. Лет восемь тому назад он познакомился там на научной конференции с потрясающей женщиной-ученым, Барбарой, яркой блондинкой, всегда немного насмешливой и страшно гордой. Они подружились быстро, как только могут подружиться опытный сердцеед и женщина без домашнего очага. Через несколько недель он снова приехал в Варшаву, уже специально к Барбаре, и теперь вспомнил то легкое и приятное волнение от сознания, что кто-то ждет его в этом чужом городе, надеется на встречу, поглядывает на часы. Ему показалось тогда, что вспыхнувшая между ними страсть могла бы перерасти в нечто большее, но... Роман вскоре увял, рассеялся как сон, осталось лишь незабываемое ощущение некой теплой и светлой точки, в которой сосредоточен целый город, которая одна делает его не чужим...

Висла медленно катила мутноватые воды, мост тихонько дрожал железными струнами в туманном воздухе, но в целом пейзаж оставался безучастным к сентиментальным размышлениям одинокого пришельца из другой страны и даже почти другого мира. «Что-то я тут попусту время трачу, – подумал Киннам. – Меня здесь все-таки ждут, меня ждет Роксана! И, наверное, еще кто-нибудь». Подхватив портфель и сойдя с моста на бульвар, он скомкал сигаретную пачку и бросил в ближайшую урну.

Ягеллонскую библиотеку, откуда ему не так давно прислали самое обнадеживающее письмо, Киннам, благодаря карте в айфоне, нашел быстро – огромное тяжеловесное здание с помпезным порталом, отделанным гранитом, с высоким трапециевидным крыльцом, где на ступенях сталкивались входящие и выходящие через единственную открытую дверь посетители. В высоченном холле было шумно, читатели образовывали очереди... С некоторым удивлением великий ритор обнаружил, что и перед тем окном, где выдавали спецпропуска,

стоял изрядный «хвост». Несколько охранников в светло-зеленой форме меланхолично расхаживали в толпе, в самой их осанке Киннаму почудилось скрытое неодобрение всей этой толкотни и беспорядка, вызванных тягой к знаниям. А может быть, и самих этих знаний вообще?

По дороге Феодор растерял всю свою меланхолию и вполне готов был заняться поисками таинственной рукописи, но внезапно внутри зародилось сомнение, которое заставило его отойти к грязноватой стеклянной стене и призадуматься, разглядывая посетителей. Здесь было очень много студентов, но немало также людей среднего возраста и даже совсем пожилых. Большинство читателей уже имели пропуска, они сразу шли наверх по широкой лестнице, украшенной национальными флагами и канделябрами в виде бронзовых девушек. Но как же неспешно они поднимались – марш за маршем, чинно беседуя с коллегами. Так же неспешно двигались и сотрудники, которых можно было разглядеть за перегородками...

Внутренний голос запротестовал, и рассудок, помявшись, осторожно предупредил великого ритора: в таком месте даже со спецпропуском и при всяческом содействии ты провозишься неделю, прежде чем что-нибудь найдешь или хотя бы узнаешь, стоит ли искать. «В самом деле, нет ли другого пути, более быстрого? – подумал Киннам. – Что это я действую так шаблонно? Не попробовать ли просто... попытать счастье?»

Он вышел на улицу, поймал такси и назвал адрес издательства «Славянороссика». Таксист оказался понятливым и даже слегка болтал на любимом здешней интеллигенцией французском. По дороге Киннам попросил его остановиться около супермаркета: нужно было кое-что купить.

Издательство располагалось в старом здании, как и полагалось организации, занимающейся публикацией древних документов и старинных сочинений. Коридоры, отделанные деревянными панелями, были сплошь завалены папками, бумагой и пачками книг, но особой суеты не замечалось – видимо, работа шла достаточно размеренно. Главный редактор, пан Кшиштов Дембицкий, принял Киннама без лишних церемоний – миловидная секретарша даже не стала ему докладывать, вскочила с места, слегка поклонилась и испуганно пролепетала на скверном французском: «Проходите, проходите...» Улыбнувшись ей успокоительно, великий ритор отворил обитую мягкой кожей дверь и оказался прямо перед паном Кшиштовом. Дембицкий проворно выскочил из-за стола, учтиво раскланялся и пожал Киннаму руку. Потом усадил гостя в кресло у окна, а сам уселся напротив, не спуская с великого ритора глаз, в которых светилось вполне искреннее обожание. Но, возможно, пан издатель просто рад был оторваться от скучной работы? Феодор, тем не менее, почувствовал симпатию к этому человеку, которого видел впервые в жизни, хотя давно состоял с ним в переписке. Они поболтали о новинках издательства, о переводах, об оскудении научной мысли в современном мире и о том, что «старая гвардия» одна только и может нести бремя серьезного книгоиздания, и прочее в таком же духе. Киннам отметил про себя безукоризненный французский собеседника.

Над столом издателя висели два больших портрета: маршал Пилсудский на боевом коне перед кавалерийской лавой и генерал Добровольский, герой войны 1972 года, спаситель Польши, расстеливший карту прямо на броне боевой машины. В полутемном углу, слева от стола, помещалась большая, выполненная в сине-коричневых тонах Ченстоховская икона Девы Марии.

– Да, мы чтим наше прошлое! – гордо заметил пан Кшиштов, проследив взгляд гостя. – Это почти что настоящее для нас, ибо без такого славного прошлого мы бы сейчас... – Он сделал неопределенное движение рукой, словно бы вкручивал электролампочку.

– Понимаю. Тогда вам, наверное, понравится небольшой сувенир, который я вам привез. Мы ведь тоже чтим свое прошлое.

С этими словами он извлек из портфеля прекрасно изданный подарочный сборник «Афины: сквозь тысячелетия», подготовленный Академией к символическому двух с полови-

ной тысячелетнему юбилею города – на обложке глянцевой репкой желтел расписанный свастиками сосуд геометрического периода.

– О, благодарю, благодарю вас, пан ректор! – Дембицкий расцвел, принимая двумя руками тяжеленную книгу. – Какая бумага! Какой запах! – воскликнул он, сунув нос в самую сердцевину раскрытого фолианта. – Вы знаете, новые тома – моя слабость, они как новорожденные дети, они...

– Но это еще не всё, погодите, – осторожно перебил его Киннам. – Вот, это тоже для вас, уже лично от меня, по старой дружбе. – Тут из недр портфеля появился знаменитый и бесспорно исключительный коньяк «Император»; великий ритор, правда, умолчал о том, что подарок предназначались в Ягеллонскую библиотеку...

– Прекрасно, прекрасно, господин Киннам! Я ваш должник. Признаться, очень люблю византийский коньяк. Сейчас найду рюмочки... – Пан Кшиштов сделал движение, чтобы подняться с кресла, но не очень уверенное, как показалось Феодору.

– Что вы, не стоит, – успокоил хозяина великий ритор, – это лично вам, поберегите для более значительного повода. Да я, признаться, и не пью коньяк до ужина.

– Ах, как жаль! – Дембицкий всплеснул руками. – А я уж хотел слегка отметить с вами нашу встречу...

– Ну что же, если желаете... – Великий ритор широко улыбнулся и поставил на столик большую бутылку «Зубровки», купленную по дороге сюда, а затем извлек из портфеля коробку с копченым мясом.

– Вы настоящий волшебник! – вскричал пан Кшиштов, восхищенно глядя на Киннама. – Вернее, нет, вы настоящий византиец: уж как начали удивлять, то нипочем не остановитесь.

– Я просто предусмотрительный человек. – Феодор рассмеялся.

– Этим, прежде всего, вы от нас и отличаетесь, – заметил издатель. – Впрочем, сегодня и я оказался предусмотрительным, ведь на два часа у нас было назначено в библиотеке небольшое совещание. Не откажитесь поучаствовать – не пожалеете, уверяю вас! Я сейчас попрошу, чтобы собрались пораньше.

Киннам благосклонно кивнул. Дембицкий позвонил секретарше и попросил передать кому-то, что у него гость и сбор в библиотеке через десять минут.

Библиотека «Славянороссики» располагалась в полуподвальном этаже и занимала большое помещение, разгороженное книжными шкафами и укрепленное массивными колоннами. В центре зала стоял длинный стол, на котором Киннам с удивлением увидел не рабочие материалы совещания, а изобилие закусок и бутылок. Двое мужчин и женщина вышли навстречу.

– Знакомьтесь! – Дембицкий широко повел рукой. – Пан Феодор, познакомьтесь, Марина Савицкая, наш лучший художник-оформитель, но прежде всего, конечно, красавица! Пани Марина, это пан Феодор Киннам, прошу любить и жаловать!

Не особо молодая дама – пожалуй, постарше Киннама – обдала Феодора таким фонтаном обаяния, что ему захотелось немедленно раскрыть над головой зонтик. Несмотря на полноту, удачно скрытую шоколадным костюмом строгого покроя, пани Марина действительно была красавицей и притом незамужней, о чем великому ритору сразу поведали ее лучистые глаза. «Эге! – подумал он, мысленно подтрунивая над собой. – Что же будет под конец застолья? Куда унесет нас этот поток, куда бежать?»

– А это, – продолжал пан издатель, приобнимая чернявого господина в толстых очках, – Станислав Моржицкий, наш главный переводчик.

Моржицкий поклонился медленно и чрезвычайно изящно, но быстрый взгляд, брошенный на бутылку зубровки, которая, разумеется, не осталась скучать в кабинете, не укрылся от наблюдательного Киннама. Пан Станислав весьма бегло изъяснялся по-гречески и даже умудрился сказать Феодору замысловатый комплимент.

– Пан Константин Струсь, – продолжал Дембицкий, – наш компьютерный гений, мы без него никуда.

Пан Константин выглядел непривычно, совсем не как повелитель пикселей и матриц: костюм-тройка, белоснежная сорочка... Только щетина на щеках выдавала его кибергениальность.

– Да-с, старая гвардия, старая гвардия, как и было сказано, – ворковал Дембицкий. – Вы же, господин Киннам, как я понимаю, среди нас самый молодой? Прошу всех присаживаться!

Они присели и разлили зубровку по рюмочкам. Пили быстро, хоть и понемногу. Первый тост – за гостя, потом – за даму, за хозяев, за науку, за книги... Развеселились довольно скоро, но всё выходило интеллигентно. Кинаму чрезвычайно нравилась компания, даже стало неловко за то, что попал он сюда почти случайно и, увы, с корыстными целями. Пан Станислав залихватски подмигивал после каждого тоста и норовил подлить великому ритору побольше. «Да ты, брат, я вижу, в переводе спиртного тоже дока, – подумал Киннам, – с тобой нужно уху остро!» Он вовсе не собирался заканчивать день в уютном подвальчике.

– Скажите, господин Киннам, – обратилась к великому ритору пани Марина, – вы не обижаетесь на наше правительство за то, что они передумали приглашать византийские войска, хотя и собрались, было? Я имею в виду – после первых известий о русской революции?

– Я?... Ну что вы, пани, у меня совершенно нет времени на обиду за ромейскую державу. А на правительство я в принципе не способен обижаться, даже на собственное. Чем меньше его замечаешь, тем лучше.

– Ну, может быть, в вашем... высшем обществе возникли какие-нибудь толки, сомнения? – не сдавалась пани Марина.

– Да нет, не беспокойтесь. В высшем обществе прежде всего думают о том, сколько бы стоило это мероприятие и, главное, для чего оно нужно. Ведь никакой войны не произошло, да и голодные толпы из Московии, кажется, вашу границу не осаждают? Вот не Кавказе да, там сейчас жарко и хлопот предостаточно.

– Да, но... ведь и здесь всё что угодно могло случиться!

– Конечно! Но вы представляете себе, сколько стоит, к примеру, один рейс транспортного «Геракла»? А для того чтобы перевезти хотя бы одну танковую роту, таких рейсов нужно двенадцать. Я, видите ли, по должности не только бюрократ, но отчасти еще управдом, так что мне всегда жаль тратить деньги просто на престиж, особенно если их можно потратить на что-нибудь полезное. А дыры всегда есть, даже в Афинской Академии, уверяю вас!

– По-моему, господин Киннам, вы больше военный, чем бюрократ, – заметил пан Константин, поднимая рюмку.

– Ах, да, он офицер, я чувствую по его манере! – Марина захлопала в ладоши пани и счастливо засмеялась. – Я ведь помню ваших офицеров, их много было в городе во время войны. Я хоть совсем девочкой была, а очень хорошо всё запомнила... Признавайтесь, господин Киннам, какое у вас воинское звание?

– Друнгарий, то есть, по-вашему – капитан.

– Ну, тогда я старше вас, я подполковник! – воскликнул Дембицкий.

Переводчик улыбнулся:

– И я. Правда, оружия в руках я не держал уже лет тридцать.

– Как же у вас получают звания? И для чего? – удивился Киннам

– Ну... это скучная и долгая материя. – Главный редактор задумчиво поскреб за ухом. – А у вас?

– Вы будете смеяться, но у нас, чтобы сохранять офицерское звание, приходится держать экзамены. Меня вот заставили сдать на управление ротой, поэтому я считаю себя офицером

резерва. А почетные звания у нас сугубо гражданские, им нет числа, и дают их легко, ведь они теперь ни к чему не обязывают.

– Да, прошли те времена, когда можно было выпросить у вашего императора звание иллюстрия и хорошую пенсию при нем. – Пан Станислав хихикнул. – А лет двести назад меня бы точно отметили за заслуги перед греческой наукой.

– Безусловно, – согласился Киннам. – Галантный век был очень расточительным, не то, что сейчас. Нынче больше на энтузиазм рассчитывают... Но, между прочим, это действует. Меня же никто не заставлял после срочной службы возвращаться к военной науке, можно было отказаться от шагистики в любой момент, но это у нас не очень-то принято... Хотя, признаюсь, новые знания из неожиданной области очень дисциплинируют и приводят в порядок мозги.

– Ах, я думаю, вам очень идет военная форма, господин ректор! – опять встряла в разговор пани Марина.

– Благодарю вас, сударыня, в ваших устах любая похвала ценна вдвойне, тем более, что изобретать несуществующие достоинства может только искренне доброжелательный человек.

– Ах, вы так любезны! – Пани Савицкая расцвела.

– Легко быть любезным, находясь среди самых очаровательных представителей самого любезного народа в Европе. В этом искусстве разве что немцы могут с вами потягаться...

– О, немцы, – Дембицкий значительно повел головой, – с ними непросто конкурировать, вот уж кто вежливость возвел в культ!

– А как вы думаете, господин Киннам, чьи манеры более изысканны – польские или немецкие? – поинтересовался Струсь.

– Разумеется, ваши, и я это легко докажу. Немцы бы давным-давно уже посмотрели на часы, вспомнили, что у них назначено совещание, и углубились бы в бумаги. А мы тут с вами так прекрасно проводим время!

Всеобщий хохот показал, что шутка оценена.

– И все-таки, все-таки согласитесь, господин Киннам, что Империи, с ее такой совершенной военной организацией, стоило бы в свое время более активно вмешаться в наш конфликт с Московией! – заметил пан Дембицкий. – Ведь был момент, когда там всё совсем расшаталось, можно было в две недели ликвидировать этот ужасный... общественный эксперимент.

Киннам посмотрел на собеседника пристально: он только теперь оценил значение портретов, висевших над столом главного редактора.

– Видите ли... всё не так просто. Еще в седьмом веке Феофилакт Симокатта сказал замечательную вещь, что ни одна монархия не может взять на себя все заботы об устройстве мира и «одним только веслом своего разума управлять всеми людьми, которых видит под собою солнце», и...

– Между прочим, мы еще не пили за нашу победу! – воскликнул пан Станислав.

– Да-да, – подхватил пан Константин, – жалко, вы не приехали месяц назад, были такие торжества, такой парад... Но это же не срок, за победу и сейчас можно выпить, это в самый раз.

– Так вот, – продолжил Феодор, наскоро закусив «победу» хрустящим грибом и не спуская глаз с пана Дембицкого, который, задумавшись, пристально изучал тарелку, – власть большевиков, разумеется, была ужасна, но я не вижу, почему мы ради нее должны были отказаться от принципа невмешательства. В конце концов, разве не он позволяет Европе уже двести лет существовать без всеобщих войн? А Польше, я считаю, мы достаточно помогли тогда – прикрыли средствами ПВО вторую столицу, да и генерал Давутоглу, решив ударить по изготовившимся красным, очень облегчил положение Варшавы. Турки, как вы знаете, никак не могли осознать, что следующей целью станут они, но пришлось поверить...

– Да, но, между прочим, самолеты к Кракову всё же прорывались и были разрушения! Вы и сейчас можете видеть ужасные современные коробки в центре на месте прекрасных исторических зданий, – несколько ворчливо заметил пан Станислав.

– Ничего не поделаешь, это война, – развел руками Киннам, – никто не может дать гарантий. Полагаю, без наших ракетчиков всё обернулось бы гораздо хуже... Но я предлагаю посмотреть на проблему шире. Уничтожение Московии в то время – а вы ведь говорите именно об уничтожении – раскачало бы пол-Европы. Никому не известно, какие государства могли бы возникнуть на месте Московии, в каких границах и с какой идеологией. А сейчас всё произошло хоть и неожиданно, но в цивилизованных рамках. Наши политологи, между прочим, очень довольны тем, что мы не отступили тогда от главного принципа: вчера враг – завтра невольный союзник, а послезавтра – настоящий друг...

– И сидит в ложе на Золотом Ипподроме. – Пан Струсь хихикнул. Все головы повернулись к нему в недоумении. – Ну да, разве вы не знали? – Компьютерный гений удивленно вскинул брови. – Ходоровский приглашен на грядущий Золотой Ипподром, об этом уже пишут новостные агентства!

– Вам это известно, господин Киннам? – спросил Дембицкий.

Великий ритор равнодушно пожал плечами:

– Да нет, увольте, я не даю себе труда следить за приглашенными.

– Ах, господин Киннам! – воскликнула пани Марина. – Ну, конечно, ведь вы, должно быть, завсегда этих бегов! Да-да, я припоминаю: я видела вас в августе по телетрансляции оттуда... Вместе с императором? Или даже императрицей...

– Да, господин Феодор там блистает, это известно, – подтвердил Дембицкий.

– Я так хотела бы попасть туда! – Пани Марина всплеснула руками. – Но всё дела, дела...

– Право же сударыня, я впервые в жизни сожалею о том, что не только не имею отношения к приглашающей стороне, но даже толком и не знаю, как эти приглашения получают, – промолвил Киннам тоном глубокого сожаления.

– О, господин Киннам! – воскликнула дама, и на мгновение притихла, как будто, пытаюсь сформулировать какую-то мысль.

– Оставь пана ректора в покое, Марина! – внезапно воскликнул Струсь. – Не думаешь же ты, что он будет просить для тебя приглашения у императора!

– Я был бы счастлив, но, боюсь, это не в моих силах, – согласился Киннам.

– Ах, так хотя бы расскажите нам! Какой он, император Константин? – Женщина умоляюще сложила руки. – Ведь вы наверняка его не только часто видите, но и знаете лично? Он такой красавец!

– Император... он... сложный человек, – нехотя промолвил великий ритор. – Он на бильярде хорошо играет, кстати.

Мужчины одобрительно зашумели:

– Благородная игра!

– Как раз для государственного деятеля такого масштаба.

– Да, главное, в отличие от шахмат, может не требовать участия партнера: взял кий и выиграл партию вчистую. Но для этого нужно быть очень сосредоточенным человеком.

– Ну, а что же вы хотели? Это понятно, такая должность, такая ответственность.

– А... императрица? – снова спросила пани Савицкая.

– Она прекрасно танцует.

– Ах, я тоже обожаю танцы! Костя, организуй музыку!

– Момент, – отозвался Струсь и через минуту из коробочки под потолком донеслись звуки танго.

– Давайте же танцевать! – воскликнула пани Марина

– Да-да, – отозвался Киннам, но, вместо того чтобы подняться с места, повернулся к Дембицкому и поинтересовался, отчего до сих пор не вышел девятый том «Дипломатии Нового Времени».

– Как же не вышел?! Да вот, посмотрите! – Издатель вскочил и потащил Киннама к стоявшему неподалеку стенду с новинками издательства.

Внимательно слушая объяснения, великий ритор краем глаза наблюдал, как пани Марина и пан Струсъ – очевидно, довольный внезапной занятостью Киннама – отплясывали южноафриканское танго. Они делали это в достаточно старомодной манере – или это так только казалось? По крайней мере, блюстители нравственности не нашли бы здесь повода придраться. Были ли виной тому местные обычаи, деловые костюмы танцоров, или просто ковер, по которому двигалась пара, смягчал движения, скрадывал лишние звуки и... движения страсти? «Видела бы это августа! – подумал Киннам и едва заметно усмехнулся. – Ну что ж, пора!»

– А вот, пан издатель, я еще хотел спросить у вас по поводу этой обложки. – Киннам протянул руку к глянцево-тому, также стоявшему на стенде. – Вы не могли бы мне сообщить, что за рукопись использована для фона?

– Гм... Видите ли, это Гражина, наш оформитель... Она уволилась... Впрочем, спросите Марину, они дружат.

Пани Марина, мгновенно оставив своего кавалера – похоже, к его немалой досаде, – подошла, взглянула на обложку и засмеялась:

– Да это студенты-фотографы, практиканты. Гражина водила их в госархив, им давали делать репродукции со всякого хлама ненужного, ну вот, этот снимок ей приглянулся. А и правда красиво получилось!

– Но нельзя ли... поточнее узнать, что это за бумага? – с надеждой спросил великий ритор.

– Думаю, можно. Погодите! – Пани Марина быстро поднесла к уху телефон и весело зашептала с кем-то по-польски. Окончив разговор, она передала Феодору листок с телефоном: – Вот, это номер студии юного фотохудожника. Позвоните, поговорите, наверное, вам сообщат всё, что вам интересно.

– Большое спасибо, пани... просто огромное! – Киннам поклонился. – Вы даже не представляете, какую громадную услугу оказали мне лично... и прежде всего науке!

Через пять минут он уже попрощался, отговариваясь занятостью и обещая непременно заглянуть еще раз перед отъездом. Тряс всем руки, а некоторым и целовал.

Выбегая из издательства, Феодор напевал романс Пенелопы Кефала «Зимнее солнце» и мысленно подсмеивался сам над собой. «Ничего-ничего, – думал он, – всё не так плохо, стоит лишь найти подход к людям... Хорош бы я был, потеряв время в Ягеллонской библиотеке!» Адрес студии фотохудожников он узнал у секретарши Дембицкого и теперь спешил на улицу Мицкевича, это оказалось недалеко.

Четырнадцатого декабря на филфаке Академии должна была начаться конференция «Византийская литература XI—XIII веков: текст и контекст», и Афинаида подготовила туда доклад «К вопросу о датировке „Повести об Исминии и Исмине“ Евмафия Макремволита». Сначала, когда Киннам сказал, что ей обязательно нужно принять участие в этой конференции, она очень испугалась: выступать на публике! вот ужас! Она смущенно призналась ректору, что боится публичных выступлений, ведь она никогда не была болтуньей-говоруньей... Но Киннам только рассмеялся:

– У всех перед первым разом бывает сценофобия. Я тоже нервничал накануне своего первого доклада в стенах Академии – и это несмотря на то, что всегда был любителем поговорить и развлечь публику. Этот страх иррационален и не зависит от того, насколько человек по натуре говорлив и общителен. Но обычно после первого же выступления страшливость или

совсем проходит, или сильно ослабевает. Дерзайте, Афинаида! Это одна из ступеней, на которую вам рано или поздно придется взойти, и лучше сделать это пораньше.

«Наверное, он прав... По крайней мере, надо надеяться на это!» – думала девушка, но всё равно ужасно боялась. Доклад она подготовила быстро, Киннам просмотрел его, сделал несколько замечаний, но в целом одобрил, она еще подредактировала текст, осталось распечатать его, и для этого Афинаида решила зайти не к Марии, у которой обычно распечатывала нужные тексты, а к Алексу.

Александр Руvas, ее прежняя любовь, работал главным программистом в одной довольно крупной фирме. Афинаида случайно встретила с ним через неделю после возвращения с Закинфа в компьютерном магазине, куда пришла покупать ноутбук: отец осенью выслал ей очередную порцию денег, и она решила, наконец, впервые за десять лет потратить их исключительно на себя, а компьютер при ее новых жизненных планах стал предметом первой необходимости. Она стояла перед огромным стеллажом, где на полках мерцали разноцветными заставками экраны десятков ноутбуков, и пребывала в полном недоумении: какой же выбрать?.. Она беспомощно оглянулась в поисках консультанта, но все они были в тот момент заняты с клиентами. В нескольких шагах от нее белокурый мужчина в голубой рубашке и модных узких брюках изучал одно за другим описания дорогих ноутбуков – Афинаида, глянув на цены, даже не стала присматриваться к ним, – и ей пришла мысль попросить его о помощи, но она еще не успела сформулировать вопрос, как к витрине подошли парень с девушкой, громко переговариваясь на незнакомом языке, и бесцеремонно потеснили Афинаиду. Она торопливо шагнула в сторону и вдруг наступила на чью-то ногу.

– Ой, простите! – сказала она, повернувшись. Они с блондином растерянно глядели друг на друга несколько секунд, и Афинаида проговорила: – Здравствуй, Алекс... Смотрю на тебя и думаю: ты это или не ты?

– Аналогично! – Он улыбнулся. – Привет! Давно же мы не виделись... Ты хочешь купить ноут?

– Да, но я совсем не разбираюсь в них... Не думала, что их так много разных!

– Давай помогу выбрать! Какой тебе нужен, для чего?

Она уже собиралась ответить, как вдруг парочка рядом разразилась хохотом.

– Русские придурки! – сквозь зубы процедил Алекс и, обратившись к ним, произнес несколько слов на их языке. Парень с девушкой ошарашено поглядели на него и, что-то пробормотав, быстро отошли к другому концу витрины. Алекс коротко рассмеялся.

– Ты знаешь русский? – удивилась Афинаида.

– Немного. Пришлось изучить, когда наша фирма заключила с сибиряками несколько контрактов... Заработали мы на них недурно! Но эти варвары вести себя вообще не умеют! Вылезут за границу и горланят везде – думают, никто их языка не знает! Иногда прямо бесит... Зато порой такие интимные подробности можно услышать! – Алекс прицокнул языком. – Ну, ладно, черт с ними, вернемся к твоему ноуту!

Он помог ей купить недорогой, но вполне хороший ноутбук и подвез до дома. На вопрос о том, как у нее дела, Афинаида ответила, что несколько лет проработала «в сфере обслуживания», а теперь решила снова заняться наукой. Алекс удовлетворился этим – да он, как видно, и не жаждал выслушивать более развернутое повествование: сразу заговорил о себе и всю дорогу рассказывал о своих успехах. Бросив учебу в аспирантуре, он сначала подрабатывал переводчиком в турагентстве – благо все выпускники филфака хорошо знали не менее трех иностранных языков, – затем года два занимался компьютерным «железом», а потом окончил курсы программирования и дальше пошел по этой стезе, поднявшись до высокой должности с очень хорошей зарплатой, позволявшей иметь и квартиру, и машину, и возможность отдыхать за границей. Через три года по окончании Академии он женился на одной из бывших сокурсниц, но вскоре развелся – «детей, к счастью, не назвали», – и вот уже несколько лет

был свободным, обеспеченным и довольным жизнью мужчиной. С Афинаидой он разговаривал в покровительственном тоне: очевидно, ему доставляло удовольствие показывать свое материальное и социальное превосходство, довольство собой и собственной судьбой.

Афинаида слушала его и вспоминала, что он и в юности был таким же самовлюбленным, смотрел вокруг свысока и больше всего в жизни ценил материальную обеспеченность и комфорт. Как она могла влюбиться в него?! Что она в нем находила, даже внешне? Теперь она поглядывала на него и думала, что ей не нравятся ни его золотисто-русые волосы, ни округлые черты лица, ни взгляд серо-голубых глаз с поволокой, ни вальяжные манеры, – словом, ее вообще ничто в нем не привлекало! Как могла она из-за него попасть в такую яму?! Господи, как обидно, как глупо!

На прощанье Алекс дал ей визитку и сказал, что если понадобится компьютерная помощь любого рода, он всегда готов ее оказать. Афинаида поглядела вслед отъезжающей серебрястой «ауди» и подумала, что вряд ли когда-нибудь обратится к нему... Однако ей пришлось вспомнить о нем спустя полтора года: понадобилось распечатывать тексты и бумажки для беседы с будущим научным руководителем и подачи документов в аспирантуру. Принтера у нее не было, а у Марии, к которой она обратилась за помощью, он оказался в ремонте. Тратить деньги на распечатку в копировальном центре не хотелось и, поколебавшись, Афинаида решила позвонить Алексу. К тому же ей стало любопытно посмотреть, как живет бывший однокурсник из числа сделавших карьеру на светском поприще. Он любезно согласился помочь, и она пришла к нему домой – в благоустроенную по последнему слову техники двухкомнатную квартиру на седьмом этаже нового дома, с видом на исторический центр Афин. Правда, несмотря на дизайнерские изыски, квартира показалась Афинаиде какой-то бездушной, но она не стала говорить об этом Алексу и с готовностью восхитилась, когда он спросил: «Ну, как тебе тут?» Ее не смутил этот вопрос: она видела, что за ним не стоит ничего *такого*, что Алексу просто хочется услышать очередное подтверждение своей успешности; он совершенно не смотрел на Афинаиду как на женщину. Он и в Академии не замечал ее, хотя в то время она одевалась как все и на внешность не жаловалась, а теперь она походила на законченную старую деву, спрятав свою женственность под мешкообразные юбки и балахонного вида блузки. Вероятно, Алекс видел в ней этакое странное чудо-юдо, «бедняжку», нуждающуюся в покровительстве, и разыгрывал богача, благотворящего убогой и не состоявшейся по жизни сокурснице.

И вот, внезапно Афинаиде захотелось показать ему, что она больше не чудо-юдо, и посмотреть, как он отреагирует на ее новое «воплощение». Придя к нему вечером накануне конференции распечатать доклад, девушка с тайным удовольствием отметила растерянность Алекса: ее бывший пассия неожиданно увидел, что она весьма и весьма привлекательна.

– Ты отлично выглядишь, Ида! – сказал он, окинув ее откровенно оценивающим взглядом.

«А, господин Рувас, так вы, наконец, заметили, что я не предмет мебели?» – так и хотелось ей сказать, но она лишь мило улыбнулась. Когда она, собираясь уходить, надевала в прихожей туфельки, Алекс сказал:

– Слушай, Ида... а что ты делаешь завтра вечером? Давай сходим в кино или в кофейне посидим? Расскажешь, как прошел твой доклад, поболтаем...

Афинаида мысленно усмехнулась: «С чего это тебя вдруг заинтересовали мои научные занятия?» – однако ей стало приятно от подобного внимания. Еще ни один мужчина не приглашал ее провести с ним вечер, если не считать сокурсника Тараха, смешного юноши с вечно всклокоченными рыжими волосами, который был безответно в нее влюблен со второго курса по пятый и даже сделал предложение, получил решительный отказ и с горя уехал работать на Родос. Мария рассказала, что в итоге он весьма преуспел и стал директором пятизвездочного отеля, обладателем толстушки-жены и троих детей...

– Думаю, завтра у меня будет отходняк! – Афинаида рассмеялась. – Так что я вряд ли буду в состоянии куда-то идти.

– А в четверг? Давай тогда в четверг, а? Махнем в кино, а потом в кофейню!

«А почему бы и нет? – подумала девушка. – Мари всё твердит, что мне надо раскрепощаться... Вот и попробую, а что, подходящий случай!»

– Да, можно... В кино я давно не была. Только не раньше пяти, я до обеда работаю.

– Заметано! Я позвоню тебе в четверг после полудня, идет?

– Лучше свиток пришли, я в библиотеке не могу по телефону болтать.

– Окей, тогда жди послания!

Во вторник утром Киннам появился в резиденции Иоанна-Павла за пять минут до назначенных ему одиннадцати часов. Согласно протоколу папского двора, великий ритор облачился в церемониальный палатий – придворный мундир, по виду напоминавший длинный пиджак из драгоценного черного шелка, с золотой вышивкой на плечах и обшлагах рукавов, которая обозначала принадлежность владельца к пятому классу имперских чиновников. Чиновником в собственном смысле ректор Афинской Академии не являлся, но был к ним приравнен, как и остальные руководители главных учебных заведений ромейской державы. Палатий Киннаму приходилось надевать редко, лишь в самых торжественных случаях, но он по опыту знал, что это придворное облачение действует на собеседников завораживающе, даже если они сами не последние люди. А уж в Польше, которая так держится архаичных обычаев, да еще в резиденции старокатолического папы-традиционалиста палатий был вполне уместен и без всяких протоколов. Но чувствовал себя Феодор в нем не вполне удобно: жесткие шитые планки делали одежду негнушейся. Зато часовые роты шляхетской гвардии оценили его наряд и, по команде капрала, отсалютовали Киннаму алебардами с заметным воодушевлением.

Войдя внутрь, великий ритор очутился в просторном холле с колоннами, где его встретил учтивый монашек в серой рясе. Они прошли по длинному коридору, украшенному изумительной деревянной резьбой, с расписными плафонами на потолке, и очутились в приемной. Тяжелая дверь распахнулась, и Киннам, войдя, сразу увидел того, на кого с восторгом смотрели добрые католики всего мира: папа сидел у стены большой комнаты, на троне, к которому вели три высокие ступени. Он был одет, как обычно, в белую сутану, а поверх нее – в красную подбитую горностаем моцетту с капюшоном, архаичного вида, застегнутую на груди. Иоанн-Павел выглядел глубоким стариком, в соответствии с возрастом – великий ритор знал, что понтифику далеко за восемьдесят, – но глаза его светились умом и были полны жизни. В целом же в фигуре папы не было ничего особо величественного: сутулый маленький человек с мясистым крючковатым носом и бледными губами. Но улыбался он ласково. По сторонам трона стояли два кардинала в красном, глядевшие на гостя совершенно безразлично, хотя Феодор почувствовал, что в глубине души клирики чрезвычайно заинтересованы появлением здесь столь диковинного посетителя.

После дежурного, но вовсе не краткого обмена приветствиями папа, смотревший на Киннама не отрываясь, заметил легкую заминку в его речи. Великий ритор уже сказал почти всё, что полагалось, и секунду замешкался, обдумывая, как продолжить разговор, но не придумал ничего и разразился новой пышной тирадой, под конец даже пожелав Иоанну-Павлу вернуть себе трон святого Петра. Киннаму, впрочем, нисколько не пришлось в данном случае кривить душой, ибо нынешний Ватикан и настоящего Римского папу он не любил: слишком мало было у них вкуса и слишком много желания подстроиться под политическую конъюнктуру.

– Престол Святого Петра? – переспросил папа, ослабившись. – Так ведь я на нем сижу! – Он слегка хлопнул ладонями по ручкам своего кресла и развел руки в стороны, изображая растерянность.

Киннам смешался: о троне, на котором, согласно неким преданиям, восседал апостол Петр, когда был римским папой – о, эти благочестивые легенды! – он слышал, но чтобы вот так сидеть на подобном раритете...

– Да-да, блаженной памяти наш предшественник Иоанн-Иосиф, покидая со своими сторонниками Рим, умудрился вывезти оттуда некоторые реликвии. Разве вы удивлены? – Папа хитро прищурился. Ответить Киннам не успел. Понтифик сделал знак кардиналам и они, слегка поклонившись, покинули приемную залу. – Господин Киннам, вы ведь просили о личной аудиенции? Теперь, когда с официальной частью мы покончили, не угодно ли проследовать в мой кабинет?

– Разумеется, если вы сочтете такой разговор возможным, это будет прекрасно...

– В таком случае я прошу вас пройти вот в эту дверь, – папа указал рукой налево, – ровно через десять минут. Вы уж простите мои старческие немощи... Но вы не будете скучать, оглянитесь вокруг, эта зала того стоит.

Произнеся эту фразу, папа вдруг дернулся и поплыл куда-то в сторону. Киннам с удивлением смотрел, как часть стены вместе с тронном, на котором сидел краковский понтифик, стала поворачиваться вокруг своей оси. Мелькнули очертания соседней комнаты – и вот, на том месте, где сидел папа, остался лишь пустой трон. Трон святого Петра...

Несколько секунд Киннам размышлял над этой метаморфозой и, решив, что так, видимо, здесь принято, обратился к висевшим на стенах картинам. Да, тут было на что посмотреть! Полотна Джотто висели в простенках между витражными окнами – неудачное размещение, но картины деликатно подсвечивались невидимыми светильниками, так что старинная живопись была хорошо видна. С удивлением Киннам обнаружил здесь и выполненный, по-видимому, большим мастером портрет маршала Пилсудского на белом коне, в конфедератке. Маршал грозно смотрел вдаль, за его спиной двигалась бесконечная лента конницы... Из созерцания Киннама вывел тихий мелодичный звон. Дверь слева от папского трона открылась, и Феодор поспешил пройти в кабинет. Иоанн-Павел сидел за длинным столом, на котором стояли две чашечки кофе, два приземистых бокала с красным вином и большой включенный ноутбук. Папа был уже в простой белой сутане, с камауро на голове. Киннам быстро огляделся: везде висели картины, стояли книжные шкафы и стеклянные стеллажи. По левую руку, возле подвижной стены, Киннам заметил папский трон – только с этой стороны к нему вместо ступеней вел пологий пандус. Взглянув в окно, великий ритор невольно вздрогнул: за ним виднелась залитая солнцем римская площадь Святого Петра...

– Не удивляйтесь, сын мой, – папа тихонько засмеялся, – это всего лишь голограмма. Там, за окном, внутренний дворик... не очень красивый. Что поделаешь, места у нас мало. А в Вавеле его еще меньше, даже для резиденции недостаточно. Но что есть, то есть, спасибо маршалу, пусть упокоится со святыми...

– Я уж было подумал, что случайно перенесся в Италию! – заметил со сдержанным смехом великий ритор.

– Да, здесь всё напоминает об Италии! Мне иногда и самому чудится, что я там... Если бы не здешнее серое небо... Я стараюсь на него поменьше смотреть. Я родился и вырос в Польше, но мне порой кажется, что это я бежал из Рима от этих новых догматов... и здесь в изгнании, да... Присаживайтесь, господин Киннам. Надеюсь, вы не откажетесь от чашечки кофе и бокала кьянти? Вино настоящее, итальянское, тут уж без всяких иллюзий.

Вино оказалось неплохим, но всё же далеко не высшего качества, особенно по сравнению с кипрским... Зато кофе был отменный, однако папа к нему почти не притронулся.

– Признаться, я себе вас именно таким и представлял, – медленно проговорил понтифик, испытующе глядя на Киннама. – Не удивляйтесь, я ведь знаком со многими вашими работами, они очень хороши. История и литература это прекрасно, хотя я больше занимаюсь философией.

– Простите, таким – это каким? – поинтересовался Феодор.

– Молодым, красивым, достаточно самоуверенным, хотя... У вас, наверное, тоже бывают периоды нерешительности, нелегких раздумий... Вы не обижайтесь – на такой должности, знаете ли, привыкаешь судить о людях быстро, по первому впечатлению.

– Оно часто бывает самым верным. А можно полюбопытствовать: неужели этот трон, – Киннам указал рукой вправо, – действительно тот, на котором сидел апостол Петр?

– Ну, конечно, он из Рима. – Папа кивнул и слегка задумался. – Хотя по поводу апостола... Вы же ученый, всё понимаете. Главное – символическое значение этого седалища. Вы читали ли последнюю монографию Папахристуло о символе?

– Да, и был поражен! – Киннам воодушевился. – Как прекрасно она написана, сколько там верных наблюдений!

– Да-да. Вот именно. Наблюдений. Вот, посмотрите, на вас мундир, который символизирует иерархичность государства, которое давно уже не так иерархично, как при Константине Порфирородном. На мне тоже белые одежды, которые должны символизировать духовную власть, единственную в своем роде и утвержденную в единственном городе... Но что теперь? И понтифик формально не один, и город совсем другой, и даже вот этот престол – их два, если вы заметили. И я уже не помню, где подлинный. – Тут папа мудро улыбнулся, от чего его нос почти коснулся верхней губы.

– Может быть, подлинный все-таки в музее? – осторожно предположил Киннам.

– Может быть, – охотно согласился Иоанн-Павел. – В наше время ни в чем нельзя быть уверенным. Вернее, всё неоднозначно. Но именно эта неоднозначность и говорит о развитии, не так ли?

– Но всё же есть вещи единственные, неповторимые в своем роде...

– Это вы не на константинопольские ли святые намекаете? – вдруг спросил папа.

– Честно сказать, нет, но... тем не менее, я осмелюсь поинтересоваться: правда ли, что в ваших покоях находится знаменитая икона «Госпожа Дома»?

– Да. Я ждал вас. Собственно, не вас, а кого-нибудь с этим вопросом. Я слежу за новостями. Я всё обдумал и готов расстаться с ней, хотя это мой любимый образ. В конце концов, не унесу же я ее на тот свет...

– Я могу заверить вас, что, в случае принятия вами такого решения Империя, безусловно, не останется в долгу, – заявил Киннам, смешавшись. Всё разворачивалось как-то слишком быстро, и дело уже явно выходило за рамки его компетенции.

Иоанн-Павел между тем отъехал прямо в кресле – оно оказалось самодвижущимся – к стене и с превеликим трудом встал на ноги. Киннам вскочил с места и сделал было движение чтобы помочь старику, но тот остановил его взмахом руки. Резная панель перед папой отъехала в сторону и Феодор увидел, что за ней скрывается небольшая молельня, наполненная иконами и горящими лампадами.

– Пожалуйте сюда! – позвал папа.

Великий ритор приблизился. На дальней стене молельни висела большая византийская икона в драгоценном киоте. Богородица смотрела прямо на него, скорбно и одновременно необычайно проникновенно. Киннам невольно перекрестился.

– Подойдите, подойдите поближе, посмотрите, – пригласил папа. Киннам подошел. – Видите, в правом нижнем углу, похоже на трещинку?

Да, трещинку он заметил – черную, змеящуюся, слегка напоминавшую кляксу. Она была явно нарисована... Да это и не трещинка вовсе, а подпись!

– Болоньезе? – воскликнул Киннам.

– Да, великий копиист.

– То есть икона не подлинная.

– Во-первых, икона подлинная – как может быть иначе? Во-вторых, я же не сказал вам, что это непременно будет та самая икона, которую вывезли из Константинополя! Та находится в соборе святых Станислава и Вацлава, разве это не известно императору?

– То есть вы хотите сказать, что...

– Да, разумеется, мой личный образ придется отдать в собор. Но ничего не поделаешь, ничего не поделаешь... И, вы понимаете, факт замены нельзя будет скрыть от верующих, так что... Помогите мне, пожалуйста, сесть.

Киннам быстро вернулся к Иоанну-Павлу и поддержал его за локоть. Понтифик и сам ухватился за руку великого ратора и тот с удивлением отметил, что эта рука совсем не слаба – такой железной хватке мог бы позавидовать и молодой человек. Но вот ноги его... Пока папа опускался в кресло, Киннам успел удивиться еще раз: пурпурное покрывало немного сползло со спинки и стало заметно, что это – тоже «трон апостола Петра», только на колесах и с мотором.

– Так что, – продолжал папа, вырывая на середину комнаты, – извольте видеть, вон там лежит альбом, откройте, пожалуйста, заложенные страницы.

Великий ритор заметил лежавший на столике у стены большой красочный альбом... поразительно знакомый! Ну да, «Сокровища константинопольского Большого Дворца»... В нем были две закладки: «Мадонна с книгой» Рафаэля и «Юноша с корзиной фруктов» Караваджо. «Однако он знает толк в торговле! – подумал Киннам. – И в искусстве тоже...» Вслух же сказал:

– Я понял вас, ваше святейшество, но, боюсь, ничего не могу вам сейчас сказать, ведь я приехал не для переговоров...

– Прекрасно, но я-то их уже веду, и разве не в моей власти выбирать, с кем переговоры вести? – мягко, но настойчиво заметил папа. – Между прочим, вы не могли бы мне прояснить такой вопрос... Я часто задаюсь им, и не я один. Для чего ромеям вдруг понадобились эти сокровища? Особенно «Госпожа Дома?» Или императорский дом внезапно стал нуждаться в особой защите?

Киннам молча развел руками и снова вспомнил диалог с августом за бильярдом. «Не всегда бываю в этом уверен», – что означали эти слова Константина? Признание того, что соперник достаточно силен? Конечно, чего ж еще ожидать после такого признания, как не изощренной мести!

– Понимаю, понимаю... – закивал между тем папа. – Были бы реликвии, а как их использовать, всегда можно придумать. Мне даже почему-то кажется, что его императорское величество и сам толком не знает пока, что будет со всем этим делать. Ну, да ладно, это его трудности, а у нас ведь сейчас свои, господин Киннам, вы о них слышали, не так ли?

– Вы имеете в виду скандал с кражей секретной переписки?

– Именно, именно, сын мой. Но давайте вернемся к столу, дело-то серьезное...

Иоанн-Павел снова оказался на своем месте возле чашки с остывшим кофе, Киннам опять сел напротив. Папа на мгновение замер – причем Феодор вдруг заметил на лице старика болезненное, почти страдальческое выражение – и быстро пробормотал:

– Еще несколько минут, господин Киннам. Я должен заглянуть в почту... Поймите меня правильно, не обижайтесь... Ознакомьтесь пока с материалами. – С этими словами Папа извлек откуда-то пачку документов, которые, очевидно, касались громкого скандала последних недель, и протянул ее великому ратору, а сам придвинул к себе ноутбук и бойко застучал по клавишам.

Киннам решил ничему здесь не удивляться, поэтому углубился в чтение документов. Фабула дела была всем известна: папский камердинер, сговорившись с другими служащими, выкрал секретную переписку понтифика и теперь постепенно выкладывал ее в интернет. В основном это были письма старокатолических епископов со всего мира, в которых говорилось об аморальном поведении духовенства. Наверняка многие из них были фальсифицированы, но...

– Я освободился, господин Киннам! – сообщил Иоанн-Павел, отодвигая ноутбук. – Мне много времени на это не нужно. – На физиономии папы сияло самое умиротворенное из всех возможных выражений, понтифик был спокоен и весел. – Прошу еще раз меня извинить. Видите ли, нельзя упускать шансов общаться с людьми. У меня есть свой блог, и...

– Вот как? – удивился Киннам. – Никогда не слышал. Знаю только, что если лицо такого масштаба, как вы, начинает пользоваться социальными сетями, его сразу заваливают сообщениями, по большей части дурацкими.

– О, нет, – папа тонко улыбнулся, – этот блог, конечно, не личный блог Кароля Войтылы, блог официально ведет пресс-секретарь краковского престола, я же только иногда пользуюсь возможностью... У меня там свой круг общения... Но к делу! Дело, как видите, очень неприятное, господин Киннам. Дело серьезное. Некоторые даже рискнули предположить, что налицо заговор с целью заменить папу-поляка на папу-итальянца и в скором времени вообще уничтожить старокатолическую церковь. Причем вы понимаете, какой стране это может быть выгодно?

– Британии?

Иоанн-Павел не ответил, но посмотрел на Киннама с явным одобрением.

– По нашим сведениям, мой бывший камердинер Паоло Габриэле сейчас находится на территории Империи. Но вы знаете, у Вавеля с ромеями нет договора об экстрадиции... Как и ни с кем нет, у нас же государство размером с чайную ложечку, мы никогда не думали, что кому-то всерьез помешаем. Но ведь император Константин имеет возможность издать именной указ и выдать преступника Вавелю...

– Выше святейшество, думаю, вы можете себе представить, насколько мне неловко обсуждать вопрос о лишении свободы незнакомого мне человека?

– Понимаю. Но вопросы его свободы должен решать суд, не так ли? Пусть он и решает. Паоло – вор. Полагаю, такие деяния, какие совершил он, и в Византии считаются преступлениями?

– Безусловно.

– Вот и я не хочу ничего более, лишь торжества справедливости. К сожалению, с арестом Паоло поток публикаций едва ли прекратится, всё зашло слишком далеко... Но, тем не менее, наказать его необходимо, тем более, что эта компания, подозреваю, работает на наших общих врагов, и... Вы ведь правильно всё понимаете, господин Киннам? О содержании нашей беседы от вас должен узнать еще только один человек.

Киннам значительно поклонился.

– Но лично для вас, не для этого человека даже, я должен признаться, что Вавелю необходимы более тесные отношения с Константинополем. Да и самой Польше, конечно. Что бы она делала, если бы в тридцать девятом году ромеи не дали гарантий наших границ и на нас бы напали московиты? Тогда ведь страна была совсем слабой... Да... Ну, а лично для себя... Я, представьте, до сих пор трагически переживаю наше разделение – разумею схизму тысяча пятьдесят четвертого года... Я даже готов признать, что мы, возможно, были неправы... Эта идея-фикс о главенстве папы – к чему она привела?... Однако, вы, подозреваю, не особо религиозный человек?

Киннам кротко улыбнулся.

– Да, люди редко бывают религиозными в вашем возрасте. Мудрость уже пришла, с ней скепсис, а старость еще не подступила... А ко многим и мудрость не приходит – этим, кстати, прекрасно умеют пользоваться ватиканские шуты. Подумайте, ведь то, что они делают, возможно лишь при условии, что паства примет всё, любую нелепость. Чего стоит одна только ужасная церемония с установкой языческого идола! В Амирии, у индейцев, и с участием римского «папы»! Уму непостижимо.

Киннам вздохнул. При всем его старании держаться от религии подальше пляски вокруг индейского идола шокировали и его – прежде всего абсурдностью и безвкусицей.

– Ну вот, – продолжал Иоанн-Павел, – а меж тем мы, консервативно верующие нации, чуждаемся друг друга, спорим... Мы держимся за опресноки, вы за квасной хлеб. А есть ли в этом смысл? Снова символы, но... всего лишь символы, не так ли?

– Есть ведь еще Филиокве,¹ – осторожно заметил Киннам.

– Ах, оставьте! Я уверен, что можно было найти приемлемые формулировки, договориться. Может быть, и найдут еще... Но не при мне и даже не при ваших детях, это уж точно. Если только с миром не случится что-нибудь ужасное и бывшие непримиримые противоречия не станут казаться иллюзиями.

– Здесь я ничего не могу сказать, ваше святейшество, – задумчиво ответил великий ритор. – Мне кажется, православные и католики уже настолько разные, настолько иначе мыслят и существуют, что их соединение... Взять хотя бы нашу официальную мифологию, касающуюся чуда избавления Города. Ведь считается, что оно произошло исключительно благодаря отвержению унии с Римом...

– То Рим! Между прочим, я иногда ставлю здесь с гостями интересный эксперимент. Пожалуйста вот в тот, дальний угол, к столу.

Киннам встал и направился туда, куда указал понтифик. Следом подъехал и папа в своем кресле. На столе лежал большой кусок дерева, обитый малиновым бархатом, рядом – изящный серебряный молоточек и несколько коробок с разноцветными гвоздиками.

– Пожалуйста, господин ученый! Какие гвоздики вам больше нравятся? Медные, бронзовые, латунные? С чернью? Извольте выбрать любой и забить в это полено, – весело предложил папа.

Феодор взял небольшой медный гвоздик и несколькими ударами погрузил его в дерево по самую шляпку.

– Получилось? Гвоздик был медный, не так ли? Поверьте, люди до вас выбирали самые разные. А теперь присмотритесь: велика ли разница? Попробуйте хотя бы найти свой.

Киннам усмехнулся: от ударов молотком тонкое медное напыление стерлось и гвоздик его... Но где же, в самом деле, гвоздик? Бархат был весь усеян блестящими шляпками, ничем не отличавшимися одна от другой.

– Да, таков наш мир – сплошная имитация, – серьезно подытожил Киннам. – Но, согласитесь, этот опыт имеет смысл только в том случае, если гвоздики сделаны из одного материала и лишь слегка покрашены в цвета разных металлов.

– Разумеется! – воскликнул папа. – Но разве вы не согласны, что и с разными людьми чаще всего дело обстоит именно так?

– Соглашусь, пожалуй, – ответил Киннам и почему-то вспомнил об Афинаиде.

«Все-таки интересно: мы с ней такие разные, – подумал он, – но не скрывается ли под внешними различиями нечто общее? По крайней мере, нам обоим жизнь задавала изрядную

¹ Филиокве (лат. Filioque – «и Сына») – добавление к латинскому переводу христианского Символа веры, начавшее распространяться на западе еще в конце VII в. и окончательно принятое Римской церковью в XI в., утверждающее, что Святой Дух исходит не только от Бога-Отца как от причины, но и от Сына. В Византии эту прибавку к Символу сочли незаконной и еретической, что стало одним из поводов для разделения восточной и западной церквей.

трепку, хотя и разного свойства... Да, ведь у нее сегодня доклад! Надо послать свиток ближе к вечеру, узнать, как всё прошло, она так волновалась...»

– Ну, прощайте, господин Киннам, – вдруг произнес папа. – Очень был рад встрече с вами и... Я знаю, у вас хорошая память на образы и разговоры.

Взглянув в лицо Иоанна-Павла, Киннам заметил признаки уже знакомого беспокойства и озабоченности.

– Прощайте, ваше святейшество! Полагаю, вам снова пришло время проверить почту?

Понтифик улыбнулся, кивнул и развел руками, как бы говоря: что поделать, что поделать, это мой долг...

Доклад прошел замечательно: Афинаида прочла его без запинки и весьма живо, слушали ее внимательно и с интересом, а потом задали несколько вопросов, на которые она вполне внятно сумела ответить. Сбегая вниз по главной лестнице буквально как на крыльях, Афинаида ощутила, что никакого отходняка у нее не будет, что жизнь налаживается и может быть очень даже прекрасной... Перед большим зеркалом на втором этаже она невольно остановилась и посмотрела на себя: да, в этой изящной и стильно одетой девушке с блестящими от радости глазами трудно узнать прежнюю Афинаиду. Неудивительно, что Алекс опешил, увидев ее в таком преображенном виде!

Она улыбнулась своему отражению, и тут в сумочке пискнул мобильник – пришло сообщение. Афинаида достала телефон, нажала кнопку, и сердце ее прыгнуло и затрепетало: свиток был от Киннама. «Как Ваши успехи?» – спрашивал великий ритор.

Он помнил, что у нее сегодня доклад, интересовался, как всё прошло! Ей захотелось написать ему длинное сообщение, но она тут же одернула себя: Киннам – человек занятой, нечего утомлять его... И она ответила одной фразой: «Спасибо, все прошло хорошо, и вообще мне понравилось!» Через минуту пришел ответ: «Поздравляю! Я знал, что Вы справитесь :)».

Хотя с утра накрапывал дождь, к вечеру распогодилось, и Афинаида прошла часть дороги до дома пешком, любуясь, как заходящее солнце зажигает малиновым пламенем окна домов. Хотелось пританцовывать на ходу, махать сумкой и напевать... О да, она была очень рада успеху своего доклада. Но не еще ли больше – сообщению от Киннама? Когда-то подобный вопрос вызвал бы у ней приступ изощренного самокопания в попытках выяснить, какого именно греха тут больше – тщеславия или блудных мечтаний, – но теперь она просто шла по улице и радовалась жизни, и ее совсем не тянуло разбираться в этих материях. Она так долго отравляла себе жизнь такими «духовными упражнениями», но несколько не приблизилась к совершенству, а первый же разговор с великим ритором показал, что она далека от святости даже по критерию этого мира, что уж говорить о том «высокодуховном» мире, в котором она провела десять лет... И довольно, довольно! Она достала мобильник, перечитала последнее сообщение от Киннама, улыбнулась и направилась к остановке автобуса.

Придя домой, она едва успела переодеться и поставить чайник, как запел мобильник. Номер был незнакомый.

– Привет! – сказал в трубке голос Ирины. – Ну что, будем встречаться? Я как раз недалеко от тебя прохожу! Поболтаем?

– О, давай, заходи! У меня даже есть, что отметить! – Афинаида обрадовалась: она вдруг почувствовала, что со старой знакомой приятно увидеться именно сейчас, когда жизнь преподнесла такой очаровательный подарок.

Ирина явилась через четверть часа.

– Хорошо выглядишь! – сказала Афинаида при виде подруги.

Ирина, пожалуй, не смотрелась моложе своих сорока лет, но выглядела и правда очень неплохо: стройная фигурка, темные брюки, выющиеся короткие волосы. Улыбка вроде бы прежняя, хотя уже усталая у краешков губ. Трудно было сейчас представить эту женщину в мешковатой юбке и сбившейся косынке, которые она так любила десять лет назад. Да и дети больше не висели за ее спиной, не вились вокруг с бесконечными «мам!»

– Садись, садись! – Афинаида хлопотала на кухне, усаживая подругу в покойный уголок, прямо под иконой Богоматери. – У меня, правда, как всегда, нет особых вкусностей, но вот ликер, и... Сейчас, подожди... У меня ведь сегодня был первый в жизни доклад, представляешь? И прошел на ура! Так что...

– Здорово! А я-то, глядя на тебя, уж подумала: ты влюбилась!

Афинаида застыла на секунду перед холодильником и быстро принялась вынимать оттуда яблоки, виноград, корзиночку с остатками клубники. Гостья тем временем расположилась поудобнее и достала сигареты:

– Можно дымить?

Наверное, говорить «угу» не следовало – сигаретный дым хозяйка не переносила, – но ей не хотелось казаться старомодной. Афинаида открыла пошире форточку, разлила по рюмкам ликер и, усевшись напротив гостьи, тряхнула головой:

– Ну, давай за науку!

– Давай-давай. Вижу, у тебя с ней роман!

– Да, что-то в этом роде! Ну, а как ты? Как ты теперь живешь? Расскажи! Я ведь думала, вы так и подвизаетесь в своей «пустыне»!

– Ой, нет, что ты! – Ирина как-то криво усмехнулась и махнула рукой, разгоняя дым.

Задолго до ареста Лежнева она с мужем и детьми перебралась на крохотный и почти необитаемый островок. Отец Андрей не был от этого решения в восторге и пытался отговорить благочестивое семейство – не в последнюю очередь из-за нежелания лишиться верной и бесплатной помощницы. Но Василий остался непреклонен: в городе им с семьей спастись нельзя, детские души необходимо удалить от пламени порока... Он приобрел за бесценок старую хижину в отдаленном углу Кикладского архипелага и поспешил переехать туда. Этот поступок считали безумием многие, но не Афинаида. Она лишь говорила Василию, что жить вдали от цивилизации прекрасно, но все-таки нужны хоть какие-то средства для существования. Лодка с рыболовной сетью, ветрогенератор... может быть, даже маленький культиватор с плугом, если почва пригодна под огород. Василий вроде бы и соглашался, а всё равно отбыл из Афин только с мешком крупы и чемоданом книг, среди которых самым легкомысленным чтением были жития святых. Потом звонил несколько раз, хвастался, что живут они хорошо, «Господь помогает». «Господа» в данном случае зовут тетя Фаина – Ирина мама: она ухитрялась выкраивать драхмы из вдовьей пенсии и посылать «отшельникам» муку, мыло, и еще всякое, без чего нельзя обойтись. Зять не терпел тещу за «безбожие» и посылки предпочитал не замечать. Не замечал он и того, что дети, несмотря на жизнь у моря, растут невеселыми и хилыми...

– Мы на острове продержались ровно три года, – рассказывала Ирина. – Ах, какая там красота была, ты и не вообразишь! Закаты, восходы, море светилось, прозрачное-прозрачное, каждый камушек виден! Правда, зимой было холодно. – Тут она сразу помрачнела и даже поежилась. – Василь печку сложил, но топлива на острове мало. Сидели зимой при огарках, в сырости, и слушали, как море ревет. Брр... С местными особо не сходились, они все сквернословы. То есть так муж говорил. Работы там, конечно, не было, а рыбачить он не хотел – «душа не лежала». Осенью оливки запасали, мидии пытались собирать... Молились, конечно, много. Акафисты эти читали. Но это поначалу, а потом всё меньше и меньше, стало не до того. И Василь стал задумываться, уж о чем – не знаю, я уже перестала понимать. Мы ему как будто мешали... Ему всё мешало – и все. А когда он вдруг собаку удавил, потому что много ест

и мешает, я поняла, что любой из нас, наверное, не ценнее... – Ирина опрокинула еще одну рюмку ликера и жадно затянулась новой сигаретой. – Но я бы сама никогда его не бросила, ты же знаешь...

– Так ты его бросила? – почти вскричала Афинаида.

– Да. Можно так сказать. Хотя он хороший, ласковый... когда не сходит с ума от идеи. Вот... А потом он сам ушел. То есть сначала мы сбежали с острова. Он сказал, что ему страшно и больше он там жить не может. Поселились возле одного монастыря, там хоть чем-то можно было подкормиться... Боже, какая же я дура была! Я даже крестики вырезала для монастырской лавки по две драхмы за десяток! Все руки бывали в крови. Кто спрашивал – говорила, что мужу трудно, не успеваешь всего. А он... То что-то делал, то вдруг бросал всё надолго. Или сидит книжку читает и всё что-то подчеркивает карандашом, жирно так. Или просто сидит, смотрит на море часами. Молчит и молчит, прямо страсть! Как-то сказал, что хочет поехать в Московию, пострадать за Христа. Насилу отговорила! Письма к нему какие-то приходили...

– Я знаю, это наши ему писали о православии, о ересях...

– Ну да, ну вот... – Ирина потеряла веснушчатый носик. – На ересях-то он и съехал! А как отца Андрея арестовали, сказал, что всё, никакого православия больше нет и не будет, и церкви пришел конец.

Афинаида удивленно вскинула брови.

– Да-да! И он тогда сразу нашел себе в деревне какую-то бабу. Вернее, это она его нашла, чтобы помог крышу покрыть. Ну, и покрывал бы там всё, что хотел, так ведь ему мало было – приходил оттуда через день, и рассказывал, какая она хорошая, и умная, и красивая, не то, что я в своих юбках...

– Ой-ой! – Афинаида не выдержала и, вскочив, подошла к окну, выглянула на темный двор и снова повернулась к подруге. – И что же, получается, это – итог? Нужно было столько подвизаться, мучиться, чтобы потом просто отпустить себя... «на волю»? Я знаю, некоторые из наших тоже... Вот, помнишь Романа?

– А, «идеальный послушник»? – Ирина издала смешок.

– Да. Я про него случайно узнала, он тоже... всё бросил, стал пить, курить, с женщинами... А ведь он правда был почти идеальным! С точки зрения отца Андрея, по крайней мере... Нет, я могу понять: после того, что случилось, можно разочароваться во многом, даже в отчаяние впасть, но... Ведь была же у нас вера? Разве мы не ради Бога подвизались? И вот так, одним махом, бросить вообще всё, уйти в полную противоположность? Я не понимаю!

– Ты и не поймешь, наверное. – Ирина посмотрела на подругу с неожиданной грустью. – Василь потом вернулся, просил всё забыть, предьявлял права. Но мне уже так хорошо было без него! Дети всё спрашивали с надеждой: «Он не приедет больше, правда?» Запомнили, как папа их благочестием обучал... через мягкое место! А мне так обидно стало и, в общем-то, уже всё равно. Собрала своих и уехала к маме. Но у нее домик маленький, пришлось комнату снимать. Потом квартиру.

– А как же... Тебе что, удалось найти хорошую работу?

– Да, я сразу в порт и устроилась. Вернее, меня устроили. – Ирина загадочно улыбнулась. – Сваришь кофе, а?... Нет, он, в сущности, бескорыстно! – объясняла она спине подруги, сутившийся у плиты. – Так вышло, сосватали мне мужичка одного неприкаянного, лет сорока пяти. И дело не в том, конечно, что мне нужно было с кем-то спать, просто...

Афинаида обернулась и уставилась на подругу. Ей вдруг показалось, что она до сих пор знала не Ирину, а только ее половинку. Или даже четверть – краешек бледной щеки, серый глаз без тени косметики, что выглядывал из-под потертого платка. А сейчас на нее смотрело другое лицо: милое, улыбающееся, но совсем чужое – или это впечатление пройдет? – и она не могла понять, нравится ли ей это лицо. Но выражение лица было вполне человеческое, временами по нему пробежала тень страдания.

– Просто иногда бывает настолько одиноко, что хочется прислониться хоть к фонарному столбу! – продолжала Ирина. – И пусть у столба свои желания, а до твоего одиночества ему и дела нет, это не так важно... Говорят, у северян даже такая присказка есть: «Хоть грязненький, хоть пьяненький, но лишь бы кто по дому в штанах ходил».

– Никогда этого не понимала и не пойму! – Афинаида помотала головой. – Штаны и самой можно надеть, если очень хочется! Но хвататься за первого попавшегося мужика, это... это... – Она не нашла слов и со стуком поставила на стол кофеварку, ароматная пена едва не выплеснулась через край.

– Послушай, да перестань ты кипятиться и не смотри на меня с таким ужасом! – Ирина нахмурилась. – Лучше кофе налей. – Она помолчала и вдруг хитровато улыбнулась. – Просто ты никогда не могла понять некоторых вещей и, видно, до сих пор не понимаешь! Ну, ты правда не была в таком положении, и хорошо. А может, и плохо, что ты так и осталась ребенком... что живешь тут, вижу, одна и стол у тебя скоро развалится. Ладно, хоть не монашка, по крайней мере, и то хлеб! Оно, знаешь ли, хорошо быть монахом, но только те, кто по-настоящему хотели, уже стали. А остальным, вот, приходится крутиться как-то там... бороться с обстоятельствами... А хуже всего, знаешь, это православное лицемерие. Дескать, проживем в браке, вырастим детей, а потом по монастырям разойдемся... И что это за жизнь начинается? Знай себе, постись да поросись, спасайся чадородием! Я ведь там, на острове, четвертого родила, хотя и подумывала уже, как бы от этого дела отвертеться... Нет, я их всех люблю, конечно, – спохватилась Ирина, – только жалко их очень! Большие стали, в церковь не затащишь. Так и хожу одна...

– Ой, а куда ты ходишь? – Афинаида оживилась.

– К отцу Диодору, в церковь Одигитрии, на Диоскуровской. Младший мой пока с нами живет, вот его и вожу...

– С «вами»?.. Ах, да, мужичок?

– Нет, дитя мое! Мужичка того надолго не хватило. Женская ласка, знаешь ли, расслабляет, герою хочется новых подвигов... Ну, не важно!

– Так ты... замужем? – Афинаида мысленно отругала себя за запоздалый вопрос: сейчас он уже, пожалуй, звучал бестактно. Но разобраться самостоятельно было так же сложно, как в языке дешевых колец, унизывающих Ирнины пальцы.

– Скорее, он за мной... прячется от жены, когда совсем не вмоготу! Ну, это часто... – Тут подруга тряхнула короткими кудрями и засобиралась. – Прости, я ведь по делу шла вообще-то, думала только на минутку забежать...

– Да ладно, подождут твои дела! Посиди еще! Мне ведь всё так интересно и... неожиданно. Я знаю отца Диодора... раньше знала. Он всегда был такой строгий!

– Строгий, да, но и умный тоже. Или ты думаешь, он меня и на порог не должен пускать? Еще как пускает! Часто не причащает, конечно, но я и не стремлюсь. Как есть, так и есть, чего уж тут?.. Я вообще поняла, что вера – это сильный яд, в больших дозах отравляет жизнь и всё убивает. Кто-то может, наверное... Я – не могу.

– Но почему – ты можешь объяснить? Почему так выходит? Я вот... Я ведь тоже теперь далеко не так живу, как тогда... Но мы же могли раньше? Знаешь, отец Андрей тебя в пример мне приводил, как надо жить по-христиански, как вести себя, когда я только еще начинала...

Афинаида почувствовала, что крепкий ликер наконец-то добрался до сердца, и ей вдруг стали как будто даже симпатичны эти тени прошлого и люди, которые сначала наполнили ее жизнь, а потом опустошили... Ирина потупилась и на несколько секунд прижала пальцы к вискам.

– Ида, я до сих пор не знаю, кто такой отец Андрей! – сказала она. – Может быть, великий аскет, а может, великий грешник. Я не понимаю до конца, что происходило с ним и с нами. Но кое-что известно и мне. Рассказать? Слушай! Я ведь до Василия еще умудрилась побыть...

иеромонахиней! Молодой был такой батюшка, задорный... «Ты, – говорил, – должна понять, никто от греха не свободен, и мы, попы, тоже слабые человеки! Только плотский грех апостол в сторонке поставил, но ведь как сказал? „Соединяющийся с блудницей!“ Вот не хочу я с блудницей-то! Это уже совсем нехорошо, неправильно будет!» И что ты думаешь? Наутро каждый раз разрешительную молитву прочитывал: «Чиста ты, дочь»!

Афинаида слушала с замирающим сердцем, совершенно потрясенная. На подругу же напал нехороший задор, она говорила быстро, сбиваясь:

– Со старцем нашим тоже не порядок. По-моему, Лежнев что-то знал про него... Очень уж любил Всебедушка, когда мальчишки вокруг него крутились, ноги, пальцы ему растирали... Не знаю, было ли что еще... А может и знаю, не спрашивай, противно! В общем, Лежнев к нему вечерами, после исповеди приходил и спрашивал, кто, да чем, да о чем... А потом с нами – помнишь ведь: «Мне Господь открыл про тебя, Афинаида...»

– Но ведь это же... – прошептала ошеломленная девушка.

– «Это же»! Там похлеще шуточки были, но опять не спрашивай, откуда знаю! Да я ведь еще и Фролушку блаженного застала, как к нему девок посылали для смирения гордыни! Они натирают ему грязную спину мазями, морщатся, а он хохочет да плюется... Нет, Ида, нечему им нас учить! Ни обыкновенным, ни самым-распресамым православным. Все они на одно лицо! Ну, да Господь им судья, а меня не трогайте...

Афинаиде стало грустно. Потрясение понемногу проходило, и она почему-то подумала, что подруга, несмотря на годы, проведенные в Афинах, осталась провинциалкой. Слишком много эмоций, чересчур яркая помада... Но в то же время – здоровая воля к жизни, свойственная жителям пелопонесских ущелий, которые лишь вздохнут после камнепада и снова начнут пристраивать к утесу немудреный домишко...

– Это всё очень печально, что ты рассказываешь, – промолвила Афинаида. – Мне даже и ответить, наверное, нечего... Ничего, что я только слушаю?

– Да слушай, слушай! Я же к тебе за этим и пришла, не думай. – Ирина засмеялась, но как-то деланно. – Всё равно ты о себе почти ничего не говоришь... Ну, в следующий раз, хорошо? Я страшно рада тебя видеть!

Уже переступая порог, гостя вдруг обернулась и потрепала Афинаиду по макушке:

– А ты не хочешь уже в монахини, как раньше, вот и славно.

Афинаида смутилась:

– Да я еще и не знаю ничего, в общем-то...

– У тебя на лбу, душа моя, написано гораздо больше, чем ты сама знаешь, не обольщайся на этот счет. Ну, пока, ты не пропадай! – Ирина чмокнула подругу на прощание и махнула рукой.

Киннам не спеша брел по улочкам старого Кракова. Опустился вечер, и сумерки оставили для города только два цвета – серый и коричневый. Шершавые стены, булыжная мостовая, клочки зимнего неба – всё, казалось, изменило своим природным оттенкам, приспособившись к этой невеселой палитре. Правда, в окнах горело немало желтых огней, которые оживляли улицы, делая их необыкновенно уютными.

Великий ритор шел в гости. До назначенного времени оставалось еще сорок минут, и можно было неторопливо наслаждаться безмятежностью вечера. Странная у него сегодня намечалась встреча, неожиданная и непонятная. Практически незнакомая девушка пригласила его на семейное торжество, обещая осчастливить нужными фотокопиями... Вот уж такого поворота он не ожидал, отправляясь на встречу с ней в художественную школу!

Школу Феодор накануне нашел без труда. Она располагалась в массивном здании нелепого архитектурного стиля, который когда-то назывался в Восточной Европе «стекло и бетон». Правда, стекла здесь было не так уж много, зато бетонные пилоны, балки и апсиды громоздились внушительно, отчего школа чем-то напоминала старинный форт. Пани Гражину Киннам тоже нашел быстро, и она провела его длинными коридорами, слегка подсвеченными тусклыми светильниками, в крыло, где располагались юные фотографы. Здесь стоял шум, серые стены были сплошь завешены фотографиями, повсюду шныряло разновозрастное детство и юношество. Затем Феодор очутился в большой комнате, заставленной всевозможной техникой: старинные увеличители с кожаными мехами, мультстанки на массивных чугунных станинах, современные аппараты с дисплеями и хромированными рельсами... А также морально устаревшие серебристые приборы с перепутанными пропорциями и компьютеры, компьютеры. Пани Гражина, заметив удивленный взгляд Киннама, объяснила:

– Это все наши шефы. Они уже полвека сюда отправляют списанную аппаратуру, обычно еще вполне пригодную к работе. Но, конечно, половину всего этого хлама давно пора сдать в музей, руки вот не доходят!

За одним из мониторов сидела девочка – вернее, юная девушка, чью необыкновенную красоту отметил даже повидавший всякого Киннам. Светло-русые волосы, разбросанные по плечам в художественном беспорядке, обрамляли милое личико с острым подбородком и нежнейшим румянцем на щеках. На девушке был толстый белый свитер – не особенно новый, весь в катышках, что почему-то сразу бросалось в глаза. Звали ее Божена. Пока пани Гражина объясняла ей про Афинскую Академию, научные степени и мировое имя Киннама, девушка скромно улыбалась, изредка взглядывала на стоявшего перед ней гостя и снова опускала глаза.

– Будьте так добры, сударыня, попробуйте вспомнить, что за документ вы фотографировали. Мне чрезвычайно важно знать, кто его написал и... к кому, – попросил Киннам как можно любезней, когда пани Гражина простилась и оставила их вдвоем.

– Да, я помню, – кивнула Божена, – это были занятия в госархиве по теме «репродукция»... – Она на пару секунд наморщила прелестный лобик. – Одну минуточку, подождите, я не очень хорошо помню, где это у меня хранится... – Ее французский язык был на удивление безупречен. Девушка задвигала мышью, застучала по клавишам, и через несколько мгновений на экране возникли знакомые Киннаму рукописные буквы. Феодор даже затаил дыхание. – Вот оно, пан Киннам. – Божена быстро взглянув на него, и опять уткнулась в монитор. – Нам тогда на практике вынесли целую кипу документов, уверяли, что они не слишком ценные, рассыпь из разных папок... Это, кажется, и есть та грамота, которую вы ищете? Вот оригинал...

Великий ритор впился глазами в документ и – положительно, ему сегодня везло! – обнаружил в углу архивный номер.

– Простите, пани, – сказал он, едва сдерживая волнение, – а нет ли здесь доступа к интернету? Я бы мог сразу посмотреть в архивной базе, что это такое и откуда.

– Нет, интернета здесь нет. Да и к чему лезть в базу? – Божена меланхолично пожалала плечами. – У меня даже первая страница снята, там всё написано. – Она сидела, не шевелясь, и, казалось, вчитывалась в старинную рукопись. Потом усмехнулась, закрыла изображение рукописи и повернулась к Феодору. – А можно ли поинтересоваться, пан Киннам: полагается ли какое-то вознаграждение за мою работу, которая оказалась вам столь нужной?

Киннам удивлялся лишь доли секунды.

– Разумеется, пани, я вовсе не собирался пользоваться вашим трудом задаром! – заявил он как ни в чем не бывало и запустил руку в карман в поисках бумажника. – Итак, сколько я вам должен?

Девушка медленно подняла руку и откинула прядь волос за правое ухо, продолжая пристально смотреть на Киннама с загадочной улыбкой.

– Не кажется ли вам, что это опрометчиво и... не совсем пристойно вот так на людях разговаривать о деньгах? – промолвила она. – Тем более, на нас смотрит столько народу...

Великий ритор вынул руку из кармана и скосил глаз: в самом деле, молодежь за соседними столами практически вся оторвалась от своих занятий и рассматривала его, заморского гостя, с величайшим любопытством. «Я совсем потерял голову в погоне за этой рукописью!» – подумал он и выжидательно посмотрел на юную польку.

– Давайте так, – сказала она, понизив голос. – Я перепишу вам на диск все оригиналы в разных ракурсах, там три страницы. А вы... приходите завтра к нам домой. У папы юбилей, шестьдесят лет, он будет рад такому посещению. Между прочим, у него есть византийский орден – вы знаете, что ваш император в семьдесят втором году наградил участников обороны Брестской крепости? Представляете, как папа вам обрадуется? Вот тогда и поговорим о деле. Я пока подумаю о вознаграждении, которое хотела бы получить. Я вас не разорю, можете не беспокоиться. Считайте, что этим визитом вы уже наполовину меня отблагодарите. – Божена обворожительно улыбнулась, и на ее щеках показались ямочки. – К тому же не думаю, что в архиве вам быстро найдут эту грамоту. Вы в любом случае потеряете много времени, и...

– Ну что вы, пани, – осторожно прервал ее Киннам. – Разумеется, раз мы договорились с вами, я не пойду в архив. Признаюсь, мне несколько неловко являться в ваш дом незванным гостем, но...

– Почему же незванным? – в свою очередь перебила его Божена. – Ведь я вас зову. Забудьте о неловкости, у нас всё без церемоний, папа достаточно простой человек, вот увидите. Люди все хорошие соберутся – с работы, из министерства...

– Хорошо-хорошо, я обязательно приду, – заверил Киннам девушку. «Ну и штучка она, однако! – подумал он. – Похоже, ей нужны вовсе не деньги, а... что же?» Вслух он сказал: – Полагаю, вечер будет достаточно торжественным?

– Естественно! Кстати, есть ли у вас какой-нибудь парадный... мундир? Папа будет на седьмом небе, если вы будете похожи на посланца императора.

– Я попробую его не разочаровать.

Добравшись до места, Феодор, однако, усомнился в том, что попадет на аристократический ужин. Он прошел сквозь грязноватую подворотню, миновал тесный дворик, потом другой – оба вымощенные булыжником и освещенные только яркими окнами чьих-то кухонь – и, потянув тяжелую старинную дверь, вошел в подъезд. Лифта не было, мутноватая лампочка горела высоко под потолком, но всё же Киннам разглядел, что подъезд содержится в порядке, хотя в присутствии кошек нельзя было усомниться. Он поднялся по широкой каменной лестнице с литыми периллами на четвертый этаж, попутно изучая таблички. Многие были старинные, потемневшие – хоть сейчас Кустасу в коллекцию...

На двери квартиры, где жила Божена, красовалась надпись: «Кшиштов Рынский, поручик, кавалер наград». Нажав на кнопку звонка, Киннам едва смог расслышать его звук, хотя, казалось бы, в тишине должна была раздаться громкая трель. Вскоре послышался звон ключей, дверь открылась, и Киннам увидел Божену. Но его поразил вовсе не ее наряд – девушка была в элегантном белом платье, тщательно причесана и покрашена с большим вкусом, – а то, что из открытой двери сразу вырвался шум застолья и звуки музыки.

– Здравствуйте, господин Киннам! – Божена радостно улыбнулась. – И простите: тут уже давно всё началось, но это и лучше, будет меньше церемоний... – Она провела великого ритора по коридору, точнее, через целую анфиладу небольших помещений, разделенных арочными проемами, ввела в просторную ярко освещенную комнату и громко произнесла: – Знакомьтесь, дамы и господа, это господин Феодор Киннам, ректор Афинской Академии.

Великий ритор учтиво поклонился и стал отыскивать глазами виновника торжества. Но еще прежде, чем Феодор обнаружил того во главе стола, в старомодном кресле с высокой спинкой, он почувствовал первую неловкость: за столом расположились люди весьма просто

одетые и в самых непринужденных позах. Раскрасневшиеся немолодые мужчины в рубашках и свитерах, женщины постбальзаковского возраста с пышными прическами и дешевой бижутерией... Словом, Киннам в своем палатии выглядел здесь редкостным павлином.

Хозяин, впрочем, был в военном мундире и при орденах. Он поднялся навстречу, широко улыбаясь. Гости, притихшие на мгновение, приветливо зашумели. Пока великий ритор любезничал с паном Кшиштофом – преподнес ему изящные настольные часы и поздравил с юбилеем, причем Божена переводила, – кто-то освободил почетное место на другом конце стола и придвинул туда большое кресло. В нем Киннам и расположился, девушка села рядом. Сегодня она уже не казалась Феодору такой холодной и деловой, как при первой встрече. Она часто улыбалась очень мило, почти беспомощно, то и дело заливалась краской.

Киннам оглядел комнату: высокий потолок с лепниной, давно нуждающийся в побелке, тяжелая темная мебель невесть какой эпохи, пузатый комод с чучелом печального фазана. На стене две картины: маршал Пилсудский с шашкой наголо, во главе эскадронов, поразительно похожий на того, что висел в кабинете Дембицкого, и «Оборона Брестской крепости». Батальное полотно было по-своему замечательно: польские солдаты – голубоглазые и белокурые, совершеннейшие ангелы с витражей костела – только прикидывались, что отбиваются от наседающих москвитов, а на самом деле возводили глаза к небу, стараясь удержаться в назначенных художником красивых позах, пока автоматы и пулеметы сами собой изрыгали огонь и свинец. Над столом витали облака табачного дыма, поднимавшиеся к потемневшему раскрашенному рельефу над окном: Дева Мария, возведя очи и молитвенно сплетя пальцы, слушала бодрые рождественские песенки, негромко, но отчетливо доносившиеся из радиоприемника.

По-французски здесь говорили немногие, да и те весьма плохо, так что Божене приходилось переводить. По счастью, Киннам быстро обнаружил, что в общих чертах понимает польскую речь, особенно если говорят медленно и обращаются прямо к нему. А к нему обращались! Посыпались тосты за Афины, за Империю, за самого почетного гостя и за дружбу христианских народов... Перед Феодором появилась большая рюмка из толстого стекла, куда то и дело подливали «фирменной настойки пана Кшиштофа» – польской водки, настоянной на ароматных травах и кореньях, с очень необычным вкусом. Киннам поднял тост за юбиляра, восхвалил его воинскую доблесть и гостеприимство. Пан Кшиштоф, слушая маленькую речь, таял от удовольствия. С его лица не сходила блаженная улыбка, он переводил взгляд с оратора на переводчицу и обратно, одобрительно кивая. Отец Божены оказался симпатичным господином без всяких претензий. Оставив армию, он работал в конструкторском бюро, сейчас собирается на пенсию, друзья пришли его поздравить и... отведать знаменитой настойки. Еще Киннам заметил, что гости порой бросают на них с Боженой многозначительные взгляды. Сначала это вызвало у него досаду, но скоро Феодор мысленно махнул на всё рукой – пускай. В конце концов, они неплохо смотрятся: красивая нарядная девушка рядом с... представительным мужчиной, разодетым как на придворный прием...

«Тьфу ты, дьявол, да что это я?! – мысленно обругал он себя. – Так ведь позабудешь, зачем пришел!» Его соседка между тем ничего не говорила о деле, зато по временам начала бросать на Киннама почти томные взгляды, быстро опуская глаза и отворачиваясь. Феодор мог бы принять это за неумелое кокетство, если бы сама мысль о подобном не казалась ему странной. Конечно, в Афинах он привык к воздыхающим по нему студенткам – к счастью, все они, отслушав его лекции, переключали внимание на кого-нибудь помоложе, – но здесь, в далеком зимнем Кракове, откуда он уедет, скорее всего, уже завтра, вспышка девичьей влюбленности представлялась столь же неуместной, как его палатий с золотыми нашивками среди свитеров и рубах...

– Господин Киннам! – обратился к великому ритору полный господин в полосатой жилетке, сидевший напротив. – А вы слышали последнюю новость? Ведь мсье Ходоровский

поляк! Его дед из Вильны, почетный гражданин! И, говорят, он к нам очень благожелательно настроен.

– По-моему, он пока ко всем благожелательно настроен. – Киннам улыбнулся. – Особенно для главы государства, которому вечно мешали соседи. Про Вильну я не слышал, но охотно верю, почему нет?

Все восторженно зашумели:

– Точно-точно!

– В нем чувствуется настоящее шляхетское благородство!

– И шарм!

– Он скоро поведет газопроводы из Сибири в Европу через Польшу! Больше не будем мерзнуть зимой!

– Да еще и за транзит будет причитаться...

– Поверьте мне, друзья, – воскликнул пан Кшиштов, – отечество наше вступает в новую эпоху, открываются большие перспективы! Я уверен, что Мемельский коридор отдадут под наше полное управление, и Турция теперь...

– Да, господин Киннам, – всплеснул руками полосатый господин, – думается, на Турцию нужно обратить особое внимание! Это же вековая несправедливость! Киев, знаете ли... Как вообще Империя терпит у себя под боком такое государство?! Ведь там опять поднимают голову исламисты, так что...

– Так выпьем за крест над Святой Софией Киевской! – вскочил с места мужчина в очках и бакендардах, чем-то похожий на бобра.

Все поднялись и загалдели еще громче. Киннам тоже встал, хотел что-нибудь ответить, но передумал, чокнулся молча и вежливо. Божена кусала губы, досадливо глядя куда-то в угол. «Бедный ребенок, – подумал Феодор. – Эти очаровательные милитаристы наверняка постоянно пудрят детям мозги подобными идеями. Радует лишь то, что из своего уютного мирка они ни на какую войну с турками не пойдут, пороха не хватит. Больше разговоров, меньше войны... И хвала Создателю!»

– Скажите, сударыня, а где же ваша матушка? – обратился он к девушке. – Вы меня ей не представили.

– Мама давно умерла, еще когда мне было шесть лет, – медленно ответила Божена, опустив глаза и поигрывая вилкой.

– Простите...

– Да нет, ничего. Давайте о делах чуть позже, ладно? Когда на нас перестанут обращать внимание.

– Пан Киннам! – подал голос хозяин. – Мы сегодня прочли в вечерних газетах, что вы были на приеме у святого отца...

– Да, был, – несколько удивленно отозвался Феодор. – Однако же быстро у вас распространяются новости... частные новости, я бы сказал.

– Напротив, совсем даже не частные! – воскликнул пан Кшиштов. – Там было написано, что вы прибыли с особой миссией от императора римлян!

Разговоры мгновенно прекратились. Все посмотрели на Киннама с любопытством, дамы потихоньку заахали.

– Не кажется ли вам, что это больше похоже на журналистские домыслы? – Улыбка у Киннама в этот раз вышла не слишком любезной. – Ведь ни я, ни понтифик заявлений по этому поводу не делали.

– Может, и домыслы. – Пан Кшиштов кивнул, однако заметил, не скрывая иронии: – Но разве трудно домыслить? Про ваш визит стало известно, а представители Империи не так уж часто являются к святому отцу, чтобы просто засвидетельствовать почтение...

– Ну, конечно же, у господина Киннама есть поручение! – подала голос дама в ядовито-зеленом платье. – Только он не признается и правильно сделает, он ведь прирожденный дипломат! – Она посмотрела не великого ретора с выражением совершеннейшего восторга.

– Одно может считаться доказанным: господин Киннам и святейший наш папа встретились, – заметил лысый господин.

Феодор утвердительно наклонил голову.

– И как здоровье святого отца? – поинтересовался пан Кшиштов. – У него, говорят, опять разыгралась подагра?

– Полагаю, неплохо. Он выглядел бодро, велел всем кланяться и передать, что каждый тост отражается на его подагре благотворно.

Естественно, немедленно были опрокинуты рюмки за Краковского папу. Феодор чувствовал, что соловееет – впрочем, как и остальные. «Надо бы умерить темп, – промелькнула мысль. – Эта чудо-настойка явно не даст поглощать себя в таких количествах без последствий...» Упиваться до потери контроля над языком ему вовсе не хотелось, особенно когда разговор коснулся таких предметов.

– А вы знакомы с императором Константином, пан Каннам? – продолжала допытываться зеленая дама.

– Как вам сказать... По должности мне приходится с ним время от времени встречаться, – сдержанно ответил великий ритор.

– Ах, он такой красавец! Не правда ли?

«Интересно, у здешних пани так принято – обсуждать с одними мужчинами внешность других мужчин? – подумал Киннам с некоторым раздражением. – Или это издержки воспитания среднего класса?»

– На мой взгляд, – ответил он, – у августейшего всегда чересчур напряженное выражение лица. Он постоянно чем-то озабочен, словно отовсюду ждет подвоха и никому не доверяет.

– А вы бы доверяли на его месте? – спросил пан Кшиштов, хмыкнув.

Киннам пожал плечами. На языке вертелся ответ: «Никогда не пытался себя вообразить на его месте», – но в этих словах определенно была бы толика лукавства... Феодор снова ощутил досаду – на императора, на заманившую его сюда Божену, на этих людей с их дурацким любопытством...

– Но вот вам же он все-таки доверил тайную миссию! – радостно заметила дама.

Киннам чуть вздрогнул и скривил губы то ли в улыбке, то ли в усмешке. Однако он не мог не признать, что в словах собеседницы есть определенная логика. Получается – да, доверил, и Киннаму удалось выполнить задание. Даже перевыполнить. Но есть ли в этом заслуга императора, еще вопрос...

Стали подавать десерт, юбиляр распорядился, Божена убежала на кухню. Пользуясь ее отсутствием, хозяин как бы случайно подсел к гостю и забормотал интимно:

– Дочка сказала, что вы с ней большие друзья... Я рад... Она у меня очень хорошая, только характер сложный... Не обижайте ее...

Великому ретору оставалось лишь молча склонить голову. Но ситуация начинала его смешить, и он заметил пану Кшиштофу, подбирая слова:

– Очень приятно, когда в незнакомом городе сразу находятся большие друзья.

Бравый поручик захохотал и, одобрительно похлопав Киннама по плечу, вернулся на свое место. Потом пили за «великую победу», за приближающееся Рождество и за боженину школу... Когда запели польские песни, Киннам почувствовал, что начинает отстраняться от реальности. Слов он уже почти не понимал да и не хотел понимать. Великий ритор удобно устроился в кресле – со стороны это выглядело так, что он привалился к деревянной ручке и слегка опустил голову в глубокой задумчивости. Мысли роились, двоились, путались. С каждой минутой Киннам всё меньше понимал, как его занесло в этот холодный город, в унылый

каменный лабиринт, что делают эти люди вокруг, чего добиваются... Какой-то мираж. Но всё это ради Роксаны-Анастасии, это она завела сюда увлекшегося исследователя, незримо поджидала за каждым углом, грозила пальцем... А мгновениями Киннаму чудилось, что здесь вовсе не так плохо, что мираж, наоборот, вся его прежняя жизнь: Афины, Константинополь, несущиеся колесницы... Что вообще-то можно жить и здесь. Сидеть в кафе над Вислой – летом наверняка будет тепло и уютно, – писать романы, потом идти в Ягеллонскую библиотеку, погружаться в архивную пыль, завести новые знакомства... Не быть привязанным к ректорскому креслу и не ездить на Золотой Ипподром, по утрам здороваться в столовой с Божиным папой...

При этой мысли Киннам вздрогнул и встряхнулся: чего только не придет в голову! Он явно перебрал сегодня, надо попросить кофе и собираться, всё равно византийский гость в блестящем палатии уже никого не интересуется... Разве что фазана? Птица на комод, кажется, повеселела и смотрит теперь приветливее, разводы на потолке сливаются в смешные рожицы... Он симпатичный, пан Кшиштов! Суший ребенок: стоит во главе стола, раскрасневшийся, пышущий вдохновением и боевым задором, в руке обнаженная шашка, с ее помощью поручик пытается дирижировать нестройным хором... Но где же Божена и... где то, за чем он сюда пришел?! Киннам резко выпрямился в кресле и тут увидел девушку: юная панночка легко опустилась рядом и шутливо постучала пальцем по расшитому обшлагу.

– Господин Киннам, не угодно ли вам взглянуть на распечатки?

Разумеется, угодно! Кухня, куда они отправились, располагалась недалеко от гостиной. Войдя, Федор обостренно почувствовал запах табачного дыма, кислого хлеба и плохо вымытого пола.

– Откройте, пожалуйста, форточку, – попросил великий ритор. – Кстати, признайтесь, для чего вам понадобилась шутка про мундир? Этот палатий здесь явно неуместен.

Божена быстро взглянула на гостя.

– Да, сейчас открою... Я кофе сварю, хотите? Вы не переживайте, это ничего, это с непривычки. Думаете, папа простые травки в свою настойку добавляет? О, нет, они волшебные, многие, впервые попробовав, падают с ног... А палатий... Неужели вы в самом деле обиделись? Папе было приятно.

– Нет, не обиделся, – ответил Киннам и не соврал, только подумал: «Вот оно что! То-то я смотрю: пил не так уж много, а голова мутная, как луковый суп...»

Он уселся на обшарпанный табурет, Божена возилась с кофе. На столе перед Федором лежало несколько листов бумаги. «О, да это же...» Он жадно схватился за распечатки. На первом листке был заголовок: «Болярин Олелько благоверной Анастасии, царице ромеев, желает здравия и долгоденствия...» Дальше шел набор стандартных любезностей, от которых автор вдруг перешел к непонятным упрекам, порицаниям и горьким сетованиям...

– Ну, вот, господин Киннам, то, что вы искали, – заговорила Божена. – Про боярина дальше сами узнавайте – это, думаю, несложно. Но теперь, уж пожалуйста, услуга за услугу. Видите ли, я очень хочу устроиться корреспондентом в «Речь Посполитую». Но там большой конкурс и люди не мне чета, разве только... Разве что мне удастся сделать какой-нибудь сенсационный материал, который впечатлит редакцию, тогда да. Я бы хотела сделать интервью с вами, если вы не возражаете.

– Со мной? – удивился Киннам. – Хм... Что ж, пожалуйста. Но что я могу рассказать интересного для краковских читателей? Они увлечены литературой или древней историей?

– Нет, – Божена качнула головой, – их интересуется политика. Например, всё, что связано с помолвкой принцессы Катерины и Луиджи Враччи. Об этом до сих пор все говорят, пишут, но история настолько загадочная, что никто так ничего и не может понять. Вы ведь бываеете при дворе, вы должны быть в курсе слухов, догадок... Или, может быть, просто знаете, почему

о помолвке объявлено на Совете Европы и при чем тут вообще увезенные тысячу лет назад сокровища?

– Что же я тут могу прокомментировать? – Киннам развел руками. – Я совсем не имею касательства...

– Имеете! – уверенно прервала его Божена. – Я не прошу вас пересказывать ваш разговор с понтификом, вы этого и не сделаете, но я уверена, что все догадались правильно и беседа самым непосредственным образом касалась сокровищ!

Чашка кофе уже дымилась на столе перед Киннамом, однако он пока не притронулся к ней. Он смотрел на эту девушку, такую прекрасную – уж не от волшебных ли травок? – такую настойчивую, целеустремленную и такую... Что же смущало в ней? Этот резкий профиль, смело изогнутая бровь, задорные глаза, чуть заметная складка у губ... Да, конечно: ледяная холодность и строгость, с которой Божена сейчас смотрела на него, – Киннам не привык к таким женским взглядам. «Притворщица! – подумал он. – Тебе бы в актрисы идти, а не в газету...» Или он чем-то ее рассердил? Но не могла же она в самом деле иметь на него виды?! Вот еще нелепость!

– Вы тянете меня на довольно скользкий путь, – проговорил он медленно, пристально глядя на девушку и с удовольствием ощущая, как свежий воздух и запах кофе небезуспешно сражаются с чарами кшиштофской настойки. – Мне ведь, в сущности, нечего сказать, как бы вы меня ни уверяли в обратном. Общение с понтификом я не имею право комментировать, но, поверьте, в нем не было ничего сенсационного и даже просто интересного для широкого читателя.

– Ну, господин Киннам! – Божена умоляюще сложила руки, казалось, вмиг растеряв всю холодность. – Давайте я просто буду задавать вопросы, а вы отвечать, я потом из этого постараюсь что-нибудь сделать... – Она положила на стол маленький диктофон и, поскольку Феодор не возражал, смирившись с тем, что от этого интервью не отвертеться, задала первый вопрос: – Вот, как вы думаете, может быть счастливым союз, о котором объявили во всеуслышание, да еще с политическими целями, которые совершенно не ясны?

– Разумеется, может, что за сомнения? В истории и не такое бывало. Сколько было счастливых династических браков, заключенных вообще заочно! Но, видите ли, принцесса и Луиджи – мои друзья, и я не могу обсуждать их отношения. Я уверен, что они искренни в своих чувствах, и желаю им счастья.

– Но всё это так неожиданно... Неужели вы совсем не допускаете родительского принуждения, интриг?

– У нас говорят: глуп тот, кто, отправляясь за рыбой, уверен, что сегодня обойдется без интриг. Они бывают всегда и везде, но ведь жизнь гораздо сложнее и дело не в интригах...

– А в чем?

– В том, что никогда не знаешь, как всё обернется в реальности. Вот вы, к примеру, знаете историю свадьбы, которая привела к установлению нашего стратегического союза с Германией?

Божена, конечно, не знала.

– Я расскажу. После восстановления на французском престоле династии Бурбонов, в тысяча восемьсот пятнадцатом году, император Юстиниан Третий, естественно, захотел с ними породниться. У него была дочь, Елизавета, и он вознамерился выдать ее замуж за принца Луи. И вроде бы всё складывалось хорошо, но в последний момент принцесса вдруг рухнула перед отцом на колени и стала умолять... Знаете о чем? Чтобы ее выдали за Генриха Прусского! У них, оказывается, давно был роман в письмах, такой секретный, что о нем ничего не знал даже император! Они были знакомы с детства, юный принц бывал и в Константинополе, но никто не придавал этой дружбе особого значения, а принцесса сумела сохранить свои чувства в тайне. Отец, тем не менее, пытался вынудить ее к браку с французом, но безуспешно.

При дворе, видите ли, уже тогда были весьма вольные для Европы нравы – я имею в виду отношения родителей и детей.

– Удивительно!

– А дальше еще интереснее. Август в конце концов согласился с выбором дочери. Луи получил отказ, что уже само по себе было скандалом. Между прочим, Юстиниан был франко-филом, и стратегический альянс, безусловно, замышлял с Францией... Так вот, начали готовить свадьбу с Генрихом. Но, опять-таки в самый последний момент, император получает язвительную депешу из Берлина, от короля Франца: там стало известно, что Елизавета – внебрачная дочь и налицо обман... Уж не знаю, как немцам удалось раскрыть страшную семейную тайну, да еще так вовремя. Безусловно, это было наглостью со стороны берлинского двора, но они, видимо, ювелирно рассчитали ситуацию. Что же в итоге? Пруссия присоединяет Саксонию и Баварию, заключает стратегический союз с Константинополем и становится в ряд ведущих мировых держав. Кстати, молодые были очень счастливы – старый король как-то смирился с происхождением невестки...

– И что вы хотите этим сказать?

– Лишь то, что человек предполагает, а провидение располагает. Если только осторожно принимать его подсказки... Тогда и такой анахронизм как политические браки может пойти на пользу.

– Да, но ваш намек...

– Послушайте, тут нет никаких намеков, – запротестовал Киннам.

– Вы идете на попятный! Вынуждены опасаться монаршего гнева, не так ли? – Девушка сощурилась.

– Ничуть. В конце концов, у нас свободная страна, если вам это неизвестно. Просто я ученый и всегда должен точно знать, когда я излагаю факты, когда намекаю на них, а когда подвергаю сомнениям.

«Итак, я снова играю на стороне императора? Поистине, он вряд ли оценит такое верноподданничество! – Киннам мысленно скривился. – Но ведь пока как будто не приходится сомневаться, что Луиджи с Катериной действительно нашли друг друга, и если им не мешать...»

– Но, получается, принцессу заставляют выходить за Врачки с каким-то дальним расчетом? – продолжала гнуть свою линию Божена.

– Нет, никто ее не заставляет. Ее не очень-то и заставишь, смею вас уверить! – Великий ритор улыбнулся.

– Ну, хорошо, а при чем здесь сокровища? – не отставала девушка.

– Мне сложно это комментировать. Но могу предположить, что и возврат сокровищ, и брак византийской принцессы с юным итальянцем – это, помимо прочего, определенные символы. Символы примирения древних врагов и восстановления исторической справедливости, как теперь любят говорить. Конечно, случаи что-то вернуть бывали и раньше – все эти ритуальные дипломатически дары и подношения, вы понимаете. Но именно сейчас стало возможно вернуть всё сразу – всё, что осталось. Думаю, дело в этом... Видите ли, мы, византийцы, странно устроены, порой не придаем значения важным вещам – важным с точки зрения других народов – и придаем очень большое значение вещам неважным. Вероятно, это из-за того, что мы пережили слишком много культурных трансформаций и научились переосмысливать предметы и явления, как бы наделяя их новой жизнью, новым содержанием... Я туманно изъясняюсь? Ничего, вы потом поправите. Взять те же статуи... Константин Великий собирал их в новую столицу со всей Римской Империи, считалось, что они несут с собой... древнюю магию, что ли, а то и силу богов – язычество тогда еще не выдохлось из народа. Хотя с точки зрения христиан большинство статуй было просто идолами. Потом они стали произведениями искусства. Но во все времена для этих произведений обязательно находились десятки толкований, перетолкований, кривотолкований: пройдет сто-двести лет – возьмут да и осмыслят

всё по-другому. Вы, к примеру, знаете историю статуи Химеры, которую переплавили крестоносцы? У нее было три головы – змеиная, козлиная и львиная. И вот, однажды, в пору нашествия славян, император решил бороться с врагами при помощи этого зверя. Головы как-то там заколдовали и одновременно разбили молотами. Правда, львиную долго не удавалось разбить...

– Ну, послушайте, это же грубое суеверие!

– Положим.

– И что же было дальше?

– А то, что один славянский вождь убил двух других и отступил от Константинополя.

– Это просто совпадение!

– Наверное. – Возмущение девушки очень забавляло Феодора, и он едва удержался от улыбки. – Понимайте, как знаете. О, разумеется, с суевериями пытались бороться. Например, статуи, заколдованные Аполлоном Тианским, даже разбили почти все... Кроме изображений мухи и комара, они до сих пор стоят на ипподроме, и благодаря им жители избавлены от этих насекомых...

– Святая Дева! Вы, похоже, и сами в это верите? – воскликнула потрясенная Божена. Феодор, наконец, рассмеялся.

– Сударыня, давайте всё же воспринимать константинопольские легенды с чувством юмора! Их хватило на несколько сборников, и там есть над чем повеселиться, уверяю вас! Но есть и не такие смешные вещи, а просто занятные. Вот, к примеру, император Иоанн Восьмой, задумав знаменитый поход в Палестину, ни с того ни с сего начал реставрацию статуи Юстиниана – той, что стоит на громадной колонне около Святой Софии. Статую одели в леса, но в народе пронесся слух, что Иоанн решил придать всаднику собственные черты! Ведь Юстиниан изображен победителем, он простирает руку на восток, грозя варварам...

– И что?

– А то, что он надеялся таким образом вернее победить. Только всё кончилось народными волнениями, которыми воспользовался кесарь Стефан. Он сверг шурина и отвоевал Иерусалим самостоятельно, без помощи бронзового Юстиниана... Кстати, вы заметили, что статуя Константина Великого, которая сейчас в Риме и которую Империя требует возвратить, кого-то очень напоминает чертами лица?

– Нет, не заметила... А кого?

– Ныне царствующего императора. Если подключить фантазию и представить того Константина с бородой, то получится... другой Константин. Может быть, это изображение должно придать ему силы, уверенность в себе, государственную мудрость? Кто знает...

– Вы говорите очень странные и удивительные вещи, особенно для ученого человека...

– Но не для писателя. Я просто стараюсь развлечь ваших читателей и дать им повод для размышлений, не более того.

Они еще проговорили некоторое время в том же духе. Феодор повеселел и вдруг почувствовал вдохновение. Неведомый ему до нынешнего вечера боярин Александр словно бы маячил неподалеку и слушал истории из цареградских «Патрий». А за его спиной, конечно же, стояла Анастасия... Оставалось выяснить, что связывало этих персонажей в реальной жизни.

Божена между тем становилась всё серьезнее, задумчивее, порой хмурила брови, видимо, что-то взвешивая. Когда Киннам окончательно умолк, девушка отвела его в прихожую, где стояли высоченные книжные стеллажи, и сделала несколько фотографий для будущей статьи.

– Послушайте, – сказала она, прощаясь, когда диктофон уже был выключен, – ведь ваш император требует вернуть еще всякие святыни – мощи, иконы, раритеты... Неужели к ним у вас такое же отношение? И мистическое, и одновременно...

– Дружеское! Поймите, все эти вещи – часть души Города. Это как близкий друг: можно долго жить с ним в разлуке, но все-таки лучше однажды встретиться снова.

– Даже какая-нибудь икона «Госпожа Дома»? – Божена удивленно подняла брови.

Киннам невольно помрачнел, правда, в полутемной прихожей это едва ли можно было заметить.

– С такими святынями всё еще сложнее. Это почти что... член семьи.

Из Кракова великий ритор улетел на следующий день. По его просьбе в Госархиве Польской Республики обещали подготовить подробнейшее досье на боярина Александра. Но уже то, что сообщил осведомленный сотрудник в коротком разговоре, заставило Киннама крепко задуматься. Похоже, он потянул за ниточку из огромного сваленного клубка шерсти. И сколько раз еще этой ниточке суждено будет оборваться, прежде чем откроется правда, неизвестно... Однако Федор чувствовал, что напал на настоящую золотую жилу. Похоже, даже его самые смелые и совсем уж «романные» предположения теперь могли оказаться справедливыми!

Алекс предложил встретиться у кинотеатра «Плеяды», где шел новый византийско-итальянский фильм «Историк из Кесарии», без четверти шесть, так что Афинаида вполне успевала вернуться с работы домой, пообедать и переодеться. Всё это время она провела в смутных чувствах. Разговор с Ириной стал для девушки настоящим потрясением: она не ожидала услышать от старой подруги такие ужасные вещи и в очередной раз задумалась о том, как строить дальше свою жизнь. Безусловно, Мария права: надо раскрепощаться – но до какой степени? Ирина зашла по этому пути очень далеко... Так далеко Афинаиде идти не хотелось, ей это казалось неправильным. Но как провести грань и определить: вот это делать можно всегда, вот это зависит от обстоятельств, а вот этого она не будет делать никогда и ни при каких условиях?

Ну, хорошо, она не будет ходить по мужикам и может гордо сказать: «Меня не прельщает подобный разврат!» Но... что вообще такое разврат? Конечно, спать сегодня с одним, а завтра с другим – разврат. И лезть под бок к первому встречному, только чтобы к кому-то «прислониться»... Нет, Афинаида не чувствовала такой потребности. Да, порой ей бывало грустно, одиноко... Но не до такой же степени, чтобы вешаться на шею кому попало!

Ну, а если бы... Перед ее мысленным взором возник улыбающийся ректор Академии, и Афинаиде тут же стало жарко. «Я фарисейка! – подумала она. – Если б он предложил мне, я бы не смогла отказаться, пусть даже эта связь продолжалась бы недолго... да хоть бы и всего одну ночь, если уж совсем быть честной! Что тогда и рассуждать о разврате? Подумаешь, какая целомудренная нашлась!»

Она не предается разврату лишь потому, что ей нужен не просто субъект «в штанах», а один-единственный мужчина... который никогда не захочет сделать ее своей женщиной. Именно поэтому она и останется в девках, а вовсе не потому бы то ни было еще! Ну, и какая она после этого христианка? С христианской-то точки зрения развратом является всё, что не освящено брачным венцом... Лежнев даже говорил, что в браке тоже нельзя предаваться «порочному сластолюбию», и внушал ее матери, будто Господь наказал ее уходом мужа именно потому, что она была слишком падка до «греховных удовольствий тленной плоти»... Бррр! Афинаида теперь вспоминала иные его проповеди почти с брезгливостью, а тогда им казалось, что всё это очень духовно, приводит к покаянию и сокрушению...

Все-таки хорошо, что Ирина не стала расспрашивать о ее жизни! Пожалуй, она слишком проницательна по части отношений мужчин и женщин, сразу выдала, что подруга похожа на влюбленную... Начала бы выпрашивать, слово за слово... Нет, Афинаиде ни с кем не хотелось говорить о Киннаме. Это было такое глубокое, такое сокровенное... И рассуждать об этом, как Ирина о своих «героях»?! О, нет! Афинаиду даже передернуло при мысли, что в подобном же духе, за рюмкой ликера, она могла бы болтать о своей любви. Нет-нет, пусть это останется ее тайной. Всё равно из этого ничего не выйдет, кроме мечтаний...

Но, Боже, как она могла так сильно влюбиться?! Неужели другие женщины, которые сохнут по Киннаму, любят его так же? Что-то не верится... Мари призналась, что «маленько» влюблена, но как-то сомнительно, чтобы она думала о нем вечерами, чтобы ее кидало в жар от мыслей о нем, и она уж точно никогда не потеряла бы перед ним дар речи, как случилось Афинаиде... Мари – и потеря дара речи! Афинаида даже рассмеялась при этой мысли. А все эти студентки, которые зубрят перед экзаменами у ректора и одеваются «с иголки»? Долго ли они будут страдать по Киннаму после окончания Академии? Будут ли они вообще страдать? А «чего только ни делавшая» для его соблазнения заведующая кафедрой, где преподает Мари, – бьется ли у нее при виде Киннама сердце так же, как у Афинаиды?.. Или это только ей суждено каждое свое увлечение, будь то Алекс, православие или великий ритор, превращать в безумие с тяжелыми и затяжными последствиями?! Взять хоть ее влюбленность в Алекса: в него влюблялось множество девиц, но написала ли хоть одна ему письмо на десяти страницах, как это сделала она?

Алекс... Она собралась с ним в кино, в кофейню, а что ее там ждет? Зачем он пригласил ее? Разве не ясно, что он, внезапно разглядев в ней хорошенькую девушку, решил приволкнуть – как он наверняка делал это с десятками хорошеньких девушек до нее! А ей это надо?! Зачем она согласилась? Тем более, что он ей вовсе не нравится! Положим, в кино они будут заняты фильмом, но о чем говорить с ним в кофейне? Пожалуй, ей предстоит выслушать очередную порцию историй о его жизненных успехах... А если он спросит о ее собственной жизни, что рассказать? Про доклад? Про Евмафиевы аллегории?..

Она представила, как на смазливом лице Алекса появляется скучающе-вежливое выражение... То ли дело разговоры об этом с Киннамом – даже краткие, они были так увлекательны и содержательны, что после них Афинаида чувствовала себя окрыленной и готовой на какие угодно научные подвиги. И не только оттого, что она говорила на эти темы с любимым человеком: нет, ей в самом деле были очень интересны все эти тонкости, копание в текстах, сравнение разных произведений, поиск параллелей и источников аллюзий, истолкование аллегорий, – и именно потому, что Киннам интересовался этим так же живо, как она, ее приводили в восторг беседы с ним... Беседы обо всем том, от чего сбежал Алекс, когда бросил аспирантуру. Зачем же она согласилась встретиться с ним? От неспособности отказать человеку, который пару раз помог ей? Нет, она бы могла сослаться на занятость, могла бы туманно пообещать что-нибудь в будущем... А там он забыл бы о ней, и всё! Так неужели она идет с ним гулять просто оттого, что хочет почувствовать себя, наконец, хоть кем-то «востребованной»? Какое унижение!..

Но, тем не менее, она оделась, причесалась, критически оглядела себя в зеркале и вышла из дома. День, в противоположность вчерашнему, был пасмурный и прохладный. Афинаида поежилась и до подбородка застегнула молнию на строгого покроя черной матерчатой куртке – единственном предмете из ее старого гардероба, который она еще продолжала носить. «Ладно, – подумала она, – в конце концов Алекс меня не съест, а даже напротив – сводит в кино и напоит кофе... Что, в самом деле, я так смущаюсь? Надо быть проще!»

Алекс ждал ее на крыльце «Плеяд» – высокий, стройный, в узких черных брюках, шикарной кожаной куртке и до блеска начищенных ботинках; многие входившие в кинотеатр девушки откровенно засматривались на него. Он уже купил билеты, и они прошли прямо в зрительный зал.

Фильм произвел на Афинаиду двойственное впечатление. С одной стороны, очень понравился: историческая канва соблюдена, антураж подобран замечательно, насыщенные смыслом диалоги, великолепная игра актеров, особенно четверки главных – в ролях Прокопия, Велиса-

рия и Юстиниана с Феодорой. Но, с другой стороны, любовная тема в фильме привела девушку в смущение: разумеется, любовь императорской четы и безнадежная страсть Прокопия к августе были показаны далеко не платонически. Афинаида заворожено смотрела на целующихся героев, на мечтания Прокопия, на Феодору, которая, заложив руки за голову и вытянувшись на великолепном ложе, ожидала Юстиниана, – и поневоле ей вообразилось, как она вот так же лежит вечером и с нетерпением ждет героя своих мечтаний...

К середине фильма щеки ее горели. Вспомнилось, как в первый год ее православных «подвигов» Лежнев наложил на нее епитимию за поход в кино на гораздо более невинный фильм и сказал, что «театр и кино – бесовские изобретения, и кто туда ходит, служит дьяволу», а потом произнес в храме проповедь о том, что «мало людям своих страстей, так они еще ходят в кино смотреть на чужие!»

«Ну, так что же? – подумала Афинаида. – Я точно так же могла бы сидеть дома и предаваться страстным мечтам! А так хоть посмотрю на жизнь исторических лиц, и ведь это правда: они так и жили, любили друг друга, да и ошибки всякие совершали, не всегда вели себя праведно а всё равно стали святыми... Такие фильмы куда ближе к реальности, да, пожалуй, и для души полезнее, чем какие-нибудь неправдоподобные жития, где герои живут как аскеты чуть ли не с рождения и в любой мелочи получают божественное вразумление!»

Фильм так увлек ее, что она совсем позабыла об Алексе, об окружающей реальности: сидя в темном зале перед огромным экраном, она жила там, в далеком шестом веке... И когда под конец показали Святую Софию и старый Константинополь с высоты птичьего полета, Афинаида подумала, что хорошо бы съездить в Царственный Город. Она побывала там всего однажды, на третьем курсе... Как это было давно! Дожить до тридцати пяти лет в Империи, заниматься античной, а теперь и византийской литературой, и при этом побывать в Константинополе лишь раз – какой позор, в самом деле! Ну, ничего, сейчас надо подналечь на диссер, а после защиты можно будет и попутешествовать...

Когда они вышли из кинотеатра, Афинаида возмущенно сказала:

– Какой все-таки подлый этот Прокопий! Так оболгать любимую женщину только потому, что она не ответила ему взаимностью! Вот так любовь! Удивительно, что такой талантливый человек может быть... таким нечистоплотным!

– Ну, с талантливыми людьми это, говорят, часто бывает! – Алекс усмехнулся. – Правда, Прокопий мне, помнится, казался скучным...

– Скучным? – удивилась Афинаида. – По-моему, он прекрасно пишет, мне так нравятся «Войны»! «Анекдоты», конечно, мерзкие, но и они хорошо написаны... Я вообще люблю исторические книжки. А ты какие любишь?

– Да я как-то больше фантастику... Приятней смотреть в будущее, хоть бы и воображаемое, чем в прошлое, это зажигает!

Они сели в машину и через десять минут были возле кофейни «Парнас», где, по словам Алекса, не только варили классный кофе и пекли вкусные пирожные по собственным рецептам, но и подавали «нормальную еду» и даже спиртное. В кофейне царил полумрак, каждый столик озарялся отдельным светильником с цветными стеклами, играла мягкая ненавязчивая музыка. Алекс уверенно провел Афинаиду к двухместному столику в уютном уголке, девушка села в удобное кресло и почувствовала себя раскованно. Официант принес меню, и Афинаида выбрала греческий салат, кофе мокко и замысловатое пирожное с кремом, украшенное фруктами и шоколадной фигуркой совы, а Алекс – шашлык из баранины с овощным гарниром, турецкий кофе и мороженое; он также заказал им на двоих бутылку вина и два сорта оливок. Когда официант записал заказ и отошел, Афинаида внезапно вспомнила, что идет Рождественский пост, и немного смутилась, но тут же мысленно махнула рукой: заказ сделан, не отменять же теперь... Да еще не хватало сообщать Алексу, что она постится! Он, пожалуй, сочтет это диким, а ей не хотелось выглядеть перед ним смешно и странно. Она снова вспомнила

вчерашний визит Ирины и подумала: «Вот так оно и бывает: сегодня одно позволишь себе, завтра другое... А там и не заметишь, как зайдешь далеко-далеко!» Но почему-то никакого сокрушения эта мысль не вызвала.

Когда принесли вино и оливки, Алекс предложил выпить за успех первого доклада «будущего доктора наук». Афинаиде было приятно такое внимание, и она подумала, что Алекс, в общем, неплохой, а что он не любит копаться в древних текстах, так это, наверное, из-за технического склада ума – зато вон как здорово он разбирается в компьютерах и в программах!

От вина Афинаиду стало клонить в сон, она лениво поела оливки в ожидании своего салата и поглядывала на Алекса: да, он был красив и имел тот тип внешности, который нравится девушкам – этаким романтичный златокудрый принц, самоуверенный, достаточно галантный, умеющий сказать комплимент, пошутить... Правда, шутил он несколько однообразно и не особенно остроумно, она еще в Академии это замечала, но тогда интеллект в мужчинах не интересовал ее настолько, чтобы считать отсутствие большого ума серьезным недостатком. Зато он умел *так* смотреть!.. Так, как он и сейчас глядел на нее поверх бокала с вином, – но теперь-то она понимала, что за этими многозначительно-пронизывающими взглядами нет никакой глубины. А в двадцать лет могла ли она понять это? Ничего удивительного, что она запала на него. Обидно не столько само это увлечение, сколько его последствия... Но при чем тут Алекс? Уж в ее чрезмерном углублении в православие он точно не виноват!

Он спросил, как прошел доклад, она рассказала вкратце. Алекс слушал как будто даже с интересом и сказал, что иногда общается с Киной, их бывшей сокурсницей, которая преподает в Академии античную литературу.

– Кстати, она тебя видела в приемной у ректора, только ты ее не узнала. Ну, ее теперь и впрямь не узнать: пухленькая стала, переокрасилась в блондинку и ходит всё в белом и красном, а раньше, помнишь, такая готичная была! – Алекс рассмеялся.

Кира?.. Афинаида вспомнила злое лицо женщины, бросившееся ей в глаза при выходе из кабинета Киннама после их первой беседы: ярко накрашенная невысокая блондинка сидела в приемной ректора вместе с еще двумя женщинами и мужчиной – очевидно, все они давно ожидали, когда великий ритор освободится и были сильно раздражены, потому что Афинаида услышала чей-то шепот: «Ну, наконец-то!» – а Элен посмотрела на нее почти с ужасом. Афинаида смущенно пробормотала: «Простите, пожалуйста!» – и, кивнув секретарше, поскорей вылетела из приемной. Значит, эта женщина в белом костюме была Кира – та самая вечно одетая в черное худющая девица, которая больше всего любила в античной литературе описания военных ужасов и частенько цитировала из «Илиады» самые кровавые места о просаженных черепках, выпущенных внутренностях и болтающихся на одной коже отрубленных головах...

– Так это была она? Смутно припоминаю... Я и правда не узнала ее. Я тогда очень торопилась и никого не разглядывала. Но, скорее всего, не узнала бы, и разглядев. Да, люди меняются!

Им принесли новую порцию из заказа, и Афинаида с удовольствием принялась за салат – греческий она всегда очень любила да к тому же успела проголодаться, – а Алекс налег на шашлык, и некоторое время они занимались поглощением еды, перекидываясь ничего не значащими словами. Афинаида сказала, что ей очень нравится в этой кофейне, Алекс подтвердил, что здесь отлично, сервис и меню на высоте, и он частенько здесь ужинает. Когда их тарелки опустели, Алекс разлил по бокалам остатки вина и произнес:

– Ну, за перемены в жизни... Конечно, за хорошие перемены!

– Да, за это надо выпить!

Они чокнулись, Алекс одним залпом осушил бокал, откинулся на спинку кресла и сказал:

– Ты тоже очень изменилась, Ида! Почему ты раньше была какая-то... как старуха? Ты, оказывается, такая красивая, – он словно раздевал ее глазами, – такая... романтическая...

– Ну, я и раньше была достаточно романтической! – Она усмехнулась, слегка краснея: ее начали смущать его слишком назойливые взгляды.

– Да, я помню твое письмо! Честно говоря, я не раз жалел, что вернул тебе его, хотелось перечитать... Оно сохранилось?

– Я сожгла его много лет назад, – ответила Афинаида, вспыхнув. – Всё это было очень глупо с моей стороны, и ты хорошо сделал, что вернул его.

– Как, прямо-таки сожгла? Радикально!

– Да, я вообще тогда была... радикальная.

– А сейчас?

– Сейчас... наверное тоже. Ты же видишь, я радикально сменила имидж!

– Правильно! Глупо прятать такую красоту!

Определенно, в том, как он смотрел на нее, было что-то неприличное... или ей просто казалось? «Должно быть, я уже пьяна, – подумала она. – Или всё еще не отрешилась от тех представлений о поведении в обществе, которые внушал Лежнев... Господи, как же хочется спать! Что-то меня развезло... Надо выпить кофе – может, проснусь... О, а вот и он!»

Им принесли кофе и десерты, и Афинаида почти со сладострастьем погрузила ложечку в пирожное: сладкое она очень любила во всяком виде. В кофе, правда, определенно не долижили сахара, и она вспомнила, как великий ритор в их первую встречу сказал: «Что-то говорит мне, что вы предпочитаете покрепче и послаще». Интересно, как он догадался?

Пирожное быстро кончилось – как всегда!.. Афинаида допивала последний глоток кофе, когда Алекс, тоже расправившийся с десертом, сказал:

– Тут есть терраса наверху, с нее красивый вид на Акрополь. Не хочешь подняться?

– О, давай! Надо подышать свежим воздухом, а то я что-то засыпаю совсем.

Он заплатил за ужин, они взяли куртки и, поднявшись по устланной ковровой дорожкой довольно крутой лестнице, оказались «на вершине Парнаса», как пошутил Алекс. По его словам, в теплое время здесь вечером трудно было найти свободный столик, но сейчас терраса пустовала, только в углу целовалась какая-то парочка, да двое туристов пытались заснять ночной Акрополь – подсвеченный, таинственный, он смотрелся великолепно на фоне черного неба. Алекс с Афинаидой подошли к ограждению и, опершись, несколько минут созерцали эту захватывающую дух картину. Девушка вдыхала холодный воздух и пыталась представить, как смотрелся Акрополь в средние века, когда не было ни электричества, ни автомашин: наверняка здесь было очень тихо, а звезды, которые теперь плохо видны из-за огней огромного города, сияли куда ярче... Налетел порыв ветра, Афинаида поежилась.

– Холодно? – спросил Алекс и вдруг обнял ее за плечи. Она вздрогнула и попыталась отстраниться. – Да ладно, чего ты, Ида? Вдвоем всяко теплее! – тихим и каким-то душным голосом проговорил он и еще крепче прижал ее к себе. Он был сильным, и она, перестав вырываться, быстро проговорила:

– Не надо, Алекс! Правда не надо... Отпусти, пожалуйста!

Но он не отпустил, а властно развернул ее к себе лицом и наклонился к ней... Однако прежде чем его губы коснулись ее, Афинаида в отчаянном порыве, собрав все силы, обеими руками оттолкнула его, так что он отлетел на два шага, и сама отскочила с криком:

– Нет!

Алекс ошалело глядел на нее несколько секунд, а потом раздраженно сказал:

– Ты что, совсем сдурела, так пихаться?!

– Это ты сдурел! Я же сказала: не надо! Я не хочу с тобой целоваться, понятно? Я тебя не люблю! И не лезь ко мне со своими объятиями! Знала бы, что этим кончится, так я бы... вообще не пошла с тобой никуда!

На лице Алекса появилось злобное выражение.

– Вот как? – процедил он. – Гнушаешься мной, да? Значит, Киннам действительно успел раздвинуть тебе ноги! А я-то думал, Кира сочиняет... Ну, с ним-то мне и впрямь не потягаться, придется смириться!

Афинаида не поверила своим ушам.

– Ч-что ты сказал? – еле выговорила она.

– То и сказал! – Алекс зло рассмеялся. – Или ты будешь строить из себя нетронутую невинность? Кира рассказала, как ты у него три часа в кабинете просидела! Видно, ему прискучили сладкие красотишки, которые его там обхаживают, захотелось кисленького, что называется... сыра с плесенью, ха-ха! То-то после этого ты так принарядилась, вон какая стала, и не подступись! Я теперь для тебя недостаточно хорош! А я-то помню твое письмецо, как ты там писала...

Он не успел договорить. Афинаида подскочила к нему и со всего размаха залепила щечину. Кажется, ее удар пришелся отчасти в глаз, Алекс выругался и отшатнулся, а она бросилась к выходу с террасы. Как безумная, сбежав вниз и промчавшись по залу мимо удивленных посетителей, Афинаида вылетела на улицу и побежала, сама не зная куда, чуть ли не расталкивая прохожих; шедшие навстречу люди испуганно сторонились. В голове стучала одна мысль: «Скорей, скорей отсюда!» Добежав до первого перекрестка она остановилась, огляделась и, увидев на остановке ярко-желтое такси, устремилась к нему. «Скорей, скорей домой!» Она открыла дверцу, назвала адрес, водитель кивнул, она села, и такси рвануло с места. Афинаида, наконец, осознала, что она одна, без Алекса, что он не догонит ее, что она едет домой, вздохнула – и по ее щекам неудержимо потекли слезы. Не в силах больше сдерживаться, она разрыдалась. Таксист, пожилой дяденька добродушного вида, растерялся, притормозил и спросил участливо:

– Госпожа, что с вами?! Вас обидели?

– Не-ет, – сквозь слезы проговорила Афинаида, торопливо доставая из сумочки носовой платок. – Не... обращайтесь... не обращайтесь внимания! По... поезжайте скорей!

– Ну, как же не обращать внимания, когда вы так плачете? – Таксист прибавил скорости. – Такая красавица и так рыдаете! И какой только гад обидел такую хорошую девушку?! Да ему бы морду набить, бабуину этакому!

Афинаида усмехнулась, вытерла лицо и сказала:

– Да нет, не надо бить ему морду. Это было бы слишком немилосердно: ведь у него, кроме морды, ничего нет!

К моменту, когда такси остановилось возле ее дома, Афинаида как будто успокоилась, перестала всхлипывать и вздыхать, с улыбкой поблагодарила таксиста и, расплатившись, вылезла из машины. Войдя в квартиру, она скинула туфли, повесила куртку на крючок, прошла в комнату, зажгла свет... И тут ее снова затрясло. Она опустилась на край узкой кровати и закрыла лицо руками.

– Господи! – шептала она. – Господи, что же это такое?!

Значит, эти люди, которые ждали тогда в приемной ректора, подумали, что она... что они с ним... По крайней мере, так подумала Кира... и сказала Алексу... А кому еще она об этом сказала?!

Афинаида в панике принялась вспоминать свои визиты в Академию, лекции для аспирантов, общение с Марго, с Кустасом, позавчерашнюю конференцию... Да нет, вроде бы все общались с ней нормально, едва ли до них могла дойти кирина сплетня. Наверное, Кира рассказала об этом только Алексу... а если даже еще кому-то, то вряд ли ей поверили. Ну да, разве мог бы кто-нибудь поверить, что ректора... потянуло на «кисленькое»...

Как только у Алекса повернулся язык! Ничтожество, Боже, какое ничтожество! Тупой самовлюбленный идиот! Конечно, если мужчина и женщина провели наедине больше часа, то они непременно должны были заняться *этим*, – больше Алексу в голову ничего не могло придти... И если она не желает целоваться с ним, значит, уже кто-то другой... Как он посмел сказать ей такое?! Неужели она... стала похоже на девицу, которую кто угодно может затащить в постель?!

Ее колотило, точно в лихорадке. Нет, она не делала ничего такого, чтобы он мог так о ней подумать! Она и на взгляды его не отвечала, и ничего не говорила такого... Только иногда смотрела на него, улыбалась, но ведь в этом нет ничего дурного! А он решил, что... Просто у него на уме ничего больше нет, вот и всё! И зачем она согласилась пойти с ним?! Дура, Боже, какая же она дура! Как она сразу не поняла, чем всё закончится? И из-за этого ничтожества она страдала больше двух лет! Из-за него она загремела к Лежневу, потеряла десять лет жизни, из-за этого смазливового негодяя!

– За что?! – крикнула она и, не в силах больше сдерживаться, упала на кровать и зашлась в рыданиях.

Когда в сумочке зазвонил мобильник, она не сразу нашла в себе силы, чтобы встать. Мелькнула мысль не отвечать, но тут же стало неудобно перед человеком, который звонил: а вдруг что-то важное? Афинаида села на кровати. Впрочем, что и у кого может быть важного для нее?.. Она потянулась за сумкой, которую бросила прямо на пол у двери, достала мобильник, взглянула, и сердце стукнуло так, что на миг даже потемнело в глазах.

Звонил Киннам. В голове запрыгали бессвязные мысли: «Он? Сейчас? Почему он? Как же я сейчас...» – а палец уже нажал на кнопку, и рука с телефоном поднялась к уху, и язык повернулся, чтобы сказать «алло»...

– Добрый вечер, Афинаида! Прошу прощения, я не слишком поздно? Я не разбудил вас?

– Нет-нет! Здравствуйте, господин Киннам!

– Я только что прилетел, и мне сообщили, что сборник, для которого вы готовите статью про греческий роман в Византии, в понедельник уже сдают в верстку, так что у вас всего три дня на доработку. Вы успеете?

Пока он говорил, Афинаида торопливо вытирала рукавом заплаканное лицо.

– Да, успею, – ответила она, – мне осталось только доделать несколько примечаний... Большое спасибо, что предупредили!

– Вы что, болеете, Афинаида? – вдруг спросил великий ритор.

– Нет... – Она растерялась.

– Значит, что-то случилось?

Она испугалась, не будет ли слышно по телефону, как заколотилось ее сердце, и быстро проговорила:

– Нет-нет, всё в порядке!

– Афинаида, не лгите! Вы говорите явно в нос – значит, либо заболели, либо плакали. Кто вас обидел?

– Я... сама себя обидела. – Девушка усмехнулась.

– Да, это тяжелый случай. Когда сам себя подставишь, бывает обиднее всего!

– У вас так бывало? – несмело спросила она.

– Случалось. Но не горюйте, Афинаида! Выпейте коньяка и ложитесь спать.

– Коньяка? – удивилась она. – У меня нет коньяка.

– О, какое серьезное упущение! Разве отец Андрей не учил вас, что у каждой порядочной девушки в доме непременно должна обретаться бутылка хорошего коньяка?

– Нет! – Афинаида рассмеялась.

– Поистине, теперь я уверился, что этот поп был настоящим душегубцем! За столько лет он не научил вас азам православной аскезы!

Афинаида не могла удержаться от смеха.

– Я вижу, вы повеселели, – сказал Киннам. – Это радует! Надеюсь, на сей раз вы придете в себя без коньяка, а в ближайшем будущем я постараюсь исправить досадный пропуск в наборе вашего оружия для духовной брани. Итак, не забудьте: статью надо отослать до вечера воскресенья по тому адресу, который я давал вам на прошлой неделе. Предварительный вариант я видел и думаю, что вы его не испортили, а усовершенствовали, так что смело доделывайте и отправляйте! Ну, а сегодня – спать-отдыхать, договорились?

– Да... Спасибо!

– Спокойной ночи, Афинаида.

– Спокойной ночи... – Она медленно опустила руку с телефоном и прошептала: – Вы – мой коньяк!.. Но что же я буду делать после защиты, когда всё это закончится?

В субботу вечером Афинаида поехала в церковь на исповедь. После ареста Лежнева она ходила по разным храмам и в конце концов остановила выбор на церкви Богоматери-Путеводительницы, где старенький священник сказал ей на исповеди, чтобы она не вдавалась в излишние подробности. Священника звали отец Елисей, и она всегда исповедовалась у него. Афинаида нарочно пришла значительно раньше обычного времени начала исповеди, стремясь оказаться в исповедальне первой, и ей это удалось.

– Вчера со мной случилась... неприятная история, – рассказывала она, волнуясь. – Один знакомый пригласил меня в кофейню и там... стал приставать... Я его оттолкнула, ударила даже, а он... сказал... Мол, я потому им брезгую, что... что мой научный руководитель уже со мной... – Она умолкла, не в силах выговорить слово.

Отец Елисей мягко кивнул:

– Понятно.

Афинаида судорожно сглотнула и продолжила:

– Он сказал, что одна женщина, которая работает с моим руководителем... рассказала ему, как мы с ним... однажды долго просидели вдвоем в кабинете... Это правда так было, мы проговорили с ним долго о разном, о науке, о жизни... Получилось долго, а они... эта женщина и еще другие люди ждали, пока я выйду... И вот, получается, они такое подумали?! Я была потрясена и... ужасно испугалась, что, может, этот слух распространился... И еще этот мой знакомый – он подумал, получается, что я такая... что со мной можно... в любой момент... – Ее голос задрожал. – А я ведь ничего такого не делала... Не вела себя вызывающе, ничего... Почему это так?!

– Не волнуйтесь! Если вы ничего не делали такого, чтобы о вас можно было подумать как о девице легкого поведения, то вы ни в чем не виноваты. Преподобная Сарра сказала: «Если б я старалась угодить людям, мне пришлось бы каяться у них в дверях». Разумеется, вы могли долго проговорить с вашим руководителем, в этом нет ничего зазорного. А что об этом подумали люди... Что же делать, думать никому не запретишь. – Священник улыбнулся. – Но ведь вы знаете о том, что они якобы такое подумали, только со слов вашего знакомого, а он злился, что вы его оттолкнули, мог и присочинить... Как бы там ни было, не смущайтесь! Люди болтают разное, а мы должны смотреть не на людей, а на Бога. Если совесть вас не упрекает, то вам не о чем беспокоиться, что бы там ни думали люди. Идите с Богом!

«Да, всё это так, – думала Афинаида на пути домой, глядя в окно автобуса. – Есть только одно „но“. Я ведь мечтаю о нем... и об *этом* тоже... Лежнев бы сказал, что случай с Алексом – наказание за греховные помыслы... Или предупреждение, вразумление... А я вразумлюсь? Нет! – Она вздохнула. – Но об этом ни с кем невозможно поговорить... И с отцом Елисеем тоже!»

В воскресенье, вернувшись домой с литургии, она позавтракала и уселась за книги, но тут мобильник подал голос: на экране высветилось имя Алекса.

– Господи, что ему еще надо?! – прошептала Афинаида. Она нажала на «отказ», но Алекс сразу позвонил снова: похоже, он все-таки решил ее достать. «Как же не хочется сразу после причастия ругаться, но, видимо, придется!» – подумала она и приняла звонок: – Да, что тебе нужно, Алекс?

– Ида, послушай, – в его голосе слышались непривычные просительно-извиняющиеся нотки, – выслушай меня! Я... во-первых, я прошу прощения, я вел себя грубо... Но ты мне отплатила хорошо! Знаешь, какой фингал у меня теперь под глазом? Сижу, вот, думаю: грим что ли купить, а то неудобно на работу ходить в таком виде... Ну, слушай, ты прости меня, ладно? Я со зла наговорил тебе про Киннама. На самом деле Кира мне ничего такого не сказала, только – что ты долго у него просидела... Ну, еще добавила: «Я бы даже подумала, что она его заинтересовала, если б она не была такой страшилой!» Ну, извини, это я ее слова передаю... Ты ведь тогда еще была не такая, как сейчас! Теперь-то ты хоть куда! Не сердись, Ида!

Афинаида помолчала несколько секунд и тихо ответила:

– Алекс, я... Я тебя прощаю... и не буду сердиться... Но общаться с тобой я больше не хочу, извини. Мы слишком разные, у нас нет общих интересов... и вряд ли они появятся. Думаю, тебя это не слишком огорчит, ты ведь всегда легко находил себе девушек. А меня, пожалуйста, оставь в покое. И не звони мне больше никогда. Прощай! – Она отключила связь и облегченно вздохнула. Значит, Алекс в самом деле преувеличил со зла! Кира, видимо, просто к слову обмолвилась о ней, потому что когда-то они вместе учились, вот и всё...

Что ж, еще одна ниточка, связывавшая ее с прошлым, порвана. Алекс тоже оттуда, из прошлого. Еще не лежневского прошлого, но это были подступы к той яме, куда она провалилась и откуда теперь хотела выбраться окончательно. И в этой новой жизни для Алекса точно нет места. Да нечего было и встречаться с ним! Покрасоваться ей, видите ли, захотелось – ну, вот и получила... Но, с другой стороны, хорошо, что она его стукнула: хоть так отомстить всему этому прошлому за всё! Хоть так.

Афинаида нахмурилась, потом усмехнулась. Нет, это глупая месть. Настоящая месть это, как сказал философ, стать лучше, чем ты был. Но, уж конечно, не в том смысле «лучше», в каком учил Лежнев!

Киннам мрачно наблюдал в окошко самолета, как внизу проплывает Эвбея. Никогда еще он не летел в Константинополь с таким тяжелым сердцем. Последний Золотой Ипподром окончательно убедил его, что тайные надежды хоть на какую-то взаимность императрицы тщетны, и теперь ждать ему было совершенно нечего, кроме новой порции танталовых мук. Сколько бы он ни гнал мысли о Евдокии в Афинах, в Константинополе не думать об августе, ежедневно видя ее, будет невозможно... И снова его захлестывали боль, горечь и досада, изгнанные было из сердца по дороге в горы Тайгета. Нет, не изгнанные – лишь загнанные глубоко в душевные подвалы, под крепкие замки, которые сейчас заскрипели и готовились упасть, как только великий ритор снова вступит под своды Большого Дворца и предстанет перед августейшими...

Как он мог так обмануться, в самом деле? Пять лет наблюдая за Евдокией, любуясь ею, лоя каждое ее движение, взгляд, слово, как мог он не понять, что в безудержном кокетстве этой невероятно красивой и очень горячей женщины не могло быть ничего настолько серьезного, чтобы признаваться ей в своих чувствах?!

Великий ритор усмехнулся: когда-то поймавший немало женщин на подобные приманки, он, наконец, попался сам – справедливое возмездие! Но ирония судьбы состояла в том, что августа вовсе не собиралась его ловить. Она всего лишь слишком бурно и непосредственно

восхитилась его романами, всего лишь обрадовалась, открыв в нем родственную душу, – а он вообразил, будто она догадалась о его чувствах и готова на них ответить... Да, «прочтение изнутри», о котором она говорила, было связано и с тем, что он сумел выразить чувства любящей души, но августа любила не его. Смешно! Она и не подозревала о его страсти, а вольности, впервые допущенные им по отношению к ней за несколько дней Ипподрома, сочла, вероятно, столь же ничего не значащим флиртом, как и ее собственный... Правда, масла в огонь подлил еще и белый вальс, на который августа неожиданно его пригласила: Киннам придал этому столько значения, а между тем эта неслыханная благосклонность оказалась всего лишь случайностью! Ни ее явное удовольствие от общения с ним, ни трепет от мимолетных прикосновений его руки, ни страстное танго на берегу Босфора тоже не говорили о чем-то особенном – по крайней мере, здесь не было осознанного поощрения: если Евдокия и увлеклась слегка, то бессознательно, не держа и в мыслях довести дело до того, на что Феодор понадеялся...

Как всё глупо вышло! Потратить столько душевных сил, едва не навлечь на себя гнев императора – и всё для того, чтобы в конце концов увидеть, как августа оплакивает горькими слезами свое поведение, которое так окрылило его надежды! Ах нет, еще был поцелуй... Единственное, что ему досталось! Он сказал ей, что будет помнить этот поцелуй до конца жизни и не пожалеет, даже если придется заплатить за него потерей ректорского кресла, но... Надо признаться честно: это был риторический пафос! Как ни сладки ее губы, воспоминание о них не утешило б его, если бы дело обернулось прещениями со стороны ревнивого мужа... И хотя Феодор снова летит в Город, снова увидит Евдокию, он ощущал вместо радости, как раньше, лишь глухую тоску. И воспоминание о поцелуе августа не могло развеять ее – смешно, в самом деле! Хотеть всего, а получить одно касание губ – правда, затрепетавших на его губах, но лишь невольно...

Впрочем, если задуматься, что толку в тех стараниях, которые он прилагал, добиваясь благосклонности императрицы? Если бы даже она ответила – что получил бы он? В худшем случае – лишь ее тело, в лучшем – еще и кусочек ее души... Но всю целиком он не получил бы ее никогда: ее связывали с мужем многолетняя любовь, совместная жизнь, дети, общность положения... Да что только их не связывало! Тогда как с Киннамом ее могла бы связать лишь плотская страсть и отчасти душевная близость – но то-то и оно, что лишь отчасти! Даже странно, почему он так надеялся, что она догадается о чувствах, которые он тщательно скрывал при их общении, давая им волю только в своих мечтах и романах? Теперь, по здравом размышлении, эта надежда представлялась ему нелепой. Мало ли на свете было и есть писателей, в чьих произведениях читатели находят много созвучного собственным чувствам, надеждам, радостям, страданиям, взгляду на мир, сомнениям и вере, – но разве из этого следует какое-то отношение автора лично к тому или другому читателю? Странная мысль!

Но нет, все-таки Евдокия могла бы понять! За те пять лет, что он провел в ее ближайшем окружении, развлекая ее, ловя любую возможность, чтобы поговорить с ней, научившись угадывать ее желания, с полуслова понимать ее настроение, – она могла бы что-то понять, по крайней мере, прочтя его романы. Но она не поняла... или не заметила – потому, что сама не питала к нему и ничтожной доли тех чувств, которые питал к ней он. Он был для нее всего лишь одним из поклонников – конечно, из числа самых приятных ей, но не более. Она так любила мужа, что ей, по-видимому, не приходило в голову искать в отношении к ней мужчин, всегда ее окружавших, нечто более глубокое, чем обычный светский флирт...

Словом, даже при самом благоприятном раскладе великий ритор не получил бы от августа, в сущности, ничего сверх того, что имел когда-то от своих любовниц. А этого ли он хотел?! Глупец! Он хотел от нее того, что получить невозможно...

И бессмысленно рассуждать о том, насколько понимает Евдокию августейший муж, насколько они подходят друг другу: она его любит, и этим всё сказано. А великий ритор своим идиотским демаршем не только испортил отношения с августой, которые могли бы перерасти

в дружбу, но еще и навлек на себя мстительный гнев императора, который теперь неизвестно когда утихнет. Ведь краковское поручение не расценить иначе, чем как новую – после подаренной на прошлом Ипподроме вазы с недвусмысленной росписью – попытку ткнуть неудачливого соперника носом в совершенный проступок? И сколько их будет еще, таких шелчков по носу?..

Киннам достал из сумки книгу и попробовал читать, но глаза бежали по строчкам, а ум ничего не воспринимал. Захлопнув книгу, он взял со столика журнал и принялся рассеянно листать. Глянцевые страницы пестрели яркими фотографиями, сопровождавшими рассказы о разных уголках мира, и великий ритор вдруг подумал, что почти не путешествовал ради собственного удовольствия: во все города, где ему довелось побывать, он приезжал исключительно с научными и деловыми целями. Даже летом, когда многие его коллеги отправлялись по туристическим маршрутам, он предпочитал оставаться в Афинах, читал и писал, как всегда, отдыхал в саду у бассейна, иногда выезжал на малолюдные пляжи или выбирался с сыном на близлежащие острова. Правда, прошлым летом они с Фотисом провели месяц в поездке по средиземноморскому побережью, исследуя затопленные города и прибрежные античные развалины, но в целом Киннам редко ездил куда-нибудь, кроме научных конгрессов, конференций и защит. Вероятно, он подсознательно избегал таких путешествий, во время которых слишком остро ощущал то, чего ему всегда не хватало – и когда жива была жена, и позже – и на отсутствие чего он, похоже, обречен до смерти...

Феодор почувствовал, как из глубины души начинает подниматься та нестерпимая горечь, которую он всегда стремился загнать подальше, чтобы не отравлять себе жизнь. Он уже хотел резким движением закрыть журнал, который, вместо того чтобы развлечь его, только разбередил душу, – как вдруг взгляд упал на рекламу коньяка «Хеннесси», и Киннам вспомнил, что обещал подарить Афинаиде оружие для духовной борьбы. Он улыбнулся и подумал, что надо непременно зайти в Городе на Большом Базаре в магазин «Галлика», где продавали лучший коньяк и был богатейший выбор этого напитка. Нужно купить что-то веселого золотистого цвета, с фруктовой сладостью и ванилью... А может быть, апельсиновое с корицей, нотками меда и пряностей... Надо еще подумать на месте, понюхать и попробовать... Ей нужен коньяк понежнее и поутонченнее!

Внезапно Феодору стало легко и даже весело, словно у его поездки в Константинополь появилась некая осмысленная и важная цель. Тоска улетучилась, и хотя этот Золотой Ипподром стал для великого ритора определенным испытанием, Киннаму вполне удавалось держать себя в руках и быть веселым, остроумным и галантным, как всегда. Правда, на этот раз он меньше времени проводил в ближайшем окружении августы, вел себя предельно корректно и был более сдержан в общении, чем обычно, чтобы развеять любые подозрения по поводу их отношений.

На балу в первый день Ипподрома, когда великий ритор пригласил августу на вальс, она заговорила о его третьем романе.

– Я прочла «В сторону Босфора», Феодор, и хочу поздравить вас: это один из лучших романов, которые я вообще когда-либо читала! Мне даже временами... становилось больно при мысли, что вы должны были пережить, чтобы написать так! Я... теперь я понимаю... Мне правда очень жаль!

– Не будем об этом, августейшая, – проговорил Киннам почти небрежно, но только Бог знал, чего ему стоил этот тон. – Пусть всё это останется для нас хорошей литературой. О книге можно говорить, ее можно обсуждать, а что до автора... Ему лучше остаться в тени. Ведь если бы он не признался вам в некоторых вещах, вы бы вряд ли поняли так этот роман, не правда ли?

– Наверное, – призналась она смущенно. – Простите меня, мне не хотелось причинить вам боль!

– О, я не подозревал вас в таком желании, ваше величество! Но я осмелюсь просить вас больше никогда не поднимать между нами эту тему.

– Да, Феодор, конечно!

Императрица в этот раз вела себя гораздо сдержанней, без того кокетства, которое сбило с толку великого ратора на прошлых бегах, но и без неприязни или скованности: она выполнила данное Киннаму обещание, что они останутся «хорошими друзьями». Что ж, друзьями так друзьями – у него нет выбора! Возможно, окружающим они отвели глаза своим благоприличным поведением, но Евдокия, как почудилась Феодору, не слишком обрадовалась его новой манере общения, хотя открыто показать разочарование тоже не могла – как и он, она находилась между двух огней. О да, он догадывался о причинах ее тайного недовольства!

Ведь что значило – остаться друзьями? Это как будто подразумевало: сохранять тот стиль общения, который существовал до прошлого Ипподрома, – но Феодор сознавал, что это нереально. Слишком многое они узнали друг о друге, слишком большое потрясение пережили друг из-за друга. Правда, это могло бы способствовать углублению дружеских отношений, и августа, видимо, была не против: чего ей опасаться, в самом деле? Он больше не позволит себе никаких вольностей по отношению к ней, а она не питает к нему ничего, кроме дружеских симпатий... Однако подобная дружба сейчас больше страшила его, чем привлекала. Когда Евдокия предложила ее четыре месяца назад, он не спешил принять, потому что надеялся на большее и думал, что августа намекала именно на это, – а теперь, когда стало ясно, что большее невозможно, ему хотелось, скорее, сохранить между ними прежнюю дистанцию, потому что близкая дружба грозила стать для него слишком суровым испытанием. Мучаясь жаждой, не просто видеть перед собой стакан воды, а подносить его к губам, даже проглатывать несколько капель, но не сметь пить дальше – какая пытка!

Нет, восстановить прежние отношения так, словно ничего не произошло, уже нельзя. О чем бы они ни говорили, как бы серьезны или, напротив, легки и веселы ни были темы их бесед, за кадром теперь всегда существует знание того, что он безумно ее любит, а она смотрит на него лишь как на друга. И он понимал, что ей втайне очень приятно быть предметом его страсти... Но можно ли осуждать ее за это? Ведь он сам слишком хорошо знал это сладострастие власти над чужой душой, которому так трудно противиться! И хотя Феодор старался общаться с августой как ни в чем не бывало, внутренне он чувствовал себя не слишком уютно. Когда-то он мечтал открыть ей душу, а теперь даже разговоры на самые обычные и нейтральные темы давались ему нелегко: какой во всем этом смысл? Ведь она не любит его и никогда не полюбит...

К тому же он замечал или, скорее, ощущал спинным мозгом, что император следит за ним – это тоже не давало расслабиться и раздражало. Киннам снова задавался вопросом, знает ли августейший о событиях той бурной ночи или нет, догадался ли о его подлинных чувствах к августе или считает его просто дерзким соблазнителем и ловеласом. Последнее было несправедливо, а первое – унизительно. Едва ли император, узнав правду, мог бы посочувствовать ему? Если и мог, то, скорее всего, снисходительно или тщеславно, с тайным удовлетворением, видя перед собой поверженного соперника, который навсегда обречен держаться в рамках приличия...

Черт же его дернул в ту ночь признаться ей в любви!..

«Ничего, – пытался он себя утешить, покинув бальный зал, чтобы сыграть с синкеллом несколько партий на бильярде, – скорее всего, это только поначалу, еще свежи воспоминания, потрясение, горечь... и оскорбленное самолюбие, конечно! Я еще не вполне пришел в себя. К следующему Ипподрому я успокоюсь и перестану так дергаться. Любая рана, если она не смертельна, когда-нибудь заживет...»

Внезапно он вспомнил об Афинаиде и подумал: «Она даже после такого мрака, такого крушения надежд и отчаяния нашла силы жить дальше, начать практически с нуля! А я что же

раскисаю? Подумаешь, получил по морде! В следующий раз буду умнее, вот и всё. Впрочем, следующий раз вряд ли будет... но и это по-своему неплохо. Хватит уже этих глупостей! Надо жить, работать... У меня есть наука, в нее можно вкладываться до бесконечности, киснуть некогда! Сколько ученых становились монахами ради науки, и это куда достойнее, чем стать монахом из-за женщины! Видимо, вся эта история и случилась для того, чтобы я это понял. Да еще и писателем стал заодно. – Киннам мысленно усмехнулся. – Что ж, тоже неплохо, еще один способ себя занять! Вот и новый сюжет сам собой образовался... Да, надо помочь Афинаиде выйти в люди. И я это сделаю».

В тот вечер он еще дважды танцевал с августой, и минутами ему удавалось забыть о своей боли: исчезали и время, и всё окружающие, были только музыка и они двое, и упоение, и наслаждение, которое ему всегда доставлял танец с этой божественной женщиной... Не хотелось ни о чем говорить, хотелось просто скользить по залу, держа ее в объятиях; но августа, напротив, старалась поддерживать разговор, словно молчание ее стесняло. Когда они танцевали Босфорский вальс, Евдокия спросила, над чем Феодор сейчас работает. Вопрос был поставлен обтекаемо, однако Киннам догадался, что ее интересует прежде всего его литературное творчество, но она не решалась спросить об этом прямо, памятуя его летнее признание, что он писал романы, пытаясь избавиться от тоски по ней. Он ответил, что заканчивает монографию про Анну Комнину и ее интеллектуальное окружение, собирается писать и новый роман, но пока еще только обдумывает его. Великий ритор говорил непринужденно, показывая, что эта тема не тяжела для него, и почувствовал, что императрица обрадовалась. Но почему их беседа как-то незаметно иссякла?.. Потом он не мог вспомнить этого, хотя пытался. Запомнилось ему лишь то, как он вдруг словно очнулся от вопроса:

– О чем вы задумались, Феодор?

– Я?.. Да так, ваше величество, пришли на ум научные дела. – Он улыбнулся и рассказал свежий анекдот из жизни академической элиты.

Однако вопрос августы заставил Киннама осознать странную вещь: впервые, танцуя с Евдокией, он вдруг стал думать не о ней, а о девушке с зеленовато-кариими глазами, которая вряд ли умела танцевать.

Константин сидел за большим рабочим столом в яшмовом кабинете дворца Дафны. Эту комнату еще в девятнадцатом веке повелел отделать красноватым камнем Василий VI: он верил, что яшма хорошо помогает от болезней глаз. Правда, пользы последнему Палеологу от нее было немного...

Автократор ромеев был одет в поношенный пурпурный гиматий, который хорошо сочетался с красноватым камнем столешницы и стенных панелей – настолько хорошо, что бледное озабоченное лицо императора, обрамленное седеющей, но еще достаточно черной бородой, казалось неуместным добавлением к гармоничному интерьеру, напомидало наспех сделанную маску из музея восковых фигур. И всё же оно было живое, с блестящими карими глазами и подвижными густыми бровями.

– Так вот, – рассказывал синкелл, сидевший напротив за небольшим столиком для докладов, – когда дверь захлопнулась, они, видимо, испугались и сразу вломились в алтарь. Попробовали разбить окно в апсиде и вылезти наружу.

– Получилось? – мрачно спросил император.

– Они же думали, что раз решетки нет, то и проблем не будет. – Синкелл усмехнулся. – В общем, два подсвечника расплющили о стекла, а тут и астиномия подоспела...

Сквозь старинные мутноватые стекла двух окон за спиной императора лился тусклый зимний свет. На дворе можно было различить силуэты соседних построек и голых деревьев

сада, небо же почти закрывала громадная колоннада ипподрома. Там, несмотря на пасмурный и холодный день, кипели страсти, стотысячная толпа на трибунах по временам взрывалась то диким воем, то аплодисментами. Порой небо над Городом светлело, и тогда очертания предметов становились резче, а полутени пропадали.

Третий день Рождества Христова, второй день зимнего Золотого Ипподрома. Серые и мокрые декабрьские дни, безусловно, не очень благоприятствуют веселью, но что поделать – традиция, болельщикам всё нипочем, да еще Календы...

До самодержца звуки с ристалища долетали только в виде неясного и негромкого гула. В большом камине весело трещали дрова, было тепло и уютно. Если бы не заслонявшая огонь черная худощавая фигура Иоанна и не принесенные им новости, можно было бы благодушествовать... Впрочем, Константин уже довольно долго пребывал в тревожном состоянии, в предчувствии надвигающейся бури, так что известия о сегодняшнем происшествии не разрушили мирный пейзаж, а, скорее, дополнили новыми мазками батальное полотно.

Несколько часов назад, утром, когда почти весь Город был занят начавшимися состязаниями, восемь девиц в длинных плащах вошли в Круглую Усыпальницу – одну из многочисленных пристроек к храму Апостолов, – где покоились императоры династий Ласкарисов и последних Палеологов и был устроен небольшой алтарь для поминальных служб. Там, на глазах экскурсионной группы, состоявшей из японских пенсионеров – только старики в этот день и могли осматривать достопримечательности столицы, – они скинули маскировку и, оказавшись в ярких клоунских майках и разноцветных чулках, исполнили какую-то странную песню, сопровождавшуюся дикой пляской, взывая вроде бы к усопшему императору Иоанну XI Ласкарису. Никто, понятное дело, слов разобрать не смог, да и не пытался: туристы в ужасе выбежали на улицу, а зритель не нашел ничего лучшего, как выскочить вслед за ними и захлопнуть входную дверь.

В сети вскоре появилась видеовеерсия выступления с подложенным в студии звуком: девицы просили императора восстать, разогнать алчных попов и опять утвердить повсюду веселье и радость. Нечего и говорить, адресат был выбран удачно: именно Иоанн Веселый в 1728 году не только в очередной раз уменьшил квоту на церковные имения, но и обложил духовенство чрезвычайным налогом, а на собранные деньги начал строить театры и с размахом давать представления. Время для акции тоже оказалось подходящим: в эти дни весь мир смотрел на Константинополь, высокие гости съезжались тысячами, и тут такое...

Хулиганок уже несколько часов держали в астиномии, следователи пытались разобраться в мотивах странного поступка, но пока впустую: преступницы находились в полушоковом состоянии и в основном отмалчивались. Сообщили только, что все они входят в некую авангардистскую поп-группу, название которой привести отказались.

– Собственно говоря, почему ты, отче, хочешь каких-то инструкций? – спросил Константин. – Есть судьи, пусть они решают, кого и за что наказать.

– Государь, с формальной точки зрения нарушены прежде всего твои права, ведь Апостолия со всеми усыпальницами – собственность императорской фамилии, – спокойно ответил синкелл, глядя в глаза самодержцу. – А собственник вправе заявлять о том, какие именно его права нарушены. Здесь можно усмотреть много всяких преступных деяний...

– Что же им можно инкриминировать? – задумчиво произнес император. – Порчу имущества?

– И надругательство над местом упокоения. А также оскорбление веры, величества. Император поморщился.

– Я никогда не понимал этого закона. Как можно нарушить покой того, кто давно покойник? Иоанна не оскорбляли, не вынимали из гроба, лишь просили восстать – к счастью, безуспешно. А танцем его, пожалуй, изрядно развлекли, покойный был до них охоч. Вот что в алтаре ворвались, это, конечно, безобразие. А что говорит святейший?

– Он возмущен, но более всего тем, что оскорблена особа усопшего императора и сама идея самодержавной власти, так сказать, – ответил Иоанн, скосив глаза в угол.

– Вот уж идея точно потерпит, – отрезал Константин. – Я за нее вступаться не буду, к чему нам пустые скандалы вокруг императорской фамилии? Хорошая идея всегда защищается самостоятельно. И вообще, это очень несвоевременно, только усилятся все эти разговоры о тирании...

– Какие разговоры? – Синкелл удивленно вскинул брови. Он даже закрыл свою папку и слегка откинулся на спинку стула.

– Тебе они не слышны? Зато мне слышны хорошо. Все эти «захватчики Большого Дворца», хурритские доброхоты, промотавшиеся торговцы, тунеядцы – все вдруг заговорили о зажиме общественной жизни и критики!

– Ах, это. – Иоанн усмехнулся. – Не думаю, что стоит придавать такое значение этим «борцам за справедливость». Они есть везде и всегда чем-нибудь недовольны. Особенно теперь, после московской революции. Им бы с Ходоровским поговорить, он бы им рассказал, что такое зажимы... Если эту публику накормить до отвала и каждому дать по миллиону, они завтра будут требовать, чтобы зимой была жара.

– Мне всё видится несколько в ином свете, и я не склонен так легко относиться к возникшему движению, очень уж синхронно всё происходит, – пробормотал император в задумчивости. – А вот ты мне ответь по совести, как священнослужитель: ведь разгром в алтаре усыпальницы возмутит многих? Даже если не брать Кирика с его возлюбленной паствой... Может быть, действительно стоит вспомнить о законе об осквернении святынь? Чтобы другим неповадно было?

– Да кому другим-то, государь? – воскликнул синкелл. – Закон не применялся уже лет шестьдесят, и, кажется, все прекрасно понимают, что плясать в храме или на кладбище нехорошо. Это и самим девицам понятно, иначе бы они сейчас не были так испуганы. Так что, если хочешь знать мое мнение, не нужно на это происшествие обращать много внимания. Ведь не для того ли оно и затеяно, чтобы внимание привлечь?

– Положим. Таким образом, им, как я понимаю, выпишут причитающийся штраф и выгонят вон... А ты лучше скажи, отче, что всё это может значить?

– Государь, это может значить всё, что угодно, – спокойно начал синкелл. – Возможно, это реакция на деятельность митрополита Кирика, он даже упомянут в тексте песни. Кирик, кстати, уже выпустил обращение к пастве, собирается устраивать крестный ход в защиту поруганной веры...

– Ты был прав, он неисправим!

– Да, он только и думает, как бы сделать так, чтобы о нем не забыли...

– А что еще?

– А еще это может означать происки Радужной Лиги. Им до сих пор не надоело бороться за свои права.

– Кстати, они участвуют и в движении «Захвати Большой Дворец».

– Да...

– Но, на самом деле всё, увы, серьезнее, – промолвил Константин и посмотрел за окно, в сторону темнеющей над уступами дворцов громады ипподрома. – Кто-то хочет посадить на престол Ласкарисов... – Он снова повернулся к синкеллу. – Да, это точно.

В этот момент большое полено в камине оглушительно стрельнуло и разлетелось мелкими угольками. Двое мужчин даже не вздрогнули, они пристально глядели друг на друга.

– Государь, я полагаю, это чересчур смелое истолкование, – произнес Иоанн после длинной паузы.

– Возможно. Но... увидишь!

– Тебе нужно бы побольше отдыхать, государь.

Константин усмехнулся:

– Знаю, но сейчас это немислимо, ты должен понимать...

– Понимаю. Но я не сказал об еще одной возможности.

– Какой же?

– Эта акция может *ничего* не означать. Просто девчонки решили спеть в усыпальнице и вызвать дух Иоанна, пришли и спели. Ты ведь не склонен придавать чрезмерного значения спонтанным женским желаниям и идеям?

– Пожалуй, это был бы лучшей вариант, – согласился император. – Но, скорее всего, прав я.

Отослав синкелла, он еще долго смотрел на угасавший огонь, автоматически постукивая по камню стола рукояткой кинжала. Да, Иоанн не может или, скорее, почему-то не хочет охватывать взглядом всю картину. Между тем противодействие практически любым шагам правительства постоянно нарастает, такого не было за всё время царствования Константина.

Выдача полякам воришки Габриэле была расценена как уступка клерикалам и всколыхнула столичную публику. Переговоры о передаче караваджевского «Юноши с корзиной фруктов» в Краков породили еще более нелепые слухи: оказывается это не только разбазаривание культурных ценностей, но еще и прямая угроза благополучию племса! Раскопали где-то глупейшую басню о том, что Джакомо Скорцени, знаменитый коллекционер, передавая картину в дар императорской галерее, уверял, что отныне неурожаи прекратятся – в середине семнадцатого века часто случались недороды – и беда не вернется вновь, пока полотно находится в Константинополе... Кстати, весьма странно, что известия о переговорах насчет Караваджо так быстро просочились в газеты! Не Киннам ли постарался? Хотя нет, для него это слишком топорная работа... Уж после того, как ловко он обаял папу, совершенно очевидно, что афинский ректор – птица высокого полета. Из какого только гнезда эта птица?

Начало строительства нефтепровода тоже почти никого не обрадовало – напротив, раздалась голоса, что перекачка нефти выгодна не народу, который от нее ничего не получит, а лишь правительству да банкирам. Тем более, что нынешнее противостояние на Кавказе – не особо кровопролитное, но, очевидно, затяжное – вызвано как раз необходимостью защиты этой коммуникации...

Не нравится даже идея возвращения культурных ценностей: говорят, будто власть решает этим исключительно собственные проблемы! Дошло до того, что торжественную церемонию встречу святынь у Золотых ворот некоторые деятели призывают бойкотировать, а то и сорвать. А восстановление разобранного моста перед воротами наверняка всколыхнет каких-нибудь пацифистов...

На этом месте своих раздумий Константин замер. Ему живо представился министр культуры, Кирилл Ласкарис, один из потомков царствовавшей некогда династии, в окружении древних святынь императорского дома... В сценарии встречи ему отведена важная роль, и, более того, в Краков отправился его племянник, Павел Ласкарис, который должен сопроводить шедевры Рафаэля и Караваджо и лично получить от папы «Владычицу Дома».

– Все-таки древние были мудрее, – сказал вдруг Константин вслух и даже кивнул кому-то невидимому, будто соглашаясь с ним. – Они понимали, что свергнутые династии должны пресекаться в монастырях.

Ему стало очевидно, что министра культуры надо срочно сместить, в торжественной церемонии он участвовать не должен. И сместить даже есть за что: странные махинации с реставрационным фондом уже сделали отставку неизбежной, однако на замену этого министра нужно согласие Синклита... Удастся ли его получить так быстро? Но что-то сделать необходимо, ведь теперь, после дурацкой пляски на могиле Ласкариса, всё изменилось. Все эти игры смыслов могут насмешить кого угодно, но в Константинополе они будут работать! И рабо-

тать не на Кантакузинов. Допустить Кирилла до реликвий василевсов, тем более во время народного праздника – это всё равно что дать ему примерить императорскую стемму.

Дни зимнего Золотого Ипподрома в Константинополе были наполнены развлечениями до предела. Тому, кто хотел бы участвовать во всех, для отдыха не оставалось времени: зимние бега, начинавшиеся сразу после Рождества, совпадали с древним праздником Календ, который снова стали отмечать в начале восемнадцатого века. Как будто в компенсацию за промозглую погоду и короткие дни, эта неделя вся состояла из музыки, шуми, ярких красок и огней.

Церковь с давних пор боролась с языческими празднествами, но вполне безуспешно. Несмотря на последовательные запреты соборов, эти веселые дни так или иначе всегда отмечались в Городе. А уж после знаменитого указа императора Иоанна Веселого Календы стали обязательным государственным праздником. Это произошло в 1729 году, после неудачного покушения на василевса, случившегося прямо в древнем городском театре, в Кинегии. Иоанн был обязан жизнью не только Календам, но и своей страсти к актерству и переодеваниям. Когда убийцы, смяв немногочисленных стражников у императорской ложи, ворвались туда, они застали там лишь дрожащего от страха Петро, персонажа уличного театра Мазарис, в традиционном дурацком костюме, похожем на одежду славянских крестьян. Им было невдомек, что Иоанн тешил свое императорское величество тем, что иногда через тайный ход пробирался на сцену и принимает участие в пьесе собственного сочинения... Бросив в ложе человека, который был, по их мнению, всего лишь презренным актеришкой, они разбежались по театру в поисках самодержца, но вскоре были переловлены. Суд над заговорщиками был громкий, все они поплатились головами, которые выставили у Милия – первая публичная казнь за предшествовавшие сто лет. При тогдашней обстановке даже патриарх не мог воспротивиться введению праздника, тем более, что связи убийц с церковными кругами были очевидны. Впрочем, тяжелые времена для высшего духовенства только начинались, вскоре ему стало не до осуждения Календ.

А праздник прижился, несмотря на отчетливый отпечаток официоза. Теперь Календы праздновались в центре Города за счет казны и были довольно жестко регламентированы. Начинались они, в отличие от древних, не первого января, а сразу после Рождества, вобрав в себя период языческого празднования в честь Пана, когда-то известного как *Вота*. В течение десяти дней в зоне карнавала – на Августеоне и на исторической части Средней улицы – вообще нельзя было появляться без маски, хотя бы чисто символической. Ослушников штрафовали, могли даже арестовать. С другой стороны, чиновникам высоких рангов, особенно людям богатым, запрещено было появляться в дорогих костюмах. Они обязывались носить маски ремесленников, торговцев или крестьян, и каждый, кто узнавал их в карнавальной толпе, мог обращаться к ним совершенно свободно – чем многие и пользовались, чтобы быстро решить затянувшееся дело или высказать недовольство. Правда, о недовольстве в период веселой суматохи Календ помнили редко. Весь Город гулял, пел и плясал, наслаждался жизнью и веселился. В девятнадцатом, а особенно в двадцатом веке константинопольский карнавал стал привлекать толпы любопытных со всего мира и превратился в одно из самых важных европейских шоу. Уж гостям-то позволялись самые богатые костюмы, самые изысканные маски. Императоры, со своей стороны, содержали для праздничных дней обширную реквизиторскую палату, откуда за небольшие деньги можно было получить роскошный костюм – всем, кроме имперских чиновников высоких рангов.

Словом, во время Календ всё перемешивалось – все чины, звания, нищета и богатство, скудость и щедрость. Только духовные лица были освобождены от обязанности носить маски,

но они и не стремились попасть на территорию Календ, понимая, что присвоенные их званию наряды сами по себе будут выглядеть личинами ряженых.

Августейшие пили вечерний кофе над дворцовыми воротами Халки. Тысячу лет назад здесь, на высоко расположенной площадке, стоял храм, хранилище древних святынь. Но после того как ворота были воссозданы фактически заново, о нем напоминал лишь большой крест, воздвигнутый на точеной колонке. Под ним оборудовали место для отдыха императорской семьи – небольшой павильон, который открывался в сторону главной площади просторным мраморным балконом.

За стеклянными дверями шумела, сверкая огнями, площадь Августеон, блестели в лучах прожекторов мокрые крыши столицы – то и дело принимавшийся моросить холодный дождь не давал скидки ради праздников, хотя на него мало обращали внимания, – но внутри было относительно тихо. Большие напольные часы неумолимо постукивали, приближая момент, когда нужно будет явить имперское величие перед праздничной толпой.

Законы Календ распространялись и на августейших, поэтому Евдокия была в костюме Тихе, Судьбы Города – белой длинной хламиде, перепоясанной широким голубым поясом. Константин облачился в алую тунику и панцирь, которые должны были придать ему сходство с великим и равноапостольным тезкой. Катерина нарядилась дриадой – в зеленый балахон и парик из веток и цветов. Ее глаза смеялись, тонкие руки то и дело взлетали к прическе, чтобы хоть немного привести ее в привычный вид. Принцесса чувствовала необычное смущение от того, что придется в таком виде показаться перед толпой. Может быть, потому, что оттуда, снизу, будет смотреть Луиджи?.. Кесарий облачился в форму маленького гренадера времен войн с Наполеоном. Его сегодня ждал детский бал в Триконхе, и он ерзал от нетерпения, быстро поедая пирожные с большого серебряного блюда. Сейчас нужно было набраться терпения: порядок есть порядок, нарушать его нельзя даже принцу.

– Как тебе нравится Ходоровский? – поинтересовалась императрица у мужа между двумя глотками ароматного напитка. – По-моему, он ужасно зажат и напуган.

– Полагаю, он держится весьма неплохо для человека, который впервые за границей, да еще в таком статусе и на таком празднике! – возразил император. – Не знаю, смог бы я так на его месте... Впрочем, нам сложно представить его ощущения.

– Ну да, можно сказать, что с соловецкой каторги – прямо сюда, – поддакнула Катерина.

– По крайней мере, температура у нас сейчас похожа на тамошнюю, того и гляди, снег пойдет, – Константин усмехнулся, – такая на Соловках летом... Хотя ничего смешного в этом нет, – автоматически поправил он сам себя.

– Ты что-то опять в мрачном расположении духа. – Августа покачала головой. – Все-таки сейчас праздник, время веселья!

Ее слова потонули в грохоте салюта. Раскаты орудий на минуту заглушили и гомон праздничной толпы на Августеоне, и стрекот маленьких вертолетов, разбрасывавших конфетти, и тихий перезвон колоколов, которым многочисленные храмы настойчиво, но безнадежно зывали прихожан на вечерню...

Катерина бросила взгляд на часы: пора! Все надели маски и, встав из-за стола, вышли на украшенный цветами балкон. Тут же раздались звуки труб, огромная толпа на площади затихла, чтобы в следующий миг взорваться приветственными криками и рукоплесканиями. Хоры цирковых партий, разместившиеся в длинных портиках, затаили славословие августейшим.

Император смотрел вдаль, на залитую огнями Среднюю, на огромный Город, который словно шевелился, устраиваясь поудобнее в лучах желтого электрического света. Вся центральная магистраль была ярко освещена, как и соседние улицы с переулками. Император мог видеть Среднюю только до поворота, где когда-то был Дворец Антиоха, а теперь раскинулся археологический парк, но он знал, что и дальше, на Форумах Константина, Феодосия, до самого

Форума Тавра плещется праздничная толпа, звучит музыка, поднимается пар от бесчисленных лотков, подносов и кружек; клубится дым кальянов и кадилниц с ароматами, шуршат по мостовой башмаки замаскированных гостей, тархтят тележки разносчиков снедей, цокают копыта коней – вся конная жандармерия сегодня следит за порядком на улицах. И всё это месиво поет, пляшет, играет, хлопает в ладоши, жует, просто расхаживает взад-вперед, любуясь на диковинные маски. Тысячи туристов съезжаются специально, чтобы посмотреть на то, как византийцы справляют Календы. Символические картонные полумаски можно получить бесплатно, но большинство предпочитает приезжать со своими, а то и привозить роскошные костюмы, вокруг которых так и вьются фотографы.

Второго такого праздника в мире нет, ни по насыщенности событиями, ни по богатству красок, ни по размаху! Даже на Босфоре вечерами прекращается движение больших кораблей, повсюду снуют только прогулочные яхты, катера и трамвайчики. Люди готовы платить небольшие деньги просто за то, чтобы полюбоваться Константинополем с воды, посмотреть, как светится каждый зубец морских стен, как тянутся ввысь древние колонны, как сияет громадная корзина ипподрома, мигает подсветкой похожий на вставную челюсть древний акведук – а над всем этим сверкают мириады огней от фейерверков. Отражаясь тысячами бликов в беспокойной босфорской воде, они создают ощущение, будто небо давно перевернулось, не в силах спокойно смотреть на этот праздник жизни.

А пилоты вертолетов видят ночной Город как бурлящую огненную реку или даже как мощную конечность неведомого существа с круглыми суставами залитых светом форумов. По ее нервным пучкам носятся разноцветные импульсы, проносятся жизненные токи – но уже никогда не пошевелится эта волшебная длань, не поднимется из футляра стен и портиков. После столетий запустения Средняя заключена в мрамор и гранит – навсегда, до последней трубы.

Император стоял на балконе рядом с семейством, за спиной возвышались два лабарума, еще выше – большой крест. Евдокия, Екатерина и Кесарий радостно махали руками, что-то крича вниз. Створки высоких медных ворот, закрывавших величественную арку Халки, были замкнуты на ключ, перед ними стояла стража в ярких костюмах. Ворота эти украшали барельефы, на которых потомки святого Константина повергали в прах врагов Империи – талантливая имитация середины позапрошлого века. Пар от дыхания тысяч людей поднимался в прохладном ночном воздухе, и свежий ветерок гнал его в сторону, принося то ароматы Пропонтиды, то благоухание фимиама, курившегося в Святой Софии.

Лицо василевса закрывала маска Константина Великого, напоминавшая прежнюю статую с колонны Форума: строгие античные черты Аполлона, сияние вокруг головы в виде тонких лучей... А настоящий, живой Константин, пряча под маской тревожную складку губ, пытался понять, что за сигналы несутся к нему из бурлящего людского моря. Враждебно оно или снисходительно? Может быть, все эти люди – его союзники, соратники и болеют за благополучие страны? Где же тогда недовольные, которые не далее как нынешним утром вопили, что умирают от голода, что им недостает свободы, что звери-астиномы до смерти напугали невинных девушек, решивших устроить художественную акцию на могилах Ласкарисов? Да еще наложили большие штрафы, да еще, говорят, невежливо пихали коленками пониже спины, заталкивая в машины... Разве не возмутительно?!

Понимая, что его настоящее лицо никто не увидит, Константин позволил себе усмехнуться. Да, протестующая общественность, похоже, обижена тем, что акция в усыпальнице прошла почти незамеченной. О ней бы и вовсе не говорили, если б не шум, поднятый Кириком с его юродствующей братией, легковозбудимыми фанатиками, уже кричащими о крестовом походе за веру и о несмываемой обиде, нанесенной Вселенской Церкви...

Средняя шевелилась и пульсировала, гнала в сторону Августеона человеческие потоки, словно напряженная вена – темную кровь к сердцу Империи. На миг Константину показалось,

что в толпе мелькнула характерная маска «Экзегерси Гатес» – так, оказывается, называлась поп-группа, сплывавшая на могилах его предшественников. Или это просто морок?..

Как раз сейчас должно было начаться ритуальное действие – переход на статую Юстиниана. Давным-давно, более тысячи лет назад, при императоре Феофиле, некий кровельщик умудрился натянуть веревку от копыта Юстинианова коня до крыши Великой церкви и перебраться к царственному всаднику: с бронзового шлема исполина от землетрясения попадали золотые перья, и нужно было вернуть их на место. За это обещали награду, однако желающих долго не находилось: уж очень высоко вознесся великий император со своим скакуном, уж очень грозно простирал он руку на Восток, в сторону Персии, Индии и самых дальних варварских стран... И всё же человек придумал, как покорить бездну между Святой Софией и конной статуей василевса.

Вот очередной смельчак уже на крыше Великой церкви. Прожектор высвечивает его силуэт, он машет толпе рукой и смеется. В правой руке тяжелый арбалет. Секунда – он приложен к плечу, стрела летит под копыта коня, за ней тянется тонкая леска... Получилось! В этом то и заключается основная интрига трюка: сумеет ли канатоходец натянуть веревку – каким угодно способом, с помощью ли стрелы, метко пущенного копья, камня из пращи или какого-нибудь другого снаряда, к которому привязана прочная нить – и насколько ловко вскарабкается он на голову Юстиниана за вставным пером плюмажа...

Внизу стрелу подхватывают, тянут, налегают: за леску привязан тонкий канат, он быстро натягивается от пьедестала статуи до кровли – можно идти! Отважный канатоходец ступает на зыбкую нить. Снизу канат и правда кажется ниткой, которая к тому же предательски растягивается, провисает, несмотря на усилия тех, кто внизу. Но у канатоходца надежный длинный балансир, он двигается медленно, пройти нужно более ста метров, на высоте пятидесяти... Толпа внизу замерла – и как будто даже слышно, как потрескивают каштаны на жаровнях, пузырится пиво в кружках... Тянутся секунды, минуты, и кажется, что это путешествие никогда не кончится или завершится ужасно: все знают о страховке, но ее не видно снизу, да и что в ней толку? Оступиться на глазах многотысячного Августеона, перед императорской четой и десятками телекамер – хуже смерти. Смерть могла бы быть почти мгновенной, даже почетной, а позор барахтания в воздухе на спасательном поясе под крики и улюлюканье – непереносим...

Но он дошел! Смелый канатоходец кланяется императорской ложе, сама Судьба посылает ему воздушный поцелуй, приветственно поднимает длань основатель Города, внизу плещется восторженная толпа... Смельчак устраивается в блестящем подвесном треугольнике, скользящем на роликах по стальному тросу, и через несколько мгновений оказывается на земле. Там с восторгом встречают канатоходца, он передает на трибуну синклитиков символическое перо, принесенное с головокружительной высоты, – и получает горсть отнюдь не символических золотых номисм. Трибуна синклитиков пристроена к стене Дворца и не особенно поместительна, ведь только люди самого почтенного возраста соглашаются в такой день представлять выборную власть посреди веселой толпы. Но и этот атрибут праздника совершенно необходим – обычай, древний обычай...

– Обычай, это наш древний обычай! – объяснял человек в длинном золотом придворном гиматии и с золотой же полумаской на лице, другому, одетому в строгий черный костюм, но в такой же золотой полумаске и накинутом на плечи серебряном плаще.

На плече у чиновника красовалась вышивка, говорившая о принадлежности к коллегии переводчиков. Его визави был вежлив, сдержан, но гладко выбритые щеки и волевой подбор-

родок непостижимым образом выдавали крайнюю степень удивления происходящим вокруг, смущения и даже тоски.

– Календы длятся десять дней, – объяснял переводчик.

– А потом?

– А потом огни торжественно заливают водой и наступает крещенский сочельник.

– Соче... Ах, да. – Мужчина кивнул, вспомнив устаревшее слово.

– До него еще далеко. Так вот, каждый день посвящен одному из диоцезов Империи, коих тоже десять – Болгария, Сербия, Пелопонесс, Каппадокия, Палестина и так далее. В этот день на Среднюю доставляются кушанья и напитки, традиционные именно для данной провинции, выступают артисты, поэты, родившиеся в тех местах. Даже оформление улицы делается в цветах диоцеза. Вот сегодня, например, день Халдии, она населена преимущественно турками, и вы видите красно-синюю гамму. И, между прочим, зрители должны выбрать лучшие маски театра Мазарис, которые будут участвовать в финальном представлении.

– Какого театра, простите?

– Мазарис. Это греческий народный театр, уличный театр, у него долгая история.

– Я уже понял, что здесь не бывает кратких историй. – Гость улыбнулся.

– Истинно так... Благодарю вас, вы необычайно любезны! – Переводчик почему-то почувствовал себя польщенным.

«Какой у него архаичный язык! – подумал президент Российской Республики, а это был именно он. – Не иначе, проходил стажировку в Сибирском царстве... Или у местных эмигрантов научился?»

С представителями ортодоксальной русской эмиграции Михаил Ходоровский уже успел встретиться позавчера в бывшем посольском храме апостола Андрея Первозванного. Пожилые интеллигентные люди, говорившие со странным прононсом, который они называли истинно-петербургским, ему чрезвычайно понравились. Всё в них было изящно, сдержанно, пропорционально. Если бы не странное желание, чтобы в ленинградском Эрмитаже немедленно водворился толстый избалованный мальчик, почему-то считавшейся истинным наследником российского престола, с ними было бы очень приятно общаться... Но эта деталь, к сожалению, смазывала впечатление: президенту чувствовал себя крайне неловко, видя, как умные адекватные люди совершенно теряют голову, говоря о законе императора Павла I и сакральной особе монарха... И где – в Константинополе, который, хотя внешне достаточно традиционен, при этом, однако, не абсолютизирует ни одну из политических теорий.

– Я всё же позволю себе вкратце рассказать о Мазарисе, если вы благоволите выслушать, – вернул Ходоровского к действительности переводчик. – Видите ли, народный, площадной театр существовал у нас очень давно, задолго до Великой Осады. Только это был еще не театр вовсе, а нечто вроде... балагана, как говорили у вас в России. Ходили повсюду такие люди, которые на потеху публике кривлялись, плясали, изображали попов и фискалов, смеялись надо всеми...

– Что-то вроде скоморохов?

– Именно! Я запомнил это слово. И их, разумеется, осуждали, даже преследовали, особенно церковь. Но когда началась Реконкиста, когда произошло смешение племен и наложение друг на друга всяких новых смыслов, этот жанр очень сильно изменился, вернее, оформился в нечто цельное. Появились эдакие стандартные персонажи: турок Балабан – хитрый, но недалекий; крестьянин Петро – честный, но совсем простой парень; монах Симеон со своей подружкой, уличной девкой Федорой; отважная Зулейка, которая всегда борется за правду; злой судья Воидат... Готовые маски, понимаете? Их довольно много.

Ходоровский кивнул, наблюдая тем временем, как воздушные гимнасты выделяли невероятные трюки на канатах и трапециях, натянутых между портиками Августеона. Некоторые при этом пытались самыми различными, порой комическими способами подняться

с земли на статую Юстиниана: один полз по тросу задом наперед, другой ехал на детской лошадке, за третьим гналась жена с большой скалкой...

– Так вот, – продолжал переводчик, – для этих героев придумывали всяческие приключения, часто фантастические, пока, наконец, не поместили их в загробный мир – в такое странное место, которое описано в сатирическом диалоге «Мазарис». Там-то вообще всё можно, никаких запретов, полная свобода творчества... И этот театр Мазарис стал пользоваться огромным успехом в варварском мире. Бродячие труппы ходили по всем окрестным странам, потешали публику, которая раньше ничего подобного не видела...

– У нас в России, кажется, тоже одно время была мода на что-то подобное, – припомнил президент.

– Да. Варвары так падки на всё блестящее, на внешние эффекты, и это их губит... То есть, простите, – поправил переводчик сам себя и даже закашлялся от неловкости, – я, собственно, хотел рассказать историю завоевания Северной Болгарии, она связана с Мазарисом. Вы не слышали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.